

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Грегор Иоганн Мендель* (1822–1884) — выдающийся учёный, основоположник генетики, чьи открытия заложили фундамент современной биологии и изменили представление о механизмах наследственности.

Иоганн Мендель родился в небольшом сельском поселении Хейнцендорф в Моравии (ныне территория Чехии) в семье крестьян. С ранних лет мальчик проявлял необычайную тягу к природе: он с интересом наблюдал за растениями и животными, подмечая различия между особями одного вида. Семья жила скромно, и образование для сына было серьёзным финансовым бременем, однако родители всеми силами старались поддержать любознательность Иоганна. Уже в начальной школе учителя отмечали его выдающиеся способности к точным наукам и исключительную память.

В 1834 году Мендель поступил в гимназию в Троппау, где особенно преуспел в математике и физике. Учёба давалась ему нелегко из-за постоянной нехватки средств: юноше приходилось подрабатывать, чтобы оплачивать учебники и жильё. В 1840 году он окончил гимназию и поступил в философские классы в Ольмюце, где изучал физику, математику и естественные науки. Именно в этот период Мендель всерьёз увлёкся экспериментами и начал понимать, что закономерности природы можно описывать языком чисел и статистики.

Тяжёлое материальное положение вынудило Менделя искать стабильный путь в жизни. В 1843 году он принял решение поступить в августинский монастырь Святого Фомы в Брюнне (ныне Брно). При постриге он взял имя Грегор. Монашеский статус давал не только кров и пропитание, но и доступ к библиотеке, лекциям и научным дискуссиям. Монастырь был важным интеллектуальным центром региона, и здесь Мендель смог продолжить образование, а позже даже преподавать физику и естественную историю в местной гимназии. Правда, сдать экзамены на звание учителя ему так и не удалось — дважды он проваливался на устных испытаниях, хотя в письменных работах неизменно показывал высокий уровень знаний.

С 1854 года Мендель начал проводить свои знаменитые опыты с посевным горохом в монастырском саду. Выбор объекта был не случаен: горох легко выращивать, он быстро даёт потомство, а его признаки (цвет цветков, форма и окраска семян) чётко различаются и наследуются предсказуемо. В течение восьми лет Мендель скрупулёзно скрещивал растения, подсчитывал тысячи потомков и фиксировал результаты. Он ввёл строгие правила эксперимента: использовал чистые линии, контролировал опыление вручную, вёл подробную статистику. Именно сочетание биологического эксперимента с математическим анализом позволило ему сформулировать законы наследственности — закон единообразия гибридов первого поколения, закон расщепления и закон независимого комбинирования признаков.

Результаты своей работы Мендель изложил в труде «Опыты над растительными гибридами», который представил в 1865 году на двух заседаниях Общества естествоиспытателей в Брюнне. В 1866 году статья была опубликована в ежегоднике общества. Однако современники не оценили масштаб открытия: работа осталась практически незамеченной. Лишь немногие учёные обратили внимание на строгую математическую логику выводов, но широкого признания не последовало. Сам Мендель пытался повторить свои опыты на других растениях и даже на пчёлах, но результаты оказались неоднозначными — впоследствии выяснилось, что механизмы наследования у этих организмов сложнее, чем у гороха, и не укладываются в простые схемы.

Интересный факт: Мендель не только занимался наукой, но и активно управлял монастырём. В 1868 году он был избран настоятелем монастыря Святого Фомы. С этого момента научная деятельность отошла на второй план: административные обязанности, финансовые вопросы и забота о братии отнимали почти всё время. Тем не менее даже в роли аббата Мендель оставался верен своему аналитическому подходу: он тщательно вёл учёт расходов, внедрял рациональные методы управления и даже интересовался метеорологией, регулярно записывая данные о погоде. Эти наблюдения он публиковал в научных изданиях, демонстрируя широту своих интересов.

Ещё один любопытный эпизод связан с отношением Менделя к религии и науке. Будучи глубоко верующим человеком, он не видел противоречия между своими религиозными убеждениями и научными поисками. Для него изучение природы было способом познания замысла Творца, а строгие законы наследственности — проявлением гармонии мироздания. Эта внутренняя цельность помогала ему сохранять терпение и настойчивость даже в периоды неудач и непонимания со стороны коллег.

Признание пришло к Менделю посмертно. В начале XX века, когда учёные заново открыли законы наследственности, работы Менделя были переосмыслены и признаны фундаментальными. Три исследователя — Хуго де Фриз, Карл Корренс и Эрих Чермак — независимо друг от друга подтвердили его выводы и указали на приоритет Менделя. С этого момента его имя прочно вошло в историю науки, а сформулированные им принципы стали основой генетики.

Умер учёный 6 января 1884 года в возрасте 61 года от хронического нефрита.

Сегодня имя Грегора Менделя известно каждому биологу, а его законы изучают в школе. В его честь названы научные премии, институты и даже кратер на Луне. Монастырский сад в Брно, где он ставил свои опыты, стал местом паломничества учёных и любителей науки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Мостовая А. А.

Трансформация содержания трудовой правосубъектности иностранных граждан в условиях реестровой модели миграционного контроля 209

Муминова М. С.

К вопросу о понятии и общей характеристике стадии судебного следствия в уголовном процессе 211

Низовец Ю. Н.

Правовой статус адвоката в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сходства и различия 213

Николенко М. Н.

Понятие и правовая природа судебного примирения 215

Новачевская Ю. А.

Эволюция принципа независимости адвокатуры в России: от судебной реформы 1864 года до современности 218

Павлюк В. И.

Сравнительный анализ методов международного частного права 221

Папылева Ю. А.

Некоторые вопросы защиты права собственности на жилые помещения 223

Петров Д. С.

Мошенничество в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Актуальные проблемы установления виновных лиц и способы восстановления нарушенных прав потерпевших 225

Плотникова Е. А.

Неопределённый круг лиц как объект судебной защиты: критерии квалификации и пределы полномочий заявителя 227

Познахирина Е. Э.

Основные принципы адвокатской этики и анализ деятельности адвоката 229

Познахирина Е. Э.

Подходы к понятию «защитник» в уголовном процессе 231

Попова Н. С.

Искусственный интеллект как субъект преступления 234

Поськина Т. С.

Правовой статус работодателя и уполномоченных органов как участников взаимодействия при расследовании несчастных случаев на производстве 235

Прибытько Н. С.

Правовые основы деятельности прокуратуры в реализации национальной цели развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» 239

Прохина А. С.

Предварительное следствие как основная форма досудебного производства по уголовным делам 244

Рекунова А. М.

Лишение родительских прав по основаниям, связанным с насильственными действиями: отечественный и зарубежный опыт 246

Рыжков И. А.

Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов 249

Самарский З. С.

Права человека и правовое государство: наука и практика реализации в цифровую эпоху 251

Селезнева Д. А.

Производство по делам несовершеннолетних как отдельная категория уголовных дел 254

Сердюкова В. С.

Антикоррупционная деятельность в системе государственного управления: современные научные и цифровые подходы 256

Сиднева А. А.

Процессуальные сроки разрешения индивидуальных трудовых споров как фактор эффективности судебной защиты трудовых прав 258

Скочкова С. А.

Процессуальные особенности
несостоятельности (банкротства)
юридических лиц в Российской Федерации
в современный период 262

Соловьева Д. А.

Применение расширенного SWOT-анализа
для формирования стратегии развития
инжиниринговой компании авиационной
отрасли 265

Солтис О. С.

Правовая природа унитарных
некоммерческих организаций: развитие
идей А. Бринца о целевом имуществе 267

Сорокина А. И.

Распределение бремени доказывания
при оспаривании подозрительных сделок
должника 269

Титоренко П. В.

Особенности расследования разбойных
нападений 272

Тхагапсо М. А.

Участие специалиста с медицинскими
знаниями в предварительном
расследовании: теоретические и правовые
основы 274

Тхагапсо М. А.

Тактические особенности участия
специалиста, обладающего медицинскими
знаниями, в производстве отдельных
следственных действий на стадии
предварительного расследования 279

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Трансформация содержания трудовой правосубъектности иностранных граждан в условиях реестровой модели миграционного контроля

Мостовая Арина Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию межотраслевого влияния современных административно-правовых инструментов контроля на содержание специальной трудовой правосубъектности иностранных работников. На основе новейшего нормативно-правового массива 2024–2026 гг. и актуальных доктринальных исследований автор анализирует правовую природу Реестра контролируемых лиц МВД РФ и Цифрового профиля мигранта. Доказывается, что записи в современных ведомственных информационных системах приобретают конститутивный (правоизменяющий) характер, вступая в коллизию с защитной функцией трудового права, принципом стабильности трудового договора и презумпцией невиновности. Предложены пути гармонизации отраслевого законодательства и модернизации гл. 50.1 ТК РФ.

Ключевые слова: трудовая правосубъектность, иностранный работник, Реестр контролируемых лиц, конститутивный эффект, Трудовой кодекс РФ, межотраслевые связи, контролируемое пребывание.

Масштабная модернизация нормативно-правовой базы Российской Федерации, развернувшаяся в период 2025–2026 гг., существенно изменила векторы и методы государственного администрирования в сфере миграции, зафиксировав жёсткий примат государственной и общественной безопасности. Вместе с тем сквозное внедрение высокотехнологичных цифровых инструментов надзора повлекло за собой скрытое, юридически не сбалансированное давление институтов публичного права на частноправовой статус участников трудовых правоотношений. В рамках науки трудового права данные процессы вскрывают фундаментальное противоречие: карательно-полицейские меры контроля начинают напрямую деформировать и принудительно сужать границы специальной трудовой правосубъектности законно привлечённых иностранных работников.

Категория правосубъектности в доктрине отечественного трудового права традиционно рассматривается как **неделимое единство трудовой правоспособности и дееспособности**, признаваемое государством за субъектом для его самостоятельного вступления в правоотношения. В исследованиях профессора И. В. Шестеряковой [4] справедливо подчёркивается, что правосубъектность иностранного гражданина в сфере труда носит выраженный специальный характер и подчинена межотраслевой интеграции. Возникновению классического индивидуально-трудового правоотношения всегда

предшествует сложный комплекс административно-правовых процедур. Акты миграционных органов (выдача патента, разрешения на работу) выступают в качестве *юридического факта-предпосылки*, очерчивающего временные и пространственные рамки дееспособности мигранта.

Однако миграционная реформа привнесла в содержание этой дефиниции деструктивные изменения. Решающим фактором ограничения правосубъектности лица сегодня выступает его автоматизированный скоринг в рамках государственного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» (Постановление Правительства РФ от 02.04.2025 № 205) и ведение Реестра контролируемых лиц (РКЛ) во исполнение требований Федерального закона от 08.08.2024 № 260-ФЗ.

Правовой анализ юридического значения инскрипций (записей) в указанных системах, проведённый, в частности, Д. Р. Алимпеевым, доказывает, что реестровые записи утрачивают сугубо справочный, деклараторный характер [1]. Законодатель наделил их конститутивным потенциалом: сам факт фиксации сведений в РКЛ или Цифровом профиле порождает, изменяет или прекращает правоотношения между государством, работником и работодателем.

Автоматическое внесение патентного мигранта в РКЛ в связи с технической просрочкой фиксированного авансового платежа по НДФЛ (ст. 227.1 НК РФ) или сбоем ми-

грационного учёта влечёт за собой блокировку его дееспособности в рамках действующего трудового договора. Введение специального режима «контролируемого пребывания» накладывает на подконтрольное лицо жёсткие правовые лишения: ограничение права распоряжаться денежными средствами (лимит на снятие наличных в банках составляет не более 30 000 рублей в месяц), запрет на управление автотранспортом (ст. 25 ФЗ «О безопасности дорожного движения») и прекращение права на изменение места жительства или пребывания.

Для науки трудового права это означает деформацию сущности ст. 56 ТК РФ: работник, формально состоящий в трудовых отношениях, принудительно лишается законной возможности выполнять трудовую функцию и полноценно получать оплату за свой труд. Экономические исследования М. А. Лысенковой [2] подтверждают, что подобное избыточное давление и резкое сужение легального статуса в условиях сужения географии стран-доноров рабочей силы до стран Центральной Азии неизбежно провоцируют выталкивание мигрантов в «серую» зону теневой занятости.

Ситуация усугубляется «конфликтом норм», фиксируемым профессором Л. Г. Татьяниной [3] на стыке миграционного контроля и процессуальных гарантий личности. В правоприменительной практике следователей и судей статус «контролируемого лица» часто воспринимается как безусловное и безальтернативное основание для признания иностранца недобросовестным. Это ведёт к массовым нарушениям презумпции невиновности: суды общей юрисдикции прибегают к выдворению мигрантов в административном порядке по решению органов полиции (ч. 2 ст. 3.10 КоАП РФ в ред. Федерального закона

№ 248-ФЗ), полностью игнорируя стабильность кадрового состава предприятий.

Более того, Федеральный закон от 26.07.2026 № 241-ФЗ жёстко увязал трудовую правосубъектность мигранта с фискальными данными ФНС и СФР: патент аннулируется, если доход работника ниже прожиточного минимума. Судебная практика кассационных инстанций 2025–2026 гг. стоит на страже возможных попыток обхода этой нормы, зафиксировав, что обычные справки банков о наличии средств на счёте не являются надлежащим доказательством легального дохода, так как текущий счёт не генерирует систематический процентный доход¹.

В целях преодоления межотраслевого кризиса и защиты человека труда представляется необходимым провести существенную реформу законодательства. Все предваряющие полицейские и фискальные процедуры допуска, учёта и ведения реестров целесообразно консолидировать в рамках единого Миграционного кодекса РФ. В свою очередь, глава 50.1 Трудового кодекса РФ должна быть освобождена от несвойственных ей функций миграционного контроля и переориентирована на защиту стабильности трудовых отношений.

Также необходимо реформировать ст. 327.6 ТК РФ, установив, что внесение иностранного работника в Реестр контролируемых лиц МВД РФ влечёт не немедленное прекращение трудового договора, а обязательное приостановление его действия на срок до 30 календарных дней. Данный процессуальный иммунитет позволит добросовестному мигранту оспорить искажённую реестровую запись в Роструде или суде, не утрачивая при этом официального статуса работника и защищая экономические интересы принимающего работодателя.

Литература:

1. Алимпеев Д. Р. О юридическом значении записей в государственных информационных системах контрольно-надзорной деятельности // Административное и муниципальное право. 2026. № 1. С. 35–52. DOI: 10.7256/2454-0595.2026.1.75956.
2. Лысенкова М. А. Анализ социально-экономических последствий внешней трудовой миграции в условиях изменений российского рынка труда // Regional problems of transforming the economy. 2025. № 11 (181). С. 372–380. DOI: 10.26726/rppe2025v11aotse.
3. Татьяна Л. Г. Обеспечение национальной безопасности и процессуальные гарантии иностранных граждан в уголовном процессе РФ: поиск баланса // Проблемы права. 2026. № 2 (102). С. 136–142. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-2(102)-136-142.
4. Шестерякова И. В. Международные трудовые стандарты и трудовое законодательство России: межотраслевые связи. М.: Проспект, 2021. 240 с.
5. Второй кассационный суд общей юрисдикции. — Текст : электронный // Второй кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. — URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=122 (дата обращения: 24.10.2026).
6. Справка о наличии денег на счете не подтверждает доходы иностранца — кассация. — Текст : электронный // РАПСИ : [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20251215/311435842.html (дата обращения: 24.10.2026).
7. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2026 N 88-6902/2026 (УИД 07RS0001-02-2025-006306-59).

¹ Например: Справка о наличии денежных средств на текущем счёте не подтверждает, что иностранец имеет доход для содержания себя и семьи в рамках прожиточного минимума в России [5; 6; 7] и др.

К вопросу о понятии и общей характеристике стадии судебного следствия в уголовном процессе

Мунинова Мария Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Как известно, уголовное судопроизводство состоит из последовательно сменяющих друг друга стадий, конечной целью которых является достижение назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), а именно защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Одним из ключевых этапов стадии судебного производства, как и всего уголовного процесса, является судебное следствие. Несмотря на очевидно высокую значимость указанной стадии в постановлении законного и обоснованного приговора УПК РФ не содержит определения данного понятия. Вместе с тем, этот термин активно используется в кодексе, в том числе глава 37 УПК РФ имеет название «Судебное следствие».

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно того, что собой представляет судебное следствие.

Так, например, Машовец А. О. дает следующую трактовку: «Судебное следствие определяется как деятельность суда и сторон, направленная на выяснение обстоятельств дела, осуществляемая посредством проведения следственных и иных процессуальных действий по представлению полученных в ходе досудебного производства доказательств, а также по собиранию, закреплению новых доказательств и исследованию, оценке судом доказательственного материала» [2, с. 20–21].

Гочияев М. К. определяет судебное разбирательство как центральную, ключевую стадию уголовного процесса, так как именно в этой стадии решаются итоговые задачи всего судопроизводства: суд рассматривает уголовное дело по существу, то есть дает ответ на основные вопросы любого уголовного дела — о виновности или невиновности подсудимого и применении или неприменении к нему мер уголовного наказания [1, с. 11].

Стародумов С. В. сосредотачивается на термине «судебные действия следственного характера» и предлагает понимать их как регламентированные уголовно-процессуальным законом и производимые судом в судебном заседании процессуальные действия познавательного характера, направленные на исследование обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [3, с. 58–59].

Хайдаров А. А., выделяя основные черты судебного следствия, указывает, что оно как часть судебного разбирательства характерно для судебного производства в суде первой инстанции, кроме случаев принятия решения в особом порядке, а также для разбирательства в суде апелляционной инстанции [4, с. 51].

Необходимо отметить, что судебное разбирательство тождественно термину «судебное производство», и является частью уголовного судопроизводства в целом (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Исходя из структуры УПК РФ, часть 3 которого («Судебное разбирательство») включает в себя, в том числе, и такой этап как судебное следствие (глава 37 УПК РФ), следовательно, термин «судебное разбирательство» или «судебное производство» является более широким по отношению к судебному следствию и включает в себя последнее.

Следует учесть, что судебное следствие тесно связано с другими стадиями уголовного судопроизводства и напрямую зависит от предшествующих этапов, поскольку достижение цели этапа судебного следствия невозможно без своего рода подготовки, которая главным образом определяется результатами стадии предварительного расследования по уголовному делу, в ходе которого собираются доказательства, на их основе стороной обвинения формируется следственная версия произошедших событий, которая в последующем представляется на рассмотрение суда.

Более того, учитывая положения статьи 252 УПК РФ, которая определяет, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, можно сделать вывод о том, что именно стадия предварительного расследования устанавливает рамки последующей стадии судебного разбирательства и конкретно этапа судебного следствия, а также определяет его границы, в связи с чем предметом судебного следствия будут выступать результаты, полученные на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства, либо заявление частного обвинителя, они же и ограничивают предмет судебного следствия [3, с. 43]. При этом качество проведенного предварительного расследования напрямую влияет на результативность этапа судебного следствия, а также на саму возможность перехода к данному этапу (например, в случае возврата уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном статьей 237 УПК РФ).

Помимо этого, этап судебного следствия наибольшим образом влияет на последующие стадии уголовного судопроизводства, поскольку именно в ходе судебного следствия, непосредственного исследования доказательств у сторон формируется мнение по делу, которое они вы-

сказывают суду на этапе судебных прений. Часть 4 ст. 292 УПК РФ устанавливает, что участники процесса в судебных прениях не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании, из чего можно сделать вывод, что этап судебного следствия ограничивает и определяет рамки последующих этапов судебного разбирательства.

Далее следует последнее слово подсудимого, продолжительность которого председательствующий хотя и не может ограничивать по времени, но вправе останавливать подсудимого в случаях, когда обстоятельства, излагаемые подсудимым, не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу (ч. 2 ст. 293 УПК РФ), в чем вновь прослеживается влияние стадии судебного следствия, которая ограничивает предмет последующих стадий судебного разбирательства.

После чего наступает конечный этап судебного производства в суде первой инстанции — постановление приговора (глава 39 УПК РФ). Итогом данного этапа выступает вынесение судом приговора (постановления, определения), основанного на внутреннем убеждении судьи, сформировавшемся в ходе этапа судебного следствия, после непосредственного исследования судом всех доказательств по делу. Таким образом, здесь также прослеживается влияние этапа судебного следствия, итоги которого ложатся в основу решения суда.

Кроме того, следует отметить, что на судебное следствие, как составную часть судебного разбирательства, распространяются все общие принципы, закрепленные в главе 35 УПК РФ.

Так, например, принцип непосредственности и устности судебного разбирательства предполагает, что абсолютно все доказательства, положенные в основу итогового решения суда, должны быть оглашены и исследованы в судебном заседании. Ст. 240 УПК РФ устанавливает, что суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств, при этом в основу приговора не могут быть положены доказательства, не исследованные в судебном заседании.

Ст. 241 УПК РФ предусматривает, что разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, за исклю-

чением случаев, предусмотренных настоящей статьей. Данный принцип распространяется и на стадию судебного следствия.

Неизменность состава суда предполагает, что уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в судебном заседании, то он заменяется другим судьей и судебное разбирательство уголовного дела начинается сначала (ст. 242 УПК РФ). Данный принцип связан с принципом непосредственности судебного разбирательства, поскольку судья, не участвовавший, например, в исследовании ряда доказательств, не может полноценно сформировать внутреннее убеждение по вопросам, предусмотренным ст. 299 УПК РФ, и вынести обоснованное решение по делу.

Принцип равенства прав сторон (ст. 244 УПК РФ), а также принцип состязательности судебного следствия означают, что стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в п. п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства. При этом стороны равны перед судом, сам суд не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, а только лишь создает условия для равноправного и состязательного уголовного процесса.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, судебное следствие можно определить как ключевую стадию судебного разбирательства и уголовного судопроизводства в целом, на которую распространяются все общие условия судебного разбирательства, закрепленные в главе 35 УПК РФ, в ходе которой судом непосредственно исследуются доказательства, представленные сторонами обвинения и защиты в порядке состязательного процесса, включая как полученные на стадии предварительного расследования, так и впервые представленные участниками судопроизводства на этапе судебного следствия, а также истребованные по инициативе суда, в результате чего у судьи формируется внутреннее убеждение по вопросам, предусмотренным ст. 299 УПК РФ, что и выступает целью данного этапа уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Гочияев М. К. Судебное следствие как объективная основа законного и обоснованного приговора: автореферат дис.... кандидата юридических наук. 2006. С. 11.
2. Машовец А. О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 2018. С. 20–21.
3. Стародумов С. В. Судебные действия следственного характера при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. 2018. С. 58–59, 43.
4. Хайдаров А. А. Проблема соотношения понятий «судебное заседание», «судебное разбирательство» и «судебное следствие» в уголовно-процессуальном законе // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 5. 2011. С. 51.

Правовой статус адвоката в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сходства и различия

Низовец Юлия Николаевна, студент

Научный руководитель: Сучкова Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье сопоставляется правовой статус российского адвоката и китайского адвоката с учетом изменений Закона КНР об адвокатуре, вступивших в силу 1 сентября 2026 года. Рассматриваются природа статуса, доступ к профессии, организационная модель, профессиональные права и обязанности, конфиденциальность, ответственность и отношения адвокатуры с государством. Обосновывается, что функциональное сравнение позволяет выявить сходства в оказании юридической помощи и защите клиента, но не устраняет различий в нормативных основаниях, самоуправлении и институциональной включенности профессии.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, профессиональный статус, независимость, адвокатская тайна, сравнительное право.

Адвокатская деятельность одновременно обеспечивает профессиональную юридическую помощь и связана с публично значимыми гарантиями правосудия. Сравнение правопорядков России и Китая позволяет исследовать, как сходная практическая функция получает различное институциональное оформление. Особый интерес представляет редакция Закона КНР об адвокатуре после поправок 2026 года: она прямо закрепила роль руководства Коммунистической партии Китая в адвокатской работе и уточнила условия профессионального допуска [2]. Российская модель регулируется Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ в редакции, достоверно известные изменения которой включают Федеральный закон от 22 апреля 2024 года № 83-ФЗ [1].

Понятие статуса и институциональная природа. Российский закон определяет адвокатскую деятельность как квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в установленном порядке, физическим и юридическим лицам для защиты их прав, свобод и интересов и обеспечения доступа к правосудию [1, ст. 1]. Адвокат не является предпринимателем, а адвокатура обозначена как профессиональное сообщество и институт гражданского общества, не входящий в систему органов государственной власти и местного самоуправления [1, ст. 2–3].

Китайский адвокат рассматривается как профессиональный участник оказания юридической помощи и представительства, но не как прямой эквивалент российского адвоката. Измененная статья 3 Закона КНР закрепляет руководство КПК в адвокатской работе, обязанность следовать курсу и решениям партии и государства, а также создание партийных организаций и ведение партийной деятельности в адвокатских фирмах [2, ст. 3]. Это положение влияет на институциональное описание профессии и не имеет точного аналога в приведенном определении российского закона. При этом по одному лишь тексту статьи нельзя делать выводы о повседневной прак-

тике каждой фирмы или о фактической интенсивности партийной деятельности.

Функциональная сопоставимость состоит в том, что лица обеих профессий могут оказывать квалифицированную правовую помощь и участвовать в защите интересов доверителей. Однако различия в условиях допуска, характере самоуправления и прямо установленной партийной роли означают, что сходство функций не доказывает тождества статусов. Российский термин «адвокат» обозначает специальный статус, приобретаемый в предусмотренном законом порядке; нельзя автоматически переносить на китайского адвоката все российские нормы о членстве в палате, тайне или дисциплинарном производстве. Такая оговорка необходима для корректного сравнения [1, ст. 2–4; 2].

Доступ к профессии и квалификационные требования. В России статус адвоката приобретает лицом, имеющим установленное законом высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, необходимый стаж работы по юридической специальности или стажировку, а также успешно сдавшим квалификационный экзамен. Закон предусматривает исключения из отдельных требований, которые должны применяться в пределах сформулированных в нем условий [1, ст. 9]. Решение о присвоении статуса принимается квалификационной комиссией адвокатской палаты субъекта РФ; статус является бессрочным и не ограничивается определенным возрастом [1, ст. 12]. Таким образом, в процедуре сочетаются образовательный и практический цензы с профессиональной проверкой и региональным институтом сообщества.

После китайских поправок 2026 года требования включают поддержку руководства КПК и социалистического правопорядка, сдачу единого государственного экзамена по юридической профессии, год стажировки в юридической фирме и надлежащее поведение [2]. Из этого можно заключить, что законодатель связал квалификационный допуск не только с экзаменационной и практической подготовкой, но и с прямо сформулиро-

ванными политико-правовыми требованиями. При этом без полного текста измененной редакции нельзя утверждать, что перечисление исчерпывает все условия, порядок проверки или основания отказа. Нельзя также безоговорочно отождествлять китайский единый экзамен с российским квалификационным экзаменом: значение каждой процедуры определяется соответствующим национальным законом.

Различие особенно важно методологически. Российская модель в названных положениях связывает приобретение статуса с юридическим образованием, стажем или стажировкой и экзаменом, а китайская редакция после поправок дополнительно прямо называет требование поддержки руководства партии и социалистического правопорядка. Сравнительный вывод здесь описывает различие нормативных критериев, но сам по себе не дает основания оценивать качество подготовки специалистов или фактическую строгость отбора. Поправки также предусматривают специальные правила допуска адвокатов Гонконга и Макао к работе в Большом заливе, что указывает на отдельное регулирование профессиональной мобильности в этом регионе [2].

Организационная модель и независимость. В России адвокат осуществляет деятельность через одну из предусмотренных законом форм: адвокатский кабинет, коллегию адвокатов, адвокатское бюро либо юридическую консультацию [1, ст. 20–24]. Федеральная палата адвокатов и палаты субъектов РФ образуют систему профессионального самоуправления; совет палаты субъекта является коллегиальным исполнительным органом, а собрание или конференция адвокатов — высшим органом палаты [1, ст. 31, 33]. Такая структура не превращает палаты в государственные органы: закон закрепляет их профессиональную природу и компетенцию в рамках адвокатуры.

Независимость российского адвоката прямо названа среди принципов адвокатуры и выражается, в частности, в запрете вмешательства в адвокатскую деятельность и препятствования ей, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом [1, ст. 3, 18]. Однако независимость не означает освобождения от общих юридических обязанностей, правил профессиональной этики или дисциплинарной юрисдикции сообщества. Китайская поправленная статья 3 одновременно закрепляет партийное руководство и организационные формы партийной деятельности внутри фирм [2]. Это позволяет отметить различие нормативных моделей, но не позволяет без дополнительных источников утверждать, что каждый отдельный адвокат лишен профессионального усмотрения либо что любое решение фирмы определяется партийной организацией.

Связь адвокатуры с государством. В российской модели профессиональное сообщество организационно отделено от органов государственной власти, но функционирует в системе правового регулирования и взаимодействует с государственными институтами при

оказании помощи. Закон устанавливает формы адвокатских образований, полномочия палат и гарантии деятельности, одновременно ограничивая вмешательство в нее [1, ст. 3, 18, 20–24, 31, 33]. Следовательно, независимость означает нормативно защищенную самостоятельность профессиональной деятельности, а не отсутствие государственных законов, судебного контроля или обязанностей перед доверителями и палатой.

В КНР после поправок отношение адвокатуры к государству дополнено прямо закрепленной партийной составляющей: статья 3 определяет руководство КПК, требования следовать курсу и решениям партии и государства, создание партийных организаций и партийную деятельность в фирмах [2, ст. 3]. Сравнительный анализ должен точно различать партийное руководство и государственное регулирование: названные факты подтверждают содержание нормы о роли КПК, но сами по себе не дают полного описания компетенции органов юстиции или механизмов управления профессией. Вместе с тем их достаточно, чтобы заключить, что нормативная институциональная рамка КНР сформулирована иначе, чем российское законодательное определение адвокатуры как института гражданского общества.

Российская судебная практика показывает, что профессиональный статус может требовать согласования с другими формами публичной деятельности. В постановлении от 18 июля 2019 года № 29-П по жалобе О. В. Сухова Конституционный Суд РФ оценивал ограничения, связанные с непостоянным осуществлением полномочий муниципального депутата и статусом адвоката. Значение позиции состоит в необходимости определенности ограничений и соразмерного баланса прав, а не в автоматическом запрете совмещения в любой ситуации [4]. Это решение относится исключительно к российскому праву; использовать его как подтверждение китайской практики нельзя.

Проведенное сопоставление позволяет сформулировать следующие выводы. Российский адвокат и китайский адвокат функционально сопоставимы как участники оказания юридической помощи, но не являются полностью тождественными правовыми институтами. Сопоставление допустимо только при учете национальных критериев допуска, организационных механизмов и правовых гарантий [1, ст. 1–4; 2]. Российский статус закреплен в модели профессионального сообщества, не входящего в систему органов власти и обладающего предусмотренным законом самоуправлением. Китайская поправленная статья 3 прямо закрепляет руководство КПК и партийную деятельность в адвокатских фирмах, что представляет собой нормативно значимое различие институциональной природы [1, ст. 3, 31, 33; 2, ст. 3]. Постановление Конституционного Суда РФ № 29-П демонстрирует значение определенности и баланса при согласовании адвокатского статуса с непостоянной муниципальной деятельностью. Оно не может служить доказательством содержания китайского права или судебной

практики КНР [4]. Поправки КНР 2026 года следует анализировать в пределах проверенного содержания; неуста-

новленные детали их применения требуют отдельного подтверждения.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (редакция, действующая на 17.10.2026; известные официальные публикации указывают изменения от 22.04.2024 № 83-ФЗ).
2. Закон Китайской Народной Республики об адвокатуре, с изменениями, принятыми Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 28.08.2026 и вступившими в силу 01.09.2026.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 29-П по жалобе О. В. Сухова.
5. Игнатенко Ю. В., Полковникова В. С., Егоров О. Н. Сравнительная характеристика адвокатуры Китайской Народной Республики и Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6. № 4. С. 23–26.

Понятие и правовая природа судебного примирения

Николенко Маргарита Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется судебное примирение как самостоятельная форма урегулирования экономических споров в арбитражном процессе. Рассматриваются подходы к определению его содержания, устанавливаются характерные признаки и определяется правовая природа рассматриваемой процедуры. Обосновывается положение о том, что судебное примирение обладает особой процессуально-правовой природой, поскольку осуществляется в рамках арбитражного судопроизводства, однако не предполагает властного разрешения спора. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития института судебного примирения как способа добровольного урегулирования экономических конфликтов.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебное примирение, примирительные процедуры, судебный примиритель, арбитражный суд, мировое соглашение, медиация, экономический спор, урегулирование спора.

The concept and legal nature of judicial mediation

Nikolenko Margarita Nikolayevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines judicial conciliation as a distinct form of economic dispute resolution within arbitration proceedings. It analyzes approaches to defining the concept's content, identifies its characteristic features, and determines the legal nature of the procedure in question. The study substantiates the view that judicial conciliation possesses a unique procedural-legal nature: while it takes place within the framework of arbitration proceedings, it does not entail the authoritative resolution of the dispute. The article concludes that there is a need for the further development of the institution of judicial conciliation as a method for the voluntary resolution of economic conflicts.

Keywords: arbitration proceedings, judicial conciliation, conciliation procedures, judicial conciliator, arbitrazh court, settlement agreement, mediation, economic dispute, dispute resolution.

Развитие современных форм разрешения экономических конфликтов обуславливает необходимость поиска таких процедур, которые позволяют обеспечить не только восстановление нарушенных прав, но и достижение сторонами взаимоприемлемого результата без продолжительного судебного противостояния. Для участников предпринимательской деятельности значение приобретает не только получение судебного решения, но и возможность сохранить хозяйственные связи, умень-

шить расходы на судебное разбирательство, сократить продолжительность конфликта и самостоятельно определить приемлемые условия его завершения.

Арбитражный процесс предусматривает возможность использования примирительных процедур, направленных на согласительное разрешение спора. «Судебная примирительная процедура — отдельная функция арбитражного суда, результатом осуществления которой может быть заключение сторонами правового конфликта

мирового соглашения (или же она может оказаться процессуально безрезультатной). Появился новый субъект арбитражных процессуальных правоотношений — судья-примиритель. Поэтому правоотношения, складывающиеся в процессе судебной примирительной процедуры при участии судьи-посредника, — это уникальное, самостоятельное процессуальное явление, которому должна быть дана оценка с точки зрения его интеграции в гражданское и арбитражное судопроизводство» [5, с. 973].

Согласно ст. 138 АПК РФ [1] арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора и разъясняет предусмотренные законом возможности применения примирительных процедур. Закон допускает проведение примирения на любой стадии арбитражного процесса, а также при исполнении судебного акта.

Идея примирения сторон не является новой для российского законодательства. Возможность прекращения спора посредством достижения договоренности между участниками существовала задолго до законодательного закрепления современной модели судебного примирения. Традиционно наиболее распространенной формой мирного урегулирования выступало мировое соглашение.

Постепенное развитие процессуального законодательства привело к расширению представлений о примирении как о самостоятельном направлении деятельности суда. Арбитражный суд перестал рассматриваться исключительно как орган, призванный определить правоту одной из сторон путем вынесения решения. На суд возлагается также обязанность создавать условия для согласительного разрешения конфликта.

С принятием Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ в АПК РФ были введены положения о судебном примирении. Законодатель закрепил возможность участия в примирительной процедуре специального лица — судебного примирителя, обладающего статусом судьи в отставке [7, с. 110].

Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ еще до законодательного закрепления судебного примирения обращал внимание на необходимость содействия сторон в мирном урегулировании споров. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» [2] разъяснялось, что арбитражным судам следует разъяснять сторонам право использовать примирительные процедуры, включая обращение к посреднику и медиатору, а при наличии соответствующих условий предлагать участникам воспользоваться такими возможностями. При подготовке дела к судебному разбирательству судья в целях содействия сторонам в урегулировании спора предлагает лицам, участвующим в деле, сообщить сведения о совершенных действиях, направленных на примирение, если такие действия предпринимались, а также предоставить документы, подтверждающие совершения указанных действий, при их наличии. В предварительном судебном заседании арби-

тражному суду следует выяснить мнение сторон о возможности досудебного урегулирования спора и с учетом их мнения, а также обстоятельств дела предложить им использовать примирительные процедуры. Любая форма примирения предполагает добровольное волеизъявление сторон правового конфликта, арбитражный суд не может принуждать стороны к такой форме завершения спора [4, с. 9].

Современное законодательство развивает данную концепцию уже посредством самостоятельного регулирования судебного примирения, тем самым, законодатель создал особую процессуальную форму, ориентированную на разрешение конфликта при содействии лица, обладающего специальной юридической подготовкой и опытом судебной деятельности.

АПК РФ не содержит развернутого определения судебного примирения. Законодатель устанавливает порядок проведения процедуры, определяет статус судебного примирителя, его полномочия и пределы деятельности.

Согласно ст. 138.5 АПК РФ стороны вправе урегулировать спор посредством примирительной процедуры с участием судебного примирителя.

Для раскрытия содержания судебного примирения целесообразно выделить несколько его характерных признаков. Термин «правовая природа» как отмечают Т. А. Духаев, Н. В. Тюменева, «играет вспомогательную роль, указывая, во-первых, на теоретический характер исследования, а во-вторых, на совокупность признаков, раскрытие которых позволит сформировать представление о судебном примирении как о правовом феномене» [3, с. 87].

Первым признаком выступает добровольность. Участие в процедуре зависит от волеизъявления сторон. Даже предложение арбитражного суда использовать судебное примирение не означает возникновения обязанности принять участие в такой процедуре. Согласительный характер возможен только при сохранении свободы участников определять свое отношение к предложенному способу урегулирования конфликта.

Вторым признаком является связь с арбитражным процессом. Судебное примирение осуществляется не изолированно от судебного разбирательства, а в связи с рассмотрением конкретного экономического спора. Его проведение влияет на дальнейшее движение дела, поскольку при достижении сторонами договоренности возможно завершение производства по делу в предусмотренной законом форме.

Третий признак судебного примирения — участие судебного примирителя. В отличие от обычных переговоров, стороны получают возможность воспользоваться содействием лица, обладающего профессиональным опытом в сфере правосудия.

Четвертый признак — отсутствие у судебного примирителя полномочий по властному разрешению спора, поскольку он не принимает судебное решение и не может навязать сторонам конкретные условия.

Пятый признак судебного примирения связан с ориентацией на самостоятельное определение сторонами результата конфликта. В отличие от состязательного судебного разбирательства, где итог определяется судебным актом, при судебном примирении стороны самостоятельно определяют содержание достигнутой договоренности.

С учетом приведенных признаков судебное примирение можно определить, как предусмотренную нормами арбитражного процессуального законодательства процедуру согласительного разрешения экономического спора, проводимую в рамках арбитражного процесса с участием судьи в отставке в качестве судебного примирителя и направленную на содействие сторонам в самостоятельном достижении взаимоприемлемого результата.

Правовая природа судебного примирения представляет особый интерес с теоретической точки зрения. С одной стороны, судебное примирение непосредственно связано с арбитражным судопроизводством. Его проведение предполагает наличие дела, рассматриваемого арбитражным судом, регулируется нормами АПК РФ и оказывает влияние на дальнейшее движение процесса. С другой стороны, содержание процедуры не сводится к осуществлению правосудия. Судебный примиритель не определяет, кто из участников прав, не устанавливает обязательный способ разрешения конфликта и не заменяет собой арбитражный суд.

В связи с изложенным представляется спорным отнесение судебного примирения исключительно к разновидностям судебной деятельности. Более обоснованным является подход, согласно которому рассматриваемая процедура обладает самостоятельной процессуально-правовой природой.

Особенность судебного примирения состоит также в том, что оно не исключает последующего участия суда в разрешении дела. Если стороны не достигли согласия,

судебное разбирательство продолжается. Следовательно, обращение к примирительной процедуре не лишает участников права на судебную защиту.

Несмотря на законодательное закрепление судебного примирения, эффективность рассматриваемой процедуры зависит не только от наличия соответствующих норм, но и от практики их применения. Как отмечает Е. В. Михайлова, «регулирование организации и проведения судебной примирительной процедуры осуществляется «Регламентом проведения судебного примирения», утвержденным Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». В нем сказано, что судебным примирителем является судья, пребывающий в отставке и включенный в список судебных примирителей, который утверждает Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем, ни нормами процессуального законодательства, ни Регламентом не урегулирован правовой статус судебного примирителя, меры его ответственности за заключение под его руководством соглашения, нарушающего нормы российского законодательства или права других лиц» [6, с. 23].

Таким образом, судебное примирение следует определить, как самостоятельную процессуально-правовую процедуру согласительного урегулирования экономического спора, осуществляемую в рамках арбитражного процесса с участием судьи в отставке, при которой стороны сохраняют автономию воли и самостоятельно формируют приемлемый для них результат разрешения конфликта. Дальнейшее развитие должно быть связано с повышением информированности участников арбитражного процесса, совершенствованием практики деятельности судебных примирителей и формированием понимания того, что примирение представляет собой не препятствие для судебной защиты, а дополнительную возможность более гибкого и эффективного завершения возникшего конфликта.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля (№ 30). Ст. 3013.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.
3. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Правовая природа судебного примирения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 85–95.
4. Куприяненко Д. А. Судебное примирение в арбитражном судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 115–8. — С. 8–11.
5. Михайлова Е. В. Процессуальная форма судебной примирительной процедуры: понятие, правовая природа и принципы / Е. В. Михайлова, Н. А. Новиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2023. Т. 14. № 4. С. 969–986.
6. Михайлова Е. В. Внесудебное и судебное примирение: проблемы и перспективы развития // Внесудебное и судебное примирение: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов Международной научной конференции (24 мая 2022 г.) / отв. ред. д-р юрид. наук, доц. Е. В. Михайлова. М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 18–24.
7. Новиков Н. А. Правовой статус судьи-примирителя в арбитражном процессе // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 109–112.

Эволюция принципа независимости адвокатуры в России: от судебной реформы 1864 года до современности

Новачевская Юлия Андреевна, студент

Научный руководитель: Редикутьцева Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В настоящей научной работе исследуется эволюция и современное состояние принципа независимости адвокатуры в России. Автор восстанавливает хронологию событий и анализирует, как трансформировалась независимость защитников: от реформы 1864 года, которая создала свободную адвокатуру в царской России, до современности. В статье раскрываются основные тенденции того, как менялись отношения между свободой адвокатского сообщества и контролем со стороны государства.

Ключевые слова: адвокатура, независимость адвокатуры, гарантии адвокатской деятельности, судебная реформа 1864, советская адвокатура, государственное регулирование.

The Evolution of the Principle of Independence of the Bar in Russia: From the Judicial Reform of 1864 to the Present

This study examines the historical evolution and current state of one of the fundamental constraints on the protection of rights: the principle of lawyer independence in Russia. The author traces the chronology of events and analyzes the transformation of defense counsel independence—from the 1864 reform that established an independent legal profession in Tsarist Russia to the present day. The article highlights key trends in the shifting relationship between the autonomy of the legal profession and state control.

Keywords: the bar, independence of the bar, guarantees of advocacy, judicial reform of 1864, Soviet bar, state regulation.

Актуальность изучения такого основополагающего принципа адвокатуры, как независимость, обусловлена его первостепенной ролью в реализации конституционного права гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, закреплённого в статье 48 Конституции Российской Федерации [1, с. 24]. Автономия адвокатского сообщества выступает фундаментальной гарантией правосудия, гарантирующей подлинную состязательность сторон, беспристрастность правосудия и надёжную защиту личности от произвольного преследования.

Отечественная адвокатура формировалась в результате перипетийного процесса, характеризующегося чередованием периодов автономии и жесткой регламентацией со стороны государства.

Вплоть до середины XIX столетия правозащита в Российской империи находилась в хаотичном состоянии. Институт «ходатаев» того времени не имел четкой регламентации: не существовало конкретных правовых норм, относящихся к организации изучаемого института, а также не имелось четких стандартов квалификации и профессиональной этики, что приводило к повышению уровня коррупции, а также зависимости от судейских чиновников.

В истории развития адвокатуры в России и законодательства Российской империи важнейшую роль имела судебная реформа 1864 года. Учрежденный на основе Судебных уставов институт присяжных поверенных представлял собой принципиально новый институт буржуазного характера, действовавший вне зависимости

от государственной бюрократии. Был принят и введен в действие Устав об Учреждении судебных установлений 1864 г., и адвокатура впервые в истории России обрела характер юридического учреждения, имеющего самостоятельный и независимый характер, при этом, поверенные не имели привилегий как государственные чиновники, организация имела статус самоуправляемой, самостоятельной и независимой [2, с. 24].

Независимость дореволюционной адвокатуры строилась на трех основных принципах. Теперь высшими органами управления в адвокатском сообществе стали Советы присяжных поверенных, на которых возлагались полномочия по решению вопросов о приеме новых членов в сословие, ведению соответствующих реестров и применяли дисциплинарные меры, тогда как до реформы этим занимались губернаторы или министры. Государство, в лице судов, имело право только контролировать соблюдение законов, но не могло вмешиваться в внутренние дела адвокатской корпорации.

Судебная реформа 1864 года способствовала формированию корпоративного обособления. Это означало, что присяжные поверенные не имели отношения к государственным служащим, не получали жалование из государственного бюджета. Вознаграждение поверенных формировалось на основе соглашений с доверителями, что исключало финансовую зависимость со стороны государственной власти.

Помимо этого сформировался, так называемый, профессиональный иммунитет, который заключался в возможности поверенного не давать показания в качестве

свидетеля относительно фактов, ставших известными ему от доверителя в ходе ведения дела.

О полной независимости адвокатуры ни от суда, ни от прокурора, ни даже от самого императора говорит, например, одно из проведенных дел тех лет. Адвокатом П. А. Александровым обеспечена поистине классическая защита В. И. Засулич, обвиненной в политическом преступлении — покушении на убийство с тяжелым ранением санкт-петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Трепова. После этой защиты по вердикту присяжных подсудимая была полностью оправдана судом. Председательствовал на этом историческом судебном процессе величайший юрист-реформатор русского правосудия А. Ф. Кони (1878 г.). [3, с. 24]

При этом, взаимоотношения между российской властью и институтом адвокатуры нельзя было назвать благоприятными. «Власть терпела адвокатуру как данность, но не жаловала и не любила ее. Адвокатура никогда и ни в чем не встречала поддержки у властных структур». [4, гл. 2]

Системное противодействие властей выражалось в частом отклонении ходатайств советов присяжных поверенных, дисциплинарном преследовании активных защитников и идеологической дискредитации корпорации через прессу, обладающую консервативными взглядами.

Уже в конце девятнадцатого столетия в связи с усилением политических процессов, правительство стало производить попытки ограничить свободу института адвокатуры.

Первые нападки на независимость адвокатской организации возникли в 1876 году, когда Министерство юстиции внесло проект уничтожения независимости адвокатуры. Названный проект потерпел провал. В последующем в 1890 и в 1904 годах было предпринято еще два подобных действия, которые тоже оказались безрезультатными.

В 1885 году К. П. Победоносцев подал на имя императора записку о реформах судебного строя. Он предлагал поставить всю судебную систему в зависимость от административного аппарата, рекомендовал отменить незыблемость судей, пресечь публичность всех судебных заседаний, принять решительные меры к обузданию и ограничению деятельности адвокатуры, ликвидации суда присяжных. И это при том, что он сам же, как уже указывалось выше, участвовал в разработке основных положений Судебной реформы 1864 г. [5, VI]. Однако, эти ретивые порывы умело сдерживались и не получили большой поддержки.

Вне зависимости от сложившихся условий, институт адвокатуры, как и институт суда присяжных, сохранил свою почти неизменённую структуру вплоть до революции 1917 года.

24 ноября 1917 г. знаменитым Декретом Совнаркома № 1 «О суде» большевистская власть упразднила адвокатуру. Российская адвокатура, которая буквально по крупицам создавалась десятилетиями, была полностью раз-

рушена, а доверие и уважение народа к адвокатской профессии подорвано.

Декретом № 2 от 7 марта 1918 г. предписывалось образовывать при местных советах коллегии защитников в составе финансируемых государством коллегий правозащитников — они существенно отличались от адвокатуры прежней эпохи. О независимости «новой» адвокатуры не было и речи.

Члены новых коллегий становились государственными служащими на окладе, назначаемыми местными советами. Доверители по-прежнему должны были платить за услуги, но не самим защитникам и представителям, а на счет Комиссариата юстиции. При этом для исключения личных контактов между адвокатом и клиентом закон запрещал гражданам обращаться за юридической помощью непосредственно к адвокату. Более того, адвокат допускался к делу, если руководство коллегии признавало иск правомерным, а защиту по иску необходимой. [4, гл. 3]

Таким образом, после Революции 1917 года институт адвокатуры характеризовался институциональной и, в том числе финансовой, зависимостью, а также идеологическим диктатом.

Такой порядок существовал вплоть до лета 1920 г., а 26 мая 1922 г. было принято новое Положение о коллегии защитников, которые создавались при губернских судах. Данный этап считается моментом формального возрождения адвокатуры, однако, ее автономия оставалась существенно ограниченной. Введенные коллегии наделались определенной автономией, труд адвоката оплачивался уже по соглашению сторон. Для руководства коллегии избирался президиум, а надзор за деятельностью коллегий возлагался на советы, прокуроров и суды губернского уровня.

После введения Положения о коллегии защитников происходили нововведения в статусе и положении защитников, однако они никак не влияли на их положение по сравнению с тем, чем адвокаты владели до революции.

В советский период управление адвокатурой строилось на принципе жесткого двойного подчинения. Формальная выборность президиумов коллегий фактически нивелировалась прямым директивным подчинением Наркомюсту и местным исполкомитетам. Народный комиссариат юстиции утверждал штаты, исключали адвокатов и накладывали вето на решения президиумов, а партийные структуры КПСС жестко контролировали кадровый состав.

Такая модель исключала реальное корпоративное обособление. Институт адвокатуры был частью политико-правовой системы. Принятие Положений об адвокатуре 1939, 1962 и 1980 годов не изменило главного: институт правозащиты на протяжении всей советской эпохи оставался под полным контролем государства.

Из-за тотального государственного контроля профессиональный иммунитет защитника оставался призрачным. Адвокатская тайна противоречила государ-

ственным интересам, что приводило к регулярному обыску в адвокатских организациях, адвокатские досье изымались, а адвокаты могли быть допрошены по делам их доверителей.

Падение советской системы в конце XX столетия привело к коренной реформе института адвокатуры. Новый этап его развития начался с принятого Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», возродившего принцип независимости адвокатуры, которые были заложены еще Судебной реформой 1864 года.

В настоящее время государственная вертикаль уступила место внутрикорпоративной демократии. Теперь ключевые решения принимаются выборными органами, то есть Федеральной палатой адвокатов и палатами субъектов Российской Федерации, а Минюст утратил право прямого вмешательства в их деятельность, сохранив лишь контрольно-регистрационные функции.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности гласит: «Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления». [6, ст. 3]. Таким образом Российское законодательство прямо определило адвокатуру как профессиональное сообщество и институт гражданского общества, не входящий в систему органов государственной власти. Сообщество адвокатов стало обладателем права самостоятельно регулировать вопросы приема в профессию, дисциплинарной ответственности и защиты прав своих членов.

Ключевым достижением современности стало нормативное закрепление профессионального иммунитета. Законодательство гарантирует неприкосновенность адвокатской тайны, налагая запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему извест-

ными в связи с оказанием правовой помощи. Кроме того, обыск и осмотр жилых или служебных помещений адвоката теперь возможны исключительно на основании специального судебного решения, что защищает доверителя от неправомерного вмешательства государства.

Проведенное исследование истории развития принципа независимости Российской адвокатуры позволяет сделать вывод, что за весь период существования правозащитный институт прошел сложный нестабильный путь. Основа подлинной автономии, которая была заложена еще в середине XIX века была кардинально деформирована в революционный период. Начиная с 1922 года институт адвокатуры находился в жестком подчинении государственным властям, а о профессиональном иммунитете не было и речи. Это доказало, что утрата корпоративного обособления неизбежно лишает защитника самостоятельности перед лицом государственной машины.

Современный период, стартовавший с введением в действие Федерального закона № 63-ФЗ в 2002 году, стал отправной точкой для восстановления самостоятельности адвокатского сообщества, основанной на принципах внутреннего демократического управления. Благодаря усилиям Федеральной палаты адвокатов и четкой правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, на сегодняшний день сформирована прочная система охраны адвокатской тайны от необоснованного вторжения представителей следствия. Исторические уроки убедительно показывают, что полная обособленность корпорации и незыблемый профессиональный иммунитет юриста — это не признаки сословных преимуществ, а неотъемлемые составляющие для поддержания равновесия в состязательном судопроизводстве и гарантии конституционного права каждого человека на получение надлежащей юридической помощи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.09.2026).
2. Данилевская, И. Л. О роли адвокатского самоуправления в развитии отечественного конституционализма (1864–1917 гг.) / И. Л. Данилевская. — Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. — 2018. — № 6 (37). — С. 23–27. — EDN YWJQEP.
3. Ларин, А. М. Председательствующий в суде по делу В. И. Засулич: [вступительная статья] / А. М. Ларин // Избранные труды и речи / А. Ф. Кони. — Тула: Автограф, 2000. — С. 24–33. — Текст: непосредственный.
4. Адвокатура в России: учебник для вузов / В. И. Сергеев, С. В. Ашанин, В. А. Вайпан [и др.]; под общей редакцией В. И. Сергеева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юстицинформ, 2019. — 548 с. — Гл. 3, § 2. — Текст: электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — Режим доступа: по подписке (дата обращения: 24.09.2026).
5. Победоносцев, К. П. Письма Победоносцева к Александру III / К. П. Победоносцев; с предисловием М. Н. Покровского; Центрархив. — Москва; Петроград: Новая Москва, 1923. — Т. 1. — С. VI. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Pobedonoscev/pisma-k-aleksandru-3/ (дата обращения: 24.09.2026). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
6. Российская Федерация. Законы. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ: [ред. от 22.04.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024]. — Ст. 3. — Текст:

электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/fd43b85fe3eabc97ca739a7f1859e26adf152a84/ (дата обращения: 11.10.2026).

Сравнительный анализ методов международного частного права

Павлюк Валерия Игоревна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье автор исследует сущность правового регулирования в международном частном праве. Ключевым моментом является сопоставление функций коллизионного и материально-правовых методов, а также их роль в механизме разрешения судебных споров.

Ключевые слова: международное частное право, методы международного частного права, коллизионный метод, материально-правовой метод.

Коллизионный и материально-правовой методы отличаются по своей правовой природе, целевой направленности и способу реализации. Корректное применение этих методов является основой для правильного разрешения судебного спора по существу.

Коллизионный метод представляет собой специфический способ правового регулирования, характерный исключительно для международного частного права и не применяемый в других правовых дисциплинах [1].

Его ключевая особенность заключается в том, что он не разрешает спорное правоотношение по существу, а лишь определяет, правопорядок какого государства подлежит применению, поэтому его еще называют отсылочным методом правового регулирования [1].

Процесс применения данного метода носит стадийный характер: на первом этапе правоприменительный орган с помощью коллизионной нормы устанавливает, законодательство какой страны регулирует отношения, а на втором этапе непосредственно применяются материальные нормы выбранного правопорядка [2].

Структурно коллизионная норма состоит из двух элементов: объема и привязки [2]. Объем определяет круг регулируемых отношений, а привязка указывает на конкретную правовую систему. Например, в деликтных обязательствах привязка может определять применимое право по месту совершения вредоносного действия [2].

Таким образом, коллизионный метод выступает инструментом выбора, который затем передается на откуп материально-правовому регулированию конкретного государства [1].

Материально-правовой метод обеспечивает непосредственное регулирование правоотношений, определяя права и обязанности субъектов без необходимости поиска отсылочных норм. В контексте международного частного права этот метод реализуется через унифицированные материальные нормы, которые содержатся в международных договорах и конвенциях [4]. В отличие от коллизионного метода, унифицированное материально-правовое регулирование снимает коллизионную про-

блему, так как стороны сразу получают четкие правила поведения, установленные единым источником [5].

Наличие международных соглашений, содержащих такие нормы, часто исключает необходимость применения национального законодательства, если вопрос полностью урегулирован данными соглашениями [4]. Российское законодательство закрепляет приоритет унифицированных норм: согласно пункту 3 статьи 1186 ГК РФ, определение права на основе коллизионных норм для вопросов, урегулированных материально-правовыми нормами международного договора, исключается [5]. Этот метод имеет сходство с гражданско-правовым регулированием во внутреннем праве, однако его отличительной чертой является наличие иностранного элемента и международный характер источников [5].

Для наглядности различий методов можно привести примеры из различных сфер частного права. В области признания гражданина умершим статья 41 ГК Республики Беларусь содержит материальную норму, устанавливающую конкретные сроки и условия объявления лица умершим [1]. Однако сам вопрос о том, законодательство какой страны применять в суде, регулируется статьей 1105 ГК Республики Беларусь, которая является коллизионной нормой, отсылающей к праву страны суда [1]. Если суд применяет свое право, то он переходит к материальной норме своей страны; если иностранного — то к ее материальной норме.

В сфере наследования также прослеживается различие подходов. Если наследственное имущество становится выморочным и переходит государству, это регулируется материально-правовой нормой международного договора, которая не требует выбора применимого права через коллизию, а напрямую распределяет имущество между Договаривающимися Сторонами [6]. Напротив, общие вопросы наследования требуют применения коллизионных норм для определения права, подлежащего применению, после чего уже используются материальные нормы выбранного права [6].

Формально судья обязан применить право так, как оно применяется у себя на родине. В соответствии с положе-

ниями ст. 1191 ГК РФ и п. 1 ст. 14 АПК РФ, применяя иностранное право, суд устанавливает содержание его норм согласно их официальному толкованию, практике применения и доктрине в соответствующем иностранном государстве [9].

Так, Девятый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 27.04.2012 № 09АП-146/2012 по делу № А40-48725/08-18(86)-153Б применил к кредитному договору нормы законодательства Латвии — Гражданского закона Латвийской Республики, в соответствии с которым наращение процентов прекращается с достижением количества процентов, подлежащих уплате, величины капитала, отказавшись применить к предусмотренным кредитным договором процентам за просрочку платежа правила ст. 333 ГК РФ о неустойке [9].

Примером ошибочного толкования коллизионных норм является судебный спор по делу № А41-14262/2015.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 23.08.2017 № 305-ЭС16-13148(2) спор направлен на новое рассмотрение, поскольку суды указали, что предусмотренные п. 1 ст. 33 Закона Республики Кипр 1960 года № 14/1960 «О судах справедливости» проценты носят процессуальную, а не материально-правовую природу, потому что предусмотрены законом, регулирующим судопроизводство, в связи с чем не может быть применена, в силу п. 5 ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», российской организации.

Суд указал судам на то, что при решении вопроса о применимости спорной нормы следовало исходить не из ее расположения в системе нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из существа содержания нормы и регулируемых ей отношений.

Кроме этого, суд указал на ошибочность суда округа, в части указания на возможность предъявления самостоятельного требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами по российскому праву (ст. 395 ГК РФ), поскольку стороны согласовали в качестве применимого именно кипрское право.

В современном международном частном праве оба метода дополняют друг друга, так как они решают задачи регулирования однородных отношений различными способами [5]. Объединение коллизионных и материальных норм в составе международного частного права обусловлено необходимостью гибкого реагирования на сложные трансграничные ситуации [5]. Специфика международного частного права заключается в том, что оно сочетает национальные коллизионные, унифицированные коллизионные и унифицированные материально-правовые нормы, различные по своей природе [3].

Принцип тесной связи с правовой системой является фундаментальным для обоих методов, проявляясь как в опосредованном (коллизионном), так и в прямом (материальном) регулировании [7]. В некоторых случаях, например при регулировании договоров с участием потребителей или трудовых договоров, коллизионные нормы учитывают материальные интересы слабой стороны, что приводит к применению права места жительства потребителя или места выполнения работы [8].

Это демонстрирует, что материальные факторы могут влиять на формирование коллизионных привязок, обеспечивая баланс интересов в рамках выбранного метода регулирования [8].

Проведённый анализ показал: два метода международного частного права работают строго по очереди и не смешиваются. Коллизионный метод отвечает только за одно — определить, право какой страны применить к спору (своего рода «навигатор»). Материально-правовой метод включается уже после этого и решает дело по существу — но только нормами выбранного права.

Судебная практика подтверждает эту последовательность: сначала выбор применимого права, потом — применение его норм в полном объёме. Попытки смешать нормы разных правовых порядков или «подогнать» выбор права под желаемый результат судебная практика признаёт ошибочными — такие решения отменяют или они не исполняются из-за противоречий.

Литература:

1. Международное частное право. Общая часть: учебное пособие / Е. В. Бабкина, Ю. Н. Кудрявец, Е. Б. Леанович [и др.]; под редакцией Е. В. Бабкиной. — Минск: БГУ, 2019.
2. Бодурова, Г. Г. Коллизионное регулирование внедоговорных отношений в международном частном праве (по материалам Республики Таджикистан): монография / Г. Г. Бодурова. — Москва: Проспект, 2021.
3. Портнова, Е. В. Некоторые проблемы унификации международного частного права в современном мире / Е. В. Портнова // Наука. Общество. Государство. — 2016. — № 2.
4. Стригунова, Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: монография / Д. П. Стригунова. — Москва: Юстицинформ, [б. г.]. — Том 1-2017.
5. Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы конференции / под общей редакцией Н. И. Петренко. — Чебоксары: ЧКИ РУК, 2020.
6. Мовсисян, А. Т. Правовые формы проявления иностранного элемента в наследственном отношении / А. Т. Мовсисян // Проблемы экономики и юридической практики. — 2014. — № 5.
7. Кудашкин, В. В. Правовое регулирование международных частных отношений: монография / В. В. Кудашкин. — Санкт-Петербург: Юридический центр, 2004.

8. Асосков, А. В. Основы коллизионного права: учебное пособие / А. В. Асосков. — Москва: Infotropic Media, 2012.
9. Международное частное право: учебник / Р. А. Курбанов, А. С. Лалетина, В. А. Гуреев, Т. Э. Зульфугарзаде; под редакцией Р. А. Курбанова, А. С. Лалетиной. — Москва: Проспект, 2015.

Некоторые вопросы защиты права собственности на жилые помещения

Папылева Юлия Александровна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

На сегодняшний день в Российской Федерации собственность граждан и юридических лиц составляют многообразные объекты жилых помещений. В этой связи одна из ключевых практически значимых задач состоит в том, чтобы обеспечить реальную защиту прав, интересов собственников и прочих законных владельцев. При этом возникают многочисленные споры применительно к нормативной регламентации отношений собственности и их защите.

Защита права собственности является структурным элементом права собственности и представляет собой совокупность предусмотренных гражданским законодательством средств, применяемых в связи с совершенными против этих прав действиями (либо противоправным бездействием) других лиц [1].

Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) установлена обязанность продавца передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц. В процессе судебной защиты является актуальной проблема исследования добросовестности и недобросовестности приобретателя жилого помещения. При приобретении жилья часто возникают риски, связанные с историей приобретения недвижимости, так как недвижимость может неоднократно менять своего собственника и сделки не всегда могут происходить законно. При производном приобретении недвижимого имущества возникает риск столкнуться с пороками титула предшествующих правообладателей и право собственности может быть оспорено. В таких случаях в первую очередь решается вопрос о том, можно ли признать приобретателя добросовестным или нет.

В последнее время появляются категории собственников, которые в подобной ситуации ограничены в праве истребовать недвижимое имущество у добросовестных приобретателей, к примеру, участники общей совместной собственности, данные о правах которых отсутствуют в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество (далее — ЕГРН).

Ст. 256 ГК РФ гласит, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Согласно ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации необходимо по-

лучить нотариально удостоверенное согласие другого супруга, иначе в будущем сделка будет являться оспоримой.

Конституционный суд Российской Федерации (далее — КС РФ) защитил права добросовестного приобретателя жилого помещения [2].

Согласно Постановлению, гражданин Г. продал гражданину М. без согласования с бывшей супругой находившуюся в их совместной собственности квартиру. Спустя год данная квартира была приобретена по договору купли-продажи Мокеевым Е. В. Узнав об этом, супруга продавца Г. обратилась в суд с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения и об исключении из ЕГРН записи о регистрации перехода права собственности.

Суд первой инстанции поддержал требования гражданки Г. и от Мокеева Е. В. истребована доля в праве собственности на жилое помещение, апелляционный суд согласился с выводом суда первой инстанции.

Мокеев Е. В. обратился КС РФ с требованием о проверке на конституционность п. 1 ст. 302 ГК РФ, обосновывая тем, что норма не гарантирует защиту конституционных прав собственникам, которые действовали осмотрительно и разумно при приобретении жилого помещения. В результате он лишился 1/2 доли в праве собственности на квартиру, хотя на момент покупки не мог знать о притязаниях бывшей супруги.

КС РФ поддержал доводы Мокеева Е. В. В связи с этим статья 35 СК РФ не может быть интерпретирована таким образом, в котором она игнорирует законные интересы покупателя жилого помещения.

Судом сделан вывод о том, что п. 1 ст. 302 ГК РФ соответствует Конституции РФ, требования к добросовестному участнику гражданского оборота, предъявленные на основании п. 1 ст. 302 ГК РФ, в случае, если приобретатель основывался на данных ЕГРН, и в установленном порядке зарегистрировал возникшее у него право собственности не подлежат удовлетворению, если бывший супруг своевременно не предпринял меры по контролю над общим имуществом супругов. Бывший супруг, сведений о котором не имеется в реестре, должен сам контролировать сохранение за собой права собственности на имущество. Если же бывший супруг не проявил никакой активности, возлагать неблагоприятные последствия совершения сделки на добросовестных участников оборота нельзя.

Таким образом, бывший супруг, который не принял мер по оформлению своего права собственности, но добился признания сделки о ее продаже недействительной, не вправе истребовать жилье у добросовестного приобретателя, полагавшегося на данные ЕГРН и ставшего собственником законно. Решением данной проблемы является своевременная регистрация общей совместной собственности на жилые помещения, а также установление брачным договором или соглашением о разделе раздельного режима права собственности имущества.

Ключевым механизмом защиты права собственности на жилые помещения является признание сделки недействительной. В судебной практике существует не мало вопросов о пределах доказывания порока воли, о соотношении требований о недействительности сделки и виндикации, а также о последствиях недействительности, включая порядок и сроки возврата исполненного.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее ВС РФ) было рассмотрено дело о признании договора недействительным [3]. Долина Л. А. (истец) обратилась в суд с иском к Лурье П. А. о признании недействительными предварительного договора и договора купли-продажи квартиры (ответчик). В обосновании исковых требований истец указала, что в отношении нее совершались мошеннические действия, которые привели к утрате права собственности на квартиру. Ответчиком был подан встречный иск с требованием о выселении истца.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, суд апелляционной инстанции согласился с решением. Суд пришел к выводу, что истец при совершении сделок действовала под влиянием существенного заблуждения относительно их природы, полагала, что ее действия осуществляются под контролем сотрудников правоохранительных органов в целях предотвращения совершения преступления против ее имущества и не влекут юридических последствий как для нее, так и для покупателя квартиры, при этом с учетом выводов, содержащихся в заключениях экспертиз, в силу оказанного значительного психологического воздействия она не могла распознать заблуждение. Также суд не нашел оснований для применения двусторонней реституции в части взыскания денежных средств, составляющих стоимость квартиры со ссылкой на то, что денежные средства за квартиру получены злоумышленниками в результате совершения преступления, обстоятельства их хищения, лица, совершившие хищение полученных за квартиру денежных средств. Второй кассационный суд согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

ВС РФ указал, что судебные постановления по делу приняты с существенным нарушением норм права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

В определении ВС РФ ВС отметил, что в соответствии с п. 1 ст. 178 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом не-

действительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если оно было настолько существенным, что данная сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, зная о действительном положении дел. ВС РФ подчеркивает, что не всякое заблуждение признается пороком сделки, а лишь существенное, в отсутствие которого сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку.

Судебная коллегия пояснила, что, раскрывая понятие существенности заблуждения, законодатель в п. 2 ст. 178 ГК РФ привел неисчерпывающий (открытый) перечень обстоятельств, заблуждение относительно которых полагает существенным, заслуживающим при наличии прочих предпосылок являться основанием для признания сделки недействительной, а в п. 3 устанавливает, что заблуждение относительно мотивов сделки не считается основанием.

ВС РФ отмечает, что является ли заблуждение существенным, подлежит исследованию в каждом конкретном деле, то есть носит оценочный характер, при этом оценке со стороны судов подлежит также то обстоятельство, проявил ли истец требовавшуюся в таких обстоятельствах осмотрительность при совершении оспариваемой им сделки. Согласно пункт 5 статьи 178 ГК РФ суд может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона, было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон.

В определении поясняется, что является недопустимым — даже при наличии всех условий, позволяющих истцу оспорить сделку как совершенную под влиянием существенного заблуждения, — неприменение судом двусторонней реституции.

Также отмечается, что для разрешения вопроса о фактической способности лица при совершении юридически значимого действия понимать значение своих действий и руководить ими, по общему правилу, требуются специальные познания, которыми суд не располагает. В таких случаях суд имеет право и одновременно обязан назначить проведение судебной экспертизы.

ВС РФ установив юридически значимые обстоятельства разрешил вопрос по существу и принял новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Таким образом, в судебной практике прослеживаются тенденции развития презумпции добросовестности приобретателя и защиты их прав. Современное законодательство защищает права добросовестных участников гражданского оборота, проявляющих все меры предосторожности при совершении сделки. Однако, практика правоприменения в сфере защите права собственности и иных вещных прав на жилые помещения сталкивается с нерешенными вопросами, в то время как единообразное понимания и применения правовых

норм влияет на эффективность правоприменения. Рассмотрение судебных дел о защите права собственности на жилые помещения требует системного подхода к формированию единообразной судебной практики. Даль-

нейшее развитие института недействительности сделок должно идти по пути минимизации правовой неопределённости и создания надёжных гарантий как для защиты нарушенных прав.

Литература:

1. Серегина, О. Л. Понятие защиты права собственности в общей системе способов защиты права // Legal Concept. 2006. № 8. — С. 92–96.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева» // СПС КонсультантПлюс.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 N 5-КГ25-174-К2, 2-387/2025// СПС КонсультантПлюс.

Мошенничество в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Актуальные проблемы установления виновных лиц и способы восстановления нарушенных прав потерпевших

Петров Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Автором исследуется мошенничество в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также дается краткий обзор на наиболее популярные случаи подобного мошенничества и способы решения актуальных проблем по данной теме. Рассматриваются способы установления виновных лиц и восстановления нарушенных прав потерпевших. Даются рекомендации по предотвращению подобных преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, дроппер, фишинг, уголовная ответственность, преступление.

Мошенничество является одним из самых древних видов преступлений. Однако за последнее время способы его совершения претерпели качественные изменения, а традиционное «очное» взаимодействие преступника с жертвой стало минимальным.

В современном мире наиболее популярной формой мошенничества является мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ). Основными способами такого мошенничества является введение лица в заблуждение относительно безопасности нахождения его денежных средств на банковских счетах и необходимости их перевода на безопасный счет. Также посредством участия на торгах через брокера мошенники убеждают гражданина вложить денежные средства на их увеличение. В подавляющем большинстве данные деяния квалифицируются по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) и уже не первый год демонстрируют небывалую динамику роста.

«В Генеральной прокуратуре Российской Федерации и МВД России неизменным остается положение, что мошенничества подлежат учету как преступления, совершенные в сфере ИТТ, только при условии их совершения посредством сети «Интернет» или других средств, спо-

собствующих бесконтактному совершению преступлений (мобильные телефоны)». [2]

Как было замечено ранее, данные преступления совершаются без физического контакта, как правило, с использованием сетей мобильной связи. Мошенник представляется уполномоченным сотрудником различных органов и организаций, что с его стороны не требует дополнительных затрат на реквизиты (форма, удостоверение, спецсредства и т. п.). Кроме того, возможна подмена голоса людей, их внешнего вида, номеров телефонов, что способствует введению потерпевшего в заблуждение (обману).

Также для совершения преступлений используются сим-карты и банковские счета, зарегистрированные на третьих лиц, а также телефоны, которые ранее не использовались мошенниками. Указанное является основной проблемой при установлении личности мошенников, то есть органам полиции необходимо направить запросы операторам мобильной связи о собственнике номера телефона и в банковскую организацию о владельце банковского счета. В случае ранее использования сотового устройства другими лицами — их владельцам.

Зачастую, в ходе установления данных биллинга устанавливается факт совершения преступления из-за рубежа, что препятствует установлению личности преступ-

ника. Вместе с тем, потерпевшее лицо не лишено права на возмещение имущественного ущерба путем взыскания средств с дроппера, банковский счет которого использовался мошенниками. Стоит упомянуть относительно новое для отечественного права явление, обозначенное словом «дроппер». Дроппер передает доступ к собственной банковской карте (счету) третьим лицам для проведения бесконтрольных для держателя карты или владельца счета транзакций.

Мошенники за небольшое вознаграждение приобретают у граждан доступ к их банковским счетам, через которые осуществляется вывод денежных средств, при этом такой гражданин — дроппер — несет полную материальную ответственность перед потерпевшим лицом. В этой связи потерпевшее лицо самостоятельно либо прокурор может обратиться с иском о взыскании с дроппера полного размера причиненного материального вреда. В случае установления личности преступника, дроппер может взыскать с него денежные средства в порядке регресса.

Нами представляется необходимым применение искусственного интеллекта в анализе первой минуты каждого разговора на предмет психологического воздействия на лицо, поскольку именно первая минута является наиболее важной. Однако стоит вопрос о конституционных правах граждан на тайну переписки, поскольку выявленные искусственным интеллектом подозрительные разговоры необходимо будет изучить специалистам, то есть, фактически будут нарушаться права граждан. В этой связи дополним, что необходимо прорабатывать дополнительный механизм предварительной анонимизации разговоров.

Особо важным является правовое информирование граждан о способах совершения подобных преступлений, методике действий при взаимодействии с мошенниками.

Учитывая стремительное развитие ИТТ, граждане также подвергаются мошенничеству с использованием

фишинговых сайтов, которые дублируют оригинальные банковские сервисы, маркетплейсы или иные популярные сайты, на которых требуется регистрация с доступом к банковским счетам. Граждане могут передать злоумышленникам доступ к своим персональным данным, не подозревая о противоправности их получения мошенниками, а затем потеряв денежные средства. «В настоящее время фишинг — это один из способов мошенничества, целью которого является формирование поддельного сайта, неправомерное получение паролей, номеров банковских счетов и т. д. для получения конфиденциальной информации пользователей. Данный вид мошенничества становится все более актуальным, и объясняется это тем, что от преступников требуется минимальное количество затрат, так как инструменты, которыми пользуются лица в противоправных целях относительно доступны и понятны». [3]

Решение данной проблемы практически невозможно, поскольку фишинговые сайты при блокировке органом Роскомнадзора Российской Федерации, создает зеркальные ссылки, восстанавливающие работоспособность фишингового сайта.

Таким образом, в целях обеспечения безопасности в сети «Интернет» гражданам рекомендуется при заполнении анкетных форм, использовать номер сотового телефона, а также электронной почты, которые не привязаны к государственным услугам, банковским счетам, то есть, получение которых не позволит совершить кражу денежных средств. Кроме того, для оплаты в сети «Интернет», рекомендуется создавать отдельный банковский счет, на который переводить денежные средства в размере, не превышающем запланированную покупку. В данном случае важны и меры профилактики, заключающиеся в информировании граждан о существующих угрозах и о мерах по защите своих персональных данных, и систематические проверки по соблюдению законодательства в сфере ИТТ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.10.2026.
2. Лунёв М. В., Данелян Р. С. Дистанционное мошенничество: некоторые аспекты понятийно-категориального аппарата // Образование и право. 2026. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantionnoe-moshennichestvo-nekotorye-aspekty-ponyatiyno-kategorialnogo-apparata> (дата обращения: 17.10.2026).
3. Завьялов А. Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения // Baikal Research Journal. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-moshennichestvo-fishing-problemy-protivodeystviya-i-preduprezhdeniya> (дата обращения: 17.10.2026).

Неопределённый круг лиц как объект судебной защиты: критерии квалификации и пределы полномочий заявителя

Плотникова Евгения Александровна, студент
Московский университет «Синергия»

Исследуется механизм обращения в суд в защиту интересов неопределённого круга лиц, разграничение его с индивидуальным и групповым иском, а также пределы полномочий заявителя. На основе анализа норм процессуальных кодексов Российской Федерации и открытых судебных решений 2023–2026 годов предлагается последовательная модель оценки допустимости обращения. Показано, что отнесение спора к соответствующей процессуальной категории зависит от характера правоотношения, законного основания полномочия и конкретного способа защиты. Рассматриваются примеры экологической безопасности, пожарной безопасности и защиты прав потребителей.

Ключевые слова: судебная защита, неопределённый круг лиц, процессуальный истец, прокурор, гражданский процесс, административное судопроизводство, групповой иск.

Введение

Гражданское судопроизводство ориентировано на защиту нарушенных или оспариваемых прав. Однако сфера судебной защиты шире индивидуального спора двух материально заинтересованных участников. Ряд нарушений создаёт угрозу для множества лиц, состав которых изменяется либо не может быть исчерпывающе установлен. Сохранение опасных условий в общественном здании, нарушение природоохранных требований или систематическое противоправное поведение продавца способны затронуть будущих посетителей, жителей или потребителей.

Законодатель допускает обращение в защиту таких интересов на основании статьи 45 ГПК РФ, статьи 39 КАС РФ и ряда специальных норм. Вопрос состоит в определении критериев, позволяющих понять, какой именно интерес является предметом судебной защиты и кто вправе инициировать процесс. Решение вопроса влияет на компетенцию суда и содержание требования.

1. Правовые основания обращения в защиту чужих интересов

В части первой статьи 45 ГПК РФ прокурору предоставлено право предъявлять заявления в защиту прав отдельных граждан, неопределённого круга лиц и интересов названных публично-правовых образований. Обращение в защиту конкретного гражданина требует выполнения специального условия, связанного с невозможностью самостоятельной защиты, за исключением предусмотренных законом случаев социальных прав. Законодатель тем самым различает основания вступления прокурора в индивидуальный спор и его полномочия в отношении неопределённого круга.

Иные органы, организации и граждане руководствуются статьёй 46 ГПК РФ. В случаях, установленных законом, они могут обратиться по просьбе заинтересованного гражданина, а также в защиту неопределённого круга лиц. Исключения, предусмотренные в отношении несовершеннолетних и недееспособных, обеспечивают

судебную защиту там, где обычный механизм выражения просьбы неэффективен. Основание полномочия заявителя при этом должно следовать из законодательства.

В административном судопроизводстве применяются статьи 39–40 КАС РФ. Арбитражный процесс отдельно регламентирует обращение в защиту публичных интересов и интересов других лиц в статье 53 АПК РФ. Несмотря на общее назначение этих институтов, механическое перенесение правил одного кодекса в другой может привести к ошибке в выборе процессуальной формы.

Для оценки допустимости иска целесообразно последовательно ответить на вопросы: защищается ли определённый носитель права; возможно ли выявить всех затронутых лиц; вытекает ли полномочие заявителя из конкретной нормы закона; соответствует ли предмет требования избранному процессу? Такой алгоритм способствует правовой определённости.

2. Критерии неопределённого круга лиц

Правовое значение понятия «неопределённый круг лиц» определяется возможностью индивидуализации всех потенциальных выгодоприобретателей в рассматриваемой фактической ситуации. Численность группы сама по себе не является исчерпывающим показателем: даже сравнительно небольшой круг может изменяться во времени. Посетители общественного здания представляют собой открытый состав, в то время как список участников конкретного договора может быть установлен по документам.

Другая характеристика — наличие общего блага или общей угрозы. Противоправные действия должны затрагивать право, реализация которого имеет значение для потенциально меняющегося состава лиц. Требование прокурора об устранении нарушения правил пожарной безопасности ориентировано на предотвращение риска для людей, которые могут находиться в определённом здании. В экологическом споре защищаемое благо связано с правом на благоприятную окружающую среду.

Групповой иск имеет самостоятельную процедуру. Статья 244.20 ГПК РФ связывает её применение с одно-

родностью защищаемых прав, общим ответчиком, схожими обстоятельствами и единым способом защиты. Предусматривается присоединение установленного количества участников. Поэтому процедура обеспечивает защиту процессуально организованной группы, тогда как обращение в защиту неопределённого круга направлено на восстановление общего правового состояния.

Смысл разграничения проявляется в последствиях судебного акта. По заявлению в интересах неопределённого круга лиц суд может обязать прекратить общее нарушение. Установление индивидуальных денежных требований конкретных потерпевших, когда оно необходимо, осуществляется в надлежащей процессуальной форме. Сочетание различных способов защиты должно учитывать особенности применимого материального и процессуального права.

3. Судебная практика и предмет доказывания

Материалы судебной практики показывают, что прокурорские требования о пожарной безопасности имеют выраженный превентивный характер. В решении по делу № 2–1154/2025 от 19 июня 2025 года рассматривались нарушения пожарной безопасности в спортивной школе. Дело № 2–220/2025 от 24 июня 2025 года связано с устранением нарушений в учреждении культуры. В обоих случаях существенно определённость мер, которые заявитель просит возложить на ответчика.

Экологическое дело № 2–109/2024 от 12 февраля 2024 года демонстрирует взаимосвязь интересов государства в охране природного объекта и права граждан на благоприятную окружающую среду. Для судебного решения требуется установить нарушение конкретных требований законодательства и обосновать способ восстановления правового состояния. Указание на общую экологическую значимость территории само по себе не заменяет исследование фактов.

Практика по искам общественных объединений потребителей отличается предметом требований. В деле № 2–304/2024 суд рассматривал особенности общественного контроля и законные пределы заявления о защите неопределённого круга потребителей. Закон допускает требование о прекращении противоправных действий, а соблюдение компетенции заявителя и надлежащее получение доказательств имеют самостоятельное значение.

Апелляционное определение № 33–360/2026 от 21 января 2026 года обращает внимание на самостоятельную

проверку права прокурора инициировать процесс. Возможные недостатки доводов о характере нарушения должны получать юридически мотивированную оценку. Формальное отождествление сомнений в обоснованности требований с отсутствием полномочия на обращение создаёт риск ограничения доступа к судебной защите.

4. Предложения по совершенствованию правоприменения

Результаты анализа позволяют предложить трёхуровневую схему проверки заявления. На первом уровне устанавливаются вид правоотношения и компетенция суда. На втором определяется уполномоченный заявитель и подтверждается основание его процессуального участия. На третьем проверяются характер защищаемого интереса, доказательства нарушения и юридическая исполнимость требования. Такая последовательность сохраняет самостоятельность процессуальных и материально-правовых вопросов.

Для заявлений в защиту неопределённого круга лиц целесообразно включать в мотивировочную часть описание признака изменчивости или неисчерпаемой индивидуализации лиц. При угрозе причинения вреда должна быть раскрыта связь выявленного нарушения с охраняемым правом. В потребительских спорах необходимо описать специальную компетенцию объединения и правовую основу предполагаемого способа защиты.

В дальнейшем развитие судебной практики могло бы опираться на разъяснения о соотношении защиты неопределённого круга лиц, защиты группы и индивидуального иска. Это позволило бы снизить число ошибок при выборе процессуальной формы и обеспечить более последовательное применение статей 45–46 ГПК РФ, 39–40 КАС РФ и специальных законов.

Заключение

Обращение в суд в защиту неопределённого круга лиц служит важным средством охраны общих благ. Его эффективность зависит от законного полномочия заявителя, точного определения защищаемого интереса, надлежащих доказательств и конкретного способа защиты. Последовательная проверка этих элементов создаёт основу для предсказуемого рассмотрения дела.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ст. 45, 46, гл. 22.3).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ст. 39, 40).
3. Гинзбург И. В. Защита прав и законных интересов группы лиц (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 5. С. 71–83.
4. Михайлова Е. В. Судебная защита прав и законных интересов неопределённого круга лиц по заявлению прокурора // Российский судья. 2026. № 7. С. 41–45.
5. Судебные решения 2023–2026 годов по делам № 2–3892/2023, № 2–7429/2023, № 2–304/2024, № 2–109/2024, № 2–1750/2024, № 2–220/2025, № 2–1154/2025; апелляционное определение № 33–360/2026.

Основные принципы адвокатской этики и анализ деятельности адвоката

Познахирина Екатерина Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует понятие и значение профессиональной этики адвоката, особенности этики адвоката-защитника, содержание адвокатской этики и её ключевые категории, два подхода к рассмотрению профессиональной этики (как теория и как практика), роль юридической этики в воспитании правосознания, сложность адвокатской деятельности и колоссальное значение профессиональной этики для граждан и социальной политики государства.

Ключевые слова: адвокатская этика, профессиональная этика адвоката, адвокат-защитник, Кодекс профессиональной этики адвоката, категории этики, долг, честь, достоинство, справедливость, совесть, качество юридических услуг, правосознание.

Адвокатская деятельность невозможна без соблюдения профессиональной этики, которую необходимо соблюдать на протяжении всего процесса оказания квалифицированной правовой помощи. Важность данного аспекта адвокатской деятельности привлекает внимания и требует постоянного изучения в целях выявления недочетов регламентации и дальнейшего ее совершенствования. Как отмечают Е. А. Гринь и Э. В. Градинар в своем научном труде [1, с. 137] на сегодняшний день остаются открытыми вопросы, касающиеся оценки качества оказываемых представителем услуг, которые нуждаются в систематическом изучении и законодательном регулировании.

Рассматривая вопрос об адвокатской этике, нельзя не затронуть адвокатов-защитников, поскольку именно в их деятельности особое внимание должно уделяться моральным принципам. Защитникам часто приходится прибегать к моральным оценкам и обоснованиям, чтобы обеспечить равноправие и учет морально-психологических состояний, как потерпевшей, так и обвиняемой сторон. Вместе с этим адвокат-защитник также должен обращать пристальное внимание на моральное состояние самого обвиняемого, особенно если формой вины является неосторожность и правонарушение было совершено ненамеренно. Также это касается случаев, когда правонарушение совершено впервые, поскольку гражданин может быть особо растерян и находиться в сложнейшем эмоциональном состоянии. Во внимание должны быть приняты:

- 1) мотивы действий клиента;
- 2) моральные последствия для всех сторон;
- 3) общественное мнение о данном правонарушении [2, с. 129].

Адвокатская этика представляет собой совокупность правил и принципов, регулирующих поведение адвокатов в их профессиональной деятельности. Она включает в себя требования к профессиональной компетентности, конфиденциальности, независимости, честности и многим другим аспектам профессиональной деятельности адвоката. Кроме того, адвокатская этика требует от адвокатов соблюдения высоких моральных стандартов и учета интересов всех сторон, включая потерпевших и обвиняемых.

Правила и принципы адвокатской этики базируются на определенном ряде ключевых категорий: долг, честь, справедливость, достоинство, совесть. Рассмотрение данных категорий необходимо начать с долга, поскольку он напрямую связан с культурой нравственного мышления и занимает центральное место в системе профессиональной этики адвоката. Долгом в юридической литературе признаются моральные обязательства адвоката перед своим клиентом, его семьей и иными лицами, причастными к процессу защиты прав и свобод данного гражданина, а также перед адвокатурой. Категория долга лежит в основе этической теории — деонтологии, исследующей нравственные требования в форме моральных предписаний, которые имеют большое значение в изучении адвокатской этики в юридической литературе [3, с. 284].

Юридическая этика способствует воспитанию представителей профессионального общества в духе правосознания, трепетного отношения к правовым нормам, ориентируя их на беспрекословное и добровольное подчинение правовым и морально-этическим стандартам поведения, стремление к справедливости, уважение прав и законных интересов участников процесса и иных граждан, сохранение значительного морально-этического облика профессии [4, с. 11].

Кодекс профессиональной этики адвоката регламентирует, что адвокаты при осуществлении своих обязанностей обязаны сохранять честь и достоинство, которые присущи адвокатам [5].

Категория честь в адвокатской этике особое значение имеет в отношении эмоций самого адвоката. Естественно, что профессионал не может постоянно оставаться хладнокровным и не проявлять эмоций вовсе, однако Кодекс профессиональной этики адвоката призывает к стремлению оставаться таковым в независимости от внешней обстановки. Положение человека в коллективе и обществе, связанное с его профессиональной деятельностью и служебным положением характеризуется категорией честь. Честь побуждает адвоката совершать такие поступки и демонстрировать такое поведение, чтобы сохранить свою репутацию и мнение окружающих о своей профессии и других адвокатах. Данная категория означает

признание за человеком определенных моральных заслуг, которые он сам высоко оценивает. Важную роль в профессии адвоката играет этическая категория «достоинство», проявляющееся в уважении адвоката достоинства подзащитного, всех участников судебного процесса, что является необходимым условием успехов адвоката, его морального авторитета. Унижение достоинства человека, в какой бы форме оно не осуществлялось, создает серьезный барьер между адвокатом и гражданином либо делает общение между ними и вовсе невозможным.

Также одной из основополагающих категорий адвокатской этики является «справедливость», она должна присутствовать в каждом поступке адвоката, поскольку он действует от имени закона, однако необходимо отметить, что «справедливость» категория достаточно обширная и также включает в себя достойное вознаграждение за юридические услуги, оказываемые профессионалами в этой сфере и т. д. Но прежде всего при рассмотрении адвокатской этики в юридической литературе категория «справедливость» представляется как равенство всех людей перед законом, что подразумевает объективную и беспристрастную оценку действий нарушителей закона. Любой гражданин вправе рассчитывать на справедливую оценку своих достоинств и недостатков [6, с. 272].

Также к ключевым категориям адвокатской этики научные деятели в сфере юриспруденции относят «совесть», которую в простонародье называют внутренним судьей. В соответствии с этим у адвоката не должно возникать дилеммы: судить ли в соответствии с законом или совестью. Его суждения должны происходить по закону и в гармонии с совестью. Данная категория достаточно сложна для понимания, однако очень сильна, поскольку трудно найти более тяжелое нравственное испытание, чем угрызания собственной совести [7, с.124].

В основном профессиональная этика в юридической литературе рассматривается с двух сторон:

1. Как теория, изучающая профессиональную мораль. В соответствии с данной позицией адвокатская этика изучает личностные качества, проявляющиеся в положительном поведении, например, как добродетель. Также к данной категории относятся моральные принципы

и норма, которые принимаются во внимание профессионалами при совершении каких-либо поступков.

2. Практика применения моральных ценностей при осуществлении профессиональной деятельности. В данном случае адвокатская этика задействует проявление моральных принципов и норм, касающихся личности адвоката в его служебной деятельности, в соответствии с реальностью.

Положения профессиональной этики адвокатов базируются на основании Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ [8] и в соответствии с ним принятым Кодексом профессиональной этики адвоката в 2003 году. Ранее указанный нормативно-правовой акт обязывает рассматриваемых в данной статье лиц, оказывающих помощь в защите прав и свобод граждан, строго соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

Резюмируя выше сказанное, необходимо отметить, что сложность адвокатской деятельности заключается не только в ее обширности и количестве обязанностей, возлагаемых на адвоката, но и в необходимости соответствия действий профессионалов правилам адвокатской этики, в том числе обращении внимания на психоэмоциональное состояние клиента и других участников дела. Также важно указать на колоссальное значение профессиональной этики адвоката в его деятельности, поскольку представляет собой важный аспект как в непростые моменты в жизни граждан в независимости от того, относятся ли он к потерпевшей или обвиняемой стороне, так и в социальной политике российского государства. Вместе с этим она является и достаточно сложной системой, включая в себя различные категории, такие как долг, честь, достоинство, справедливость и совесть, которые крайне важны в процессе защиты прав и свобод граждан. Адвокатская этика позволяет профессионалам избегать ошибок в оказании помощи своим клиентам и принимать верные решения. Несмотря на то, что ее основной функцией является воспитательная профессиональная этика также расширяет нравственные нормы профессионалов и создает стимулы при выполнении обязательств, ведь в работе адвокатов чрезвычайно важна связь моральных норм и правовых устоев.

Литература:

1. Гринь Е. А., Градинар Э. В. Процессуальный и материальный аспекты представительства как правоотношения в гражданском судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2022. № 1 (205). С. 137.
2. Федотов Д. Е. Адвокатская этика // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98–4. С. 129.
3. Петрякова А. В. Правосудие как инструмент гармонизации интересов государства и гражданина // Научные труды. Российская академия юридических наук. Москва, 2020. С. 284.
4. Хиль И. М. Нравственные, моральные и этические особенности современной профессиональной деятельности юриста. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024;16(3):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-7-12>.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 15 апреля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/.

6. Пудова В. С. Понятие и соотношение профессиональной этики адвоката, адвокатской этики и судейской этики в юридической деятельности // E-Scio. 2020. № 11(50). С. 272.
7. Ходус Е. И. Профессиональная этика адвоката // В зеркале права — 2022: сб. науч. статей. Липецк, 2022. С. 124.
8. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.

Подходы к понятию «защитник» в уголовном процессе

Познахирина Екатерина Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует конституционное право на квалифицированную юридическую помощь и процессуальный статус защитника в уголовном судопроизводстве, а также рассматривает проблемы профессионализма и гарантий качества помощи адвоката, недостаточную урегулированность деятельности адвоката-представителя потерпевшего, соотношение полномочий защитника и представителя, содержание правозащитного механизма и вопросы создания эффективной системы оказания квалифицированной юридической помощи (включая разграничение адвокатов и юристов без статуса адвоката и доступ к помощи за счёт бюджетных средств).

Ключевые слова: право на защиту, квалифицированная юридическая помощь, защитник, адвокат-представитель потерпевшего, уголовное судопроизводство, правозащитный механизм, профессионализм адвоката.

В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Право на защиту является основным в уголовно-процессуальной деятельности, т. к. указанная деятельность имеет специфический характер и затрагивает основные (конституционные) права, свободы и интересы человека и гражданина, вовлеченных в ее сферу.

Подозреваемые и обвиняемые, как никто другой из участников уголовного процесса, нуждаются в защите своих прав и свобод, так как в отношении указанных лиц, в целях обеспечения эффективного и объективного расследования преступления, законодатель допускает применение мер уголовно-процессуального принуждения, существенно ограничивающие их права на свободу, неприкосновенность и другие права и интересы. Кроме этого, в отношении указанных лиц может быть выдвинуто обвинение, порочащее их честь и репутацию [1, с. 98].

В ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) закреплено положение, в соответствии с которым защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им в установленном порядке юридическую помощь при производстве по уголовному делу [2].

Участие защитника является существенной гарантией прав и законных интересов подсудимого (обвиняемого) в уголовном процессе. Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы подзащитного всеми, не запрещенными законодательством РФ средствами. Защитником может быть адвокат после предъявления им ордера на исполнение поручения,

выдаваемого соответствующим адвокатским образованием и удостоверением адвоката. Защитник является самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности. Для осуществления своих профессиональных функций он наделен соответствующими правами и обязанностями, закрепленными в нормах уголовно-процессуального законодательства.

УПК РФ, с одной стороны, не ограничивает круг лиц, которые могут выполнять функцию защитника в уголовном судопроизводстве, с другой стороны, сужает рассматриваемое понятие, указывая только на подозреваемых и обвиняемых и не упоминая, что другим участникам судопроизводства, чьи права в той или иной степени затрагиваются уголовным преследованием, также необходима защита. Еще в 2000 г. Конституционный Суд РФ указал: «Поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им УПК РСФСР более узком смысле» [3].

Под термином «правозащитный механизм», достаточно активно употребляемом в научной литературе, а иногда в официальных документах, понимается установленная и гарантированная законом система обеспечения правового статуса личности, которая включает в себя упорядоченную деятельность органов публичной власти, негосударственных правозащитных организаций и самостоятельную реализацию субъективных прав и свобод, направленную на предупреждение, пресечение и восстановление нарушенных прав и свобод при соблюдении надлежащего баланса публичных и частных интересов. Поскольку адвокат

непосредственно не участвует в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, то в этом случае используются такие структурные элементы правозащитного механизма как самозащита и обращение к адвокату за содействием в защите нарушенных прав [4, с.127]. В связи с этим правоприменителям было предложено при решении вопроса о праве на защиту исходить не из формального процессуального положения участника судопроизводства, а из его фактического положения. Соответственно, рекомендовалось учитывать, затрагиваются ли уголовным преследованием права и свободы конкретного лица.

Эта позиция поддержана Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Верховный Суд РФ указал, что право на защиту имеет любое «лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица» [5].

На основании сказанного предлагаем изложить ч. 1 ст. 49 УПК РФ в следующей редакции: «Защитник — лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

В Российской Федерации единственным профессиональным представителем стороны защиты является адвокат. Профессионализм адвоката гарантируется целым рядом организационных мер, обуславливающих получение этого статуса: требования к стажу претендента на статус адвоката, к отсутствию у него судимости, положительный результат сдачи квалификационного экзамена, в процессе которого проверка подлежат не только знания будущего адвоката, но и его профессиональные навыки и умения, связанные, например, с составлением процессуальных документов, определением тактики и стратегии защиты по уголовному делу. Профессионализм защиты, осуществляемой адвокатом, обусловлен также возможностью применения к нему мер дисциплинарной ответственности в случаях нарушения законов Российской Федерации, некачественного выполнения своих профессиональных обязанностей [6, с. 228].

Таким образом, адвокат, как носитель юридических знаний, способен квалифицированно оказать юридическую помощь. Именно адвокат может грамотно разработать тактику и стратегию защиты, разъяснить подзащитному его процессуальные права и обязанности, профессионально составить необходимые заявления и ходатайства, оказать помощь в выдвижении версий защиты и сборе необходимых доказательств, определить способы и приемы защиты.

В заключение хотелось бы отметить, что конечной целью должно стать создание в Российской Федерации

эффективной системы оказания квалифицированной юридической помощи. В современной России система юридических услуг представлена, с одной стороны, адвокатами, являющимися членами профессионального сообщества, прошедшими квалификационный отбор и подчиняющимися нормам корпоративной этики, с другой стороны, юристами, оказывающими юридическую помощь, но не имеющими статуса адвокатов. Их деятельность сложна для правового регулирования и стандартизации. Вместе с тем в соответствии с Конституцией РФ государство обязано обеспечить доступ к юридической помощи всем в ней нуждающимся, в том числе за счет бюджетных средств — гражданам, не способным эту помощь оплатить самостоятельно. Представляется, что при решении этого вопроса целесообразно опираться на профессиональные сообщества юристов.

Адвокатская деятельность — это независимая профессиональная деятельность адвоката, представительства и предоставления других видов правовой помощи клиенту [7, с. 136].

Термин «представительство» определен как вид адвокатской деятельности, заключающийся в обеспечении реализации прав и обязанностей клиента в гражданском, хозяйственном, административном и конституционном судопроизводстве, других государственных органах, перед физическими и юридическими лицами, прав и обязанностей потерпевшего во время рассмотрения дел об административных правонарушениях, а также прав и обязанностей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в уголовном производстве.

В отношении уголовного процесса это можно рассматривать как приобретение одним лицом процессуальных полномочий другого и их реализацию при производстве уголовного судопроизводства. При этом, как видим, речь идет о причинах, побуждающих представленное лицо делегировать свои полномочия представителю. Ведь такое делегирование может быть обусловлено как недостаточной осведомленностью в законодательстве, в результате чего лицо требует юридических консультаций (юридической помощи), так и, например, занятостью делами, которые для определенного лица важны, чем участие в деле, следовательно, такое делегирование можно расценить как латентную форму игнорирования интересов судопроизводства. [8, с. 139].

В уголовном процессе состязательность сторон — наибольшее острое проявление противоборства, в результате которого могут возникать серьезные правовые последствия, именно поэтому основные участники этого противодействия — потерпевший, с одной стороны, подозреваемый — с другой, в первую очередь, нуждаются в квалифицированной юридической помощи для реализации своих процессуальных прав.

По своей сути представительство предполагает отказ от участия в процессе лица, делегировавшего свои полномочия другому. Такое поведение не присуще пострадавшему от преступления лицу, поскольку последнее непо-

средственно заинтересовано в результатах рассмотрения уголовного производства. В большинстве случаев потерпевшее от уголовного правонарушения лицо, обращаясь к адвокату, который может стать его представителем, преследует цель получения квалифицированной юридической помощи, нацеленной на достижение в ходе уголовного процесса определенного результата. Это активная форма поведения, которой не свойственно, передача своих процессуальных прав представителю с последующим самоустранением от процесса расследования и рассмотрения уголовного производства [9, с. 34].

На сегодняшний день научное исследование процессуального положения адвоката — представителя потерпевшего, организации и осуществления его профессиональной деятельности в уголовном судопроизводстве недостаточно. Его деятельность в уголовном процессе регулируется только в самых общих чертах, в основном без конкретизации прав и обязанностей, без четкого определения критериев законности действий адвоката-представителя потерпевшего.

Роль адвоката в судопроизводстве по тому или иному делу очень велика, благодаря оказанию качественной юридической помощи многие, казалось бы совершенные безвыходные положения, переворачиваются и приобретают иной смысл. [10, с. 138]. В уголовном процессе установлены дополнительные способы определения действительных обстоятельств дела, неизвестные гражданскому процессу, такие, как предварительное расследование,

а также такие следственные действия, как обыск, выемка и т. п. В данном случае, защитник вправе участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях [11, с. 55].

В уголовном судопроизводстве защитник вступает в уголовное дело при предъявлении удостоверения адвоката и ордера, без соответствующего уполномочивающего документа. Адвокат тоже может быть представителем, тогда его права значительно расширяются — обладая адвокатским статусом, он может делать различные запросы, получать справки и т. д., представитель же зачастую лишен этого права. В то же время, только представитель имеет право ставить подпись в документах за доверителя, а адвокат — только рядом с подписью клиента [12, с. 191].

Таким образом, усматривается, что адвокат наделен достаточными полномочиями и процессуальными возможностями осуществления защиты, включающих: активное доказательство (сбор доказательств, участие в проведении следственных и других процессуальных действий); реагирование на нарушения, незаконные действия, бездействие органов досудебного расследования (жалобы, отводы, ходатайства); информационные потребности (знакомство с материалами досудебного расследования).

Защита как вид независимой профессиональной деятельности состоит в обеспечении защиты прав, свобод и законных интересов потерпевшего. Эти положения корреспондируются с УПК РФ, однако не всегда прямо отражены в нем.

Литература:

1. Лифанова М. В. Актуальные вопросы статуса защитника в уголовном судопроизводстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/>.
4. Семенцов В. А. И вновь к вопросу об оказании квалифицированной юридической помощи адвокатом в оперативно-розыскной деятельности. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022;14(3):123–131. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-123-131>. С. 127
5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8439/> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Францифоров Ю. В. Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2(145). С. 228.
7. Соловьева Ю. И. Статус адвоката в уголовно-правовых отношениях: дис.... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 136.
8. Такалаев М. Л. Особенности правового статуса адвоката в уголовном судопроизводстве: процессуальное положение и правовая регламентация // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6(133). С. 139.
9. Мануков М. М., Джамалутдинов А. А. Правовой статус адвоката // Государство и право в XXI веке. 2020. № 3. С. 34.
10. Максимов Н. О. адвокатская деятельность в уголовном процессе // Трибуна ученого. 2022. № 2. С. 138.
11. Иконникова М. М. К вопросу о процессуальном статусе адвоката в уголовном судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–15. С. 55.
12. Колотов, С. А. Особенности процессуального статуса адвоката как субъекта доказывания в уголовном процессе // Моя профессиональная карьера. — 2023. — № Т. 1, № 47. — С. 191.

Искусственный интеллект как субъект преступления

Попова Надежда Сергеевна, слушатель магистратуры
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

В статье автор исследует проблемные вопросы о признании искусственного интеллекта субъектом преступления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект преступления, автономные системы.

Одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в современной уголовно-правовой науке является квалификация деяний, где орудием или инструментом выступает искусственный интеллект.

Понятие «искусственный интеллект» является достаточно новым, причем не только для права, но и для других наук. Понимается оно, соответственно, без должного единообразия, что в совокупности с новизной явления приводит к дискуссионности попыток определить правовую природу самообучаемых систем. [2, с.43]

П. М. Морхат формулирует определение искусственного интеллекта с учетом автономности, носителя, способностей и возможностей. По его мнению — это «полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система (юнит), наделенная/обладающая определенным автором перечнем возможностей и способностей». [3, с.69]

Согласно статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, к уголовной ответственности может быть привлечено только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. [1]

Искусственный интеллект, будучи программно-аппаратным комплексом, не обладает сознанием, психикой и не является физическим лицом. Следовательно, с точки зрения действующего УК РФ, искусственный интеллект не может быть признан субъектом преступления.

Доктрина уголовного права исходит из того, что субъектом преступления может быть только человек, обладающий сознанием и волей. Искусственный интеллект, даже самый автономный, с юридической точки зрения рассматривается как орудие, средство совершения преступления.

Для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие вины — умысла или неосторожности.

— Умысел (прямой или косвенный) предполагает осознание общественной опасности своих действий и желание (или сознательное допущение) наступления последствий.

У искусственного интеллекта отсутствует психика, поэтому он не способен «осознавать» или «желать».

— Неосторожность (легкомыслие или небрежность) также требует наличия психических процессов — предвидения возможности наступления последствий или обязанности их предвидеть.

Техническая природа искусственного интеллекта исключает возможность говорить о неосторожности в уголовно-правовом смысле.

Главная сложность заключается в установлении причинно-следственной связи и вины конкретного лица, когда вред причинён действием автономной системы. Здесь необходимо ответить на ряд вопросов:

— Кто является субъектом преступления: разработчик искусственного интеллекта, пользователь, который его запустил, владелец системы или оператор, который должен был её контролировать?

— Как квалифицировать действия, если вредоносный результат стал следствием не прямого приказа человека, а самостоятельного решения алгоритма, основанного на искажённых злоумышленником данных?

— Как доказывать умысел, если лицо лишь создало или использовало искусственный интеллект, а конкретный преступный результат наступил в результате непредсказуемого поведения системы?

Рассмотрим примеры проблемных ситуаций:

1. «Отравление данных». Злоумышленник на этапе обучения внедряет в выборку ложные данные. Вред проявляется не сразу, а спустя время, когда система начинает работать некорректно (например, система управления на производстве допускает аварию). Квалификация осложнена разрывом во времени между действием (внедрением данных) и наступлением последствий.

2. Дипфейки и мошенничество. Использование искусственного интеллекта для создания поддельных аудио- и видеозаписей с целью хищения средств или шантажа. Проблема возникает при разграничении составов: квалифицировать ли это как обычное мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) или создавать специальный состав?

3. Атаки на критическую инфраструктуру. Использование искусственного интеллекта для организации сложных, адаптивных кибератак на энергетические, транспортные или финансовые системы. Здесь возникает вопрос о применении специальных норм, например, ст. 274.1 УК РФ (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру), и учёте масштабов последствий.

Правоприменительная практика и доктрина ищут выход в следующих направлениях:

— Установление ответственности человека.

Субъектом преступления всегда признаётся человек. Ответственность должна дифференцироваться: разработчик отвечает за умышленное создание опасной си-

стемы или игнорирование известных уязвимостей; пользователь — за умышленное использование искусственного интеллекта в преступных целях.

— Совершенствование законодательства.

Обсуждается необходимость введения специальных квалифицирующих признаков в существующие составы преступлений («с использованием технологий искусственного интеллекта») или даже разработки новых статей УК РФ.

— Технологические меры.

Введение обязательного протоколирования (логирования) действий автономных систем, особенно в критически важных сферах, для обеспечения возможности ретроспективного анализа и доказывания.

Если теоретически наделить искусственный интеллект статусом субъекта преступления, возникает неразрешимый вопрос о наказании. Уголовное право предусматривает санкции, применимые к человеку: штраф, обязательные работы, лишение свободы. Невозможно оштрафовать алгоритм, назначить ему работы или изолировать его от общества в исправительном учреждении. Сама суть уголовного преследования в таком случае теряет смысл.

Таким образом, проблема квалификации преступлений с искусственным интеллектом требует не только юридического, но и междисциплинарного подхода с участием технических специалистов для адекватного ответа на вызовы цифровой эпохи.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 04 августа 2026 г. № 300-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Камышанский, В. П. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта / В. П. Камышанский, А. В. Корецкий. — Текст: непосредственный // Власть и закон. — 2019. — № 1 (37). — С. 43.
3. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография / П. М. Морхат. — М. — 2017. — С.69. — Текст: непосредственный.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова, И. М. Тяжкова. -: Статут, 2012. — С.54. — Текст: непосредственный.

Правовой статус работодателя и уполномоченных органов как участников взаимодействия при расследовании несчастных случаев на производстве

Поськина Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ерохина Татьяна Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается правовой статус работодателя, государственной инспекции труда, профсоюзных органов и страховщика как участников взаимодействия при расследовании несчастных случаев на производстве. Методологическую основу исследования составляют диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы, а также метод научного синтеза. На основе анализа норм Трудового кодекса Российской Федерации, федеральных законов и материалов правоприменительной практики выявлены особенности правового положения каждого из указанных субъектов, охарактеризован характер их взаимодействия, а также обозначены проблемные аспекты, требующие совершенствования правового регулирования. Особое внимание уделено противоречивости правового статуса работодателя, совмещающего функции организатора расследования и потенциального субъекта ответственности, а также проблеме роста числа сокрытых несчастных случаев на производстве. Результатом исследования стал вывод о необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования, развития механизмов межведомственного взаимодействия и повышения квалификации должностных лиц, участвующих в расследовании несчастных случаев на производстве.

Ключевые слова: охрана труда, расследование несчастных случаев, работодатель, государственная инспекция труда, профессиональные союзы, страховщик, правовой статус, взаимодействие, сокрытие несчастных случаев.

Работодатель является центральной фигурой в процессе расследования несчастных случаев на производстве. В сфере расследования производственных несчастных случаев ключевую роль играет работодатель,

поскольку именно на него законом возложена ответственность за создание и поддержание безопасных условий труда. Правовой статус работодателя в данном контексте характеризуется, прежде всего наличием широкого круга

обязанностей, связанных с организацией расследования и обеспечением его надлежащего проведения.

Обязанности работодателя при несчастном случае закреплены в статье 228 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) и включают в себя как неотложные мероприятия, направленные на оказание помощи пострадавшему и предотвращение дальнейших травмирующих воздействий, так и процедурные действия по организации расследования, извещению соответствующих органов и оформлению материалов. В соответствии с указанной статьёй при несчастных случаях, указанных в статье 227 ТК РФ, работодатель (его представитель) обязан: немедленно организовать первую помощь пострадавшему и при необходимости доставку его в медицинскую организацию; принять неотложные меры по предотвращению развития аварийной или иной чрезвычайной ситуации и воздействия травмирующих факторов на других лиц; сохранить до начала расследования несчастного случая обстановку, какой она была на момент происшествия, если это не угрожает жизни и здоровью других лиц и не ведёт к катастрофе, аварии или возникновению иных чрезвычайных обстоятельств; в установленный Кодексом срок проинформировать о несчастном случае органы и организации, указанные в Кодексе, других федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, а о тяжёлом несчастном случае или несчастном случае со смертельным исходом — также родственников пострадавшего; принять иные необходимые меры по организации и обеспечению надлежащего и своевременного расследования несчастного случая и оформлению материалов расследования [1].

Важно подчеркнуть, что указанные обязанности носят императивный характер и не могут быть изменены или отменены по усмотрению работодателя. Более того, неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных обязанностей влечёт за собой применение мер юридической ответственности, включая административную ответственность по статье 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [2], а в отдельных случаях — и уголовную ответственность по статье 143 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Нарушение требований охраны труда» [3].

Помимо обязанностей, работодатель наделён и определёнными правами в процессе расследования. Он вправе участвовать в формировании комиссии по расследованию, выдвигать своих представителей в её состав, представлять доказательства и давать объяснения по обстоятельствам несчастного случая, знакомиться с материалами расследования, обжаловать решения комиссии и государственного инспектора труда в установленном порядке. В соответствии со статьёй 231 ТК РФ разногласия по вопросам расследования, оформления и учёта несчастных случаев, непризнания работодателем (его представителем) несчастного случая на производстве, отказа в его расследовании и составлении соответствующего акта, несогласия

пострадавшего (его законного представителя или иного доверенного лица), лица, состоявшего на иждивении погибшего в результате несчастного случая, либо лица, состоявшего с ним в близком родстве или свойстве, с выводами комиссии по расследованию несчастного случая рассматриваются государственной инспекцией труда или судом.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, права работодателя в процессе расследования в значительной степени ограничены, поскольку он одновременно является и субъектом, ответственным за организацию расследования, и потенциальным субъектом ответственности за допущенные нарушения требований охраны труда, что создаёт определённый конфликт интересов [4, с. 312].

Особое значение имеет обязанность работодателя по формированию комиссии по расследованию несчастного случая. В соответствии со статьёй 229 ТК РФ для расследования несчастного случая работодатель (его представитель) незамедлительно образует комиссию в составе не менее трёх человек. В состав комиссии включаются специалист по охране труда или лицо, назначенное ответственным за организацию работы по охране труда приказом (распоряжением) работодателя, представители работодателя, представители выборного органа первичной профсоюзной организации или иного уполномоченного представительного органа работников (при наличии такого представительного органа), уполномоченный по охране труда (при наличии). Комиссию возглавляет работодатель (его представитель), а в случаях, предусмотренных ТК РФ, — должностное лицо соответствующего федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный контроль (надзор) в установленной сфере деятельности.

Состав комиссии зависит от категории несчастного случая: при лёгких несчастных случаях комиссия формируется работодателем самостоятельно с включением в неё специалиста по охране труда и представителей работников; при тяжёлых, смертельных и групповых несчастных случаях в состав комиссии в обязательном порядке включаются государственный инспектор труда, представители органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, представитель территориального объединения организаций профсоюзов. При расследовании несчастного случая у работодателя — физического лица в состав комиссии включается также представитель страховщика. По требованию комиссии в необходимых для проведения расследования случаях работодатель за счёт собственных средств обеспечивает выполнение технических расчётов, проведение лабораторных исследований, испытаний, других экспертных работ и привлечение в этих целях специалистов-экспертов.

В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно роли работодателя в процессе расследования. Одни авторы полагают, что возложение на

работодателя обязанности по организации расследования является оправданным, поскольку именно работодатель обладает наиболее полной информацией об условиях труда и обстоятельствах происшествия. Другие исследователи, напротив, указывают на определённую противоречивость правового положения работодателя, который, будучи заинтересованным в исходе расследования, одновременно наделён полномочиями по его организации, что может создавать предпосылки для необъективности и сокрытия недостатков в организации охраны труда [5, с. 405]. В подтверждение данной позиции можно сослаться на статистические данные, свидетельствующие о том, что с 2020 г. в России почти втрое выросло число сокрытых несчастных случаев на производстве. Данный факт, безусловно, свидетельствует о наличии серьёзных проблем в организации расследования и контроле за его проведением, что требует усиления надзорных функций уполномоченных органов и повышения ответственности работодателей за нарушение установленного порядка.

Государственная инспекция труда (далее — ГИТ) является ключевым уполномоченным органом, осуществляющим государственный надзор за соблюдением установленного порядка расследования несчастных случаев на производстве. Государственная инспекция труда является единственным органом, осуществляющим государственный надзор за расследованием производственных травм и гибели людей на рабочих местах. Правовой статус государственной инспекции труда в данной сфере определяется прежде всего положениями ТК РФ и Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [6].

Федеральная инспекция труда, как гласит статья 356 ТК РФ, кроме контроля и надзора, уполномочена и на расследование несчастных случаев на производстве, и на разработку предложений по профилактике нарушений трудового законодательства. В соответствии со статьёй 357 ТК РФ государственные инспекторы труда при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, имеют право: в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, беспрепятственно в любое время суток при наличии удостоверений установленного образца посещать в целях проведения контрольных (надзорных) мероприятий организации всех организационно-правовых форм и форм собственности, работодателей — физических лиц; запрашивать у работодателей и их представителей, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, иных организаций и безвозмездно получать от них документы, включая материалы фотосъёмки, аудио- и видеозаписи, информационные базы, банки данных и иные носители информации, объяснения, информацию, необходимые

для выполнения надзорных и контрольных функций; изымать для анализа образцы используемых или обрабатываемых материалов и веществ в установленном порядке; расследовать в установленном порядке несчастные случаи на производстве; предъявлять работодателям и их представителям обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Положения статьи 229.3 ТК РФ наделяют государственного инспектора труда правом проводить дополнительное расследование несчастного случая в случаях поступления жалобы, заявления, иного обращения пострадавшего (его законного представителя или иного доверенного лица), лица, состоявшего на иждивении погибшего, либо лица, состоявшего с ним в близком родстве или свойстве, о несогласии их с выводами комиссии по расследованию несчастного случая, а также при получении сведений, объективно свидетельствующих о нарушении порядка расследования. Дополнительное расследование проводится в отношении несчастных случаев, расследованных не ранее чем за пять лет до дня наступления указанных обстоятельств.

Особую роль играет полномочие государственного инспектора труда по проведению самостоятельного расследования при выявлении сокрытого несчастного случая. При выявлении несчастного случая, в том числе страхового случая, о котором работодателем не было сообщено в соответствующую государственную инспекцию труда и (или) исполнительный орган страховщика в сроки, установленные статьёй 228.1 ТК РФ и подпунктом 6 пункта 2 статьи 17 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», государственный инспектор труда соответствующей государственной инспекции труда проводит расследование самостоятельно в соответствии с требованиями статьи 229.3 Кодекса с привлечением профсоюзного инспектора труда и представителя исполнительного органа страховщика по месту регистрации работодателя в качестве страхователя по согласованию с руководителем органа, организации, представителем которого является привлекаемое лицо [7].

Государственный инспектор труда имеет право обязать работодателя (его представителя) составить новый акт о несчастном случае на производстве, если имеющийся акт оформлен с нарушениями или не соответствует материалам расследования несчастного случая. В этом случае прежний акт о несчастном случае на производстве признаётся утратившим силу на основании решения работодателя (его представителя) или государственного инспектора труда. По результатам дополнительного расследования государственный инспектор труда составляет заключение о несчастном случае на производстве и выдаёт предписание, обязательное для выполнения работодателем (его представителем).

Правовой статус государственного инспектора труда характеризуется наличием властных полномочий, позволяющих ему осуществлять эффективный надзор за соблюдением установленного порядка расследования и принимать меры по устранению выявленных нарушений. Решения государственных инспекторов труда могут быть обжалованы в суд. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, существуют определённые проблемы в реализации указанных полномочий, связанные с недостаточной численностью государственных инспекторов труда, высокой нагрузкой на них, а также с ограниченными возможностями по проведению внеплановых проверок в условиях действующих мораториев [8, с. 178].

Профсоюзные органы также являются важными участниками взаимодействия при расследовании несчастных случаев на производстве. В соответствии со статьёй 229 ТК РФ в состав комиссии по расследованию несчастного случая включается представитель выборного органа первичной профсоюзной организации или иного представительного органа работников (при их наличии). При расследовании тяжёлых, смертельных и групповых несчастных случаев в состав комиссии включается представитель территориального объединения организаций профсоюзов. Кроме того, в соответствии со статьёй 229.3 ТК РФ дополнительное расследование, проводимое государственным инспектором труда, осуществляется с привлечением профсоюзного инспектора труда.

Согласно разъяснениям Государственной инспекции труда, участие представителей профсоюзов в расследовании несчастных случаев на производстве обязательно и не зависит от наличия профсоюзной организации на предприятии и от того, является ли пострадавший членом профсоюза. Отсутствие представителя профсоюза в составе комиссии, которая расследует произошедшее, может служить основанием для признания её решения недействительным.

Правовой статус профсоюзных органов в процессе расследования заключается в защите прав и законных интересов работников, обеспечении объективности расследования и недопущении ущемления прав пострадавших. Профсоюзные инспекторы труда наделены правом участвовать в расследовании несчастных случаев, знакомиться с материалами расследования, давать заключения по вопросам, возникающим в ходе расследования, а также обжаловать решения комиссии в установленном порядке. В соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» профсоюзы вправе участвовать в формировании государственных программ по вопросам охраны труда и окружающей среды, осуществлять профсоюзный контроль за состоянием охраны труда через свои органы, а также создавать собственные инспекции по охране труда [9].

По данным ФНПР, в 2024 г. техническая инспекция труда профсоюзов провела около 15 000 самостоятельных проверок и более 6 000 совместных с государственными органами, что подтверждает рост эффективности кон-

троля — увеличение на 53 % выявленных нарушений (свыше 52 000) [10].

Страховщик (Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации — Социальный фонд России, далее — СФР) также является участником взаимодействия при расследовании несчастных случаев на производстве, особенно в случаях, когда несчастный случай признаётся страховым. В соответствии с Федеральным законом № 125-ФЗ страхователь обязан в течение суток со дня наступления страхового случая сообщать о нём страховщику. При расследовании тяжёлых, смертельных и групповых несчастных случаев у работодателя — физического лица в состав комиссии включается представитель страховщика. При дополнительном расследовании, проводимом государственным инспектором труда, также привлекается представитель исполнительного органа страховщика по месту регистрации работодателя в качестве страхователя.

Роль страховщика в процессе расследования заключается прежде всего в подтверждении страхового характера несчастного случая и определении размера страхового обеспечения, подлежащего выплате пострадавшему или его иждивенцам. С 2024 г. Социальным фондом России регламентировано проведение экспертизы проверки наступления страхового случая по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [11].

Взаимодействие указанных субъектов в процессе расследования строится на основе принципов законности, объективности, всесторонности и полноты исследования обстоятельств несчастного случая. Частью пятой статьи 229.2 ТК РФ предусмотрено, что на основании собранных материалов расследования комиссия устанавливает обстоятельства и причины несчастного случая, определяет, были ли действия (бездействие) пострадавшего в момент несчастного случая обусловлены трудовыми отношениями с работодателем либо участием в его производственной деятельности, квалифицирует несчастный случай как несчастный случай на производстве или как несчастный случай, не связанный с производством.

Вместе с тем, как показывает анализ правоприменительной практики и научной литературы, существующая модель взаимодействия не лишена недостатков. В частности, отмечается недостаточная координация действий различных органов, дублирование функций, отсутствие чёткого разграничения компетенции, что в ряде случаев приводит к затягиванию сроков расследования и снижению его эффективности [12, с. 521].

Особого внимания заслуживает проблема разногласий между участниками расследования. В соответствии со статьёй 231 ТК РФ разногласия по вопросам расследования, оформления и учёта несчастных случаев на производстве рассматриваются государственной инспекцией труда или судом. Пункт 24 Положения, утверждённого приказом Минтруда России от 20 апреля 2022 г. № 223н, устанавливает, что в случаях разногласий, возникших между членами комиссии в ходе расследования

несчастного случая (о его причинах, лицах, виновных в допущенных нарушениях, учёте, квалификации и др.), решение принимается большинством голосов членов комиссии [13]. При этом члены комиссии, не согласные с принятым решением, подписывают акты о расследовании с изложением своего аргументированного особого мнения, которое приобщается к материалам расследования. Особое мнение членов комиссии рассматривается руководителями организаций, направивших их для участия в расследовании, которые с учётом рассмотрения материалов расследования принимают решение о целесообразности обжалования выводов комиссии в порядке, установленном статьёй 231 ТК РФ.

Отдельного внимания заслуживает проблема сокрытия несчастных случаев. Как уже отмечалось, статистические данные свидетельствуют о почти троекратном росте выявленных сокрытых несчастных случаев за период с 2020 по 2024 г. Данная тенденция свидетельствует о том, что действующие механизмы контроля недостаточно эффективны, а ответственность работодателей за сокрытие несчастных случаев не является сдерживающим фактором. В связи с этим особое значение приобретает усиление надзорной функции государственной инспекции труда, а также повышение роли профсоюзного контроля, который, как показывает практика, является важным барьером на пути сокрытия производственного травматизма.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России: учебник. М.: Проспект, 2003. С. 312
5. Куренной А. М. Трудовое право России: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2018. С. 405.
6. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
7. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.
8. Петров А. Я. Охрана труда: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 178.
9. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
10. Рост производственного травматизма: Техинспекция труда профсоюзов бьёт тревогу // Федерация независимых профсоюзов России: офиц. сайт. 2025. 7 апр. URL: <http://fporen.ru> (дата обращения: 15.09.2026).
11. Производственный травматизм // Социальный фонд России: офиц. сайт. URL: <https://sfr.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2026).
12. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: в 2 т. М.: Статут, 2019. Т. 2. С. 521.
13. Приказ Минтруда России от 20 апреля 2022 г. № 223н «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2026).

Правовые основы деятельности прокуратуры в реализации национальной цели развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»

Прибытько Наталья Сергеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Государственная политика Российской Федерации на современном этапе смещает упор на сохранение народа и повышение качества жизни граждан. Государство

берёт на себя обязательства по поддержке граждан: гарантирует минимальный размер оплаты труда, пенсии, пособия, развивает систему социальных служб. Это создаёт

условия для достойной жизни и снижает социальное напряжение.

Стратегическим документом, определяющим направление развития страны на долгосрочную перспективу, является Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу период до 2036 года». Одной из ключевых национальных целей в нем определено «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», установлены целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение названной национальной цели.

Достижение данной цели невозможно без обеспечения неукоснительного соблюдения законов во всех сферах, затрагивающих жизнь и здоровье граждан. В этой системе координат прокуратура Российской Федерации выступает не просто как карательный или надзорный орган, а как важнейший институт защиты публичных интересов и прав человека.

Для того, чтобы углубиться в проблематику данной темы, считаем необходимым комплексно проанализировать правовую базу, регламентирующую деятельность прокуратуры по реализации указанной национальной цели, изучив конституционные основы, отраслевое законодательство, подзаконные акты, а также оценив современные доктринальные подходы к этой проблеме.

Система нормативного регулирования образуется взаимосвязанными документами, обладающими различной юридической силой и пределами действия, при этом непременно согласованными, при этом акт нижестоящего уровня не может противоречить акту вышестоящего уровня.

Конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры (Конституция Российской Федерации)

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., являясь основным законом государства, является и фундаментом всей деятельности прокуратуры. Именно ею заданы ценностные ориентиры, подлежащие защите прокуратурой.

Во-первых, статья 7 Конституции РФ провозгласила Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Эта норма, имея прямое действие, обязывает все государственные органы защищать граждан, а прокуратуру — защищать социально уязвимые категории граждан.

Специфика национальной цели, связанной с сохранением населения и поддержкой семьи, напрямую вытекает из положений Конституции.

Во-вторых, статья 38 Конституции, а именно часть 1, устанавливает, что материнство и детство, семья на-

ходятся под защитой государства. Эта норма предписывает прокуратуре особо внимательно относиться к соблюдению семейного законодательства, прав детей-сирот, многодетных семей, а также к пресечению нарушений прав в этой сфере.

В-третьих, статья 41 Конституции гарантирует каждому право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Реализация этого права требует от прокуратуры надзора за доступностью и качеством медицинских услуг, своевременным финансированием здравоохранения и соблюдением прав пациентов.

Вместе с этим, статья 129 Конституции определяет прокуратуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов. Конституционный статус прокуратуры как независимого института, установленный и наделенный полномочиями федеральным законодательством, позволяет ей противодействовать бюрократизму при реализации социальных программ на региональном и муниципальном уровнях.

Конституционные нормы имеют прямое действие, как об этом указано в ст. 15 Конституции. В связи с этим прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, обязана пресекать любые правонарушения, ущемляющие указанные конституционные ценности, даже если конкретные механизмы защиты не детализированы в отраслевом законодательстве.

Таким образом, Конституция Российской Федерации не только наделяет прокуратуру полномочиями, но и возлагает на нее конституционную обязанность по обеспечению социального благополучия граждан, что напрямую соотносится с национальной целью развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи».

Законодательное регулирование

Базовым законом в деятельности прокуратуры, детализирующим конституционные нормы, является Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ»).

Статья 1 этого Закона определяет задачи прокуратуры: обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. В контексте национальной цели «Сохранение населения и поддержка семьи» эти задачи приобретают конкретное социальное звучание.

Статья 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» регламентирует предмет надзора за исполнением законов. К таким сферам напрямую относятся здравоохранение, социальная защита, образование и охрана труда.

Статья 22 наделяет прокурора правом требовать проведения проверок, выделения специалистов и проведения экспертиз (ключевая норма для сферы здравоохранения).

Статьей 27 ФЗ «О прокуратуре РФ» закреплено право прокурора обратиться в суд для защиты интересов неопределенного круга лиц (например, при нарушении санитарных норм в поликлиниках) или конкретных уязвимых граждан (детей, инвалидов, тяжелобольных), которые в силу возраста или состояния здоровья не могут самостоятельно защитить свои права.

Следует сделать важное замечание о том, что ФЗ «О прокуратуре» сохраняет конструкцию «общего надзора» и не содержит специальных норм о «национальных целях развития» или «национальных проектах» как таковых. Это создает правовой пробел: стратегические задачи государства не имеют прямой процессуальной привязки в отраслевом законе о прокуратуре.

Общими отраслевыми законами, неразрывно связанными с деятельностью прокуратуры в указанной сфере, также являются:

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этот закон закрепляет приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, доступность и качество медпомощи, недопустимость отказа в ее оказании, гарантирует право на бесплатную медицинскую помощь, устанавливает гарантии бесплатного обеспечения лекарствами отдельных категорий граждан.

Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Указанный закон конкретизирует конституционные нормы о защите детства и напрямую работает на национальную цель «Поддержка семьи» и «Сохранение населения» через снижение детской смертности и защиту уязвимых категорий. Закрепляет государственные гарантии прав ребенка: право на бесплатную медицинскую помощь, диспансерное наблюдение, лечение в условиях стационара и санаторно-курортное оздоровление, защиту прав детей-сирот.

Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Данный закон формирует экономический фундамент национальной цели «Повышение благополучия людей и поддержка семьи», устанавливая систему материальной поддержки, закрепляет виды пособий.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что данные законы в совокупности детальней определяют прокурорский надзор в социальной сфере: 323-ФЗ обеспечивает физическое здоровье населения, 124-ФЗ гарантирует правовую защиту наиболее уязвимой его части (детей), а 81-ФЗ создает экономические условия для поддержки семьи.

Подзаконные акты Генеральной прокуратуры РФ

Восполняя пробелы ФЗ «О прокуратуре», именно ведомственные акты Генпрокуратуры конкретизируют деятельность по реализации национальной цели.

Ключевым ведомственным актом является Приказ Генерального прокурора РФ от 14.03.2019 № 192 «Об орга-

низации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» (с изменениями и дополнениями, в ред. от 28.10.2025 г.). Это центральный документ, который прямо обязывает прокуроров осуществлять надзор за реализацией нацпроектов «Здравоохранение» и «Демография». Приказ устанавливает необходимость межведомственного взаимодействия с Росздравнадзором, Роспотребнадзором и органами соцзащиты, а также требует регулярного анализа статистики нарушений в этих сферах.

Приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». Документ детализирует приоритетные сферы вмешательства прокуратуры: охрану здоровья и жизни детей, безопасность и защиту от деструктивного влияния, образование, воспитание и досуг, социальную защиту, жилищные и имущественные права, профилактику безнадзорности и правонарушений, устанавливает организационно-управленческие механизмы.

Приказ № 744 ориентирует прокуратуру на достижение реального, а не формального обеспечения прав и благополучия несовершеннолетних в Российской Федерации.

Особое внимание заслуживает Указание Генерального прокурора РФ от 19.12.2024 № 938/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением законов о государственной поддержке семей, имеющих детей». Этот документ прямо связан с национальной целью поддержки семьи и предписывает прокурорам всех уровней организовать комплексный надзор за исполнением законодательства о государственной поддержке семей с детьми. Прокурорам поручается: организовать комплексный надзор, при этом особое внимание нужно уделять защите прав малообеспеченных семей, многодетных, а также семей участников СВО и ветеранов боевых действий, наладить оперативный мониторинг: собирать и анализировать информацию из разных источников, проверять нормативные акты, анализировать региональные и муниципальные программы, контролировать целевое использование бюджетных средств, проводить постоянные проверки, уделить особое внимание праву на образование, в том числе для детей из социально уязвимых категорий, детей участников СВО, а также для детей старше 18 лет (ставших инвалидами до 18 лет) или до 23 лет (если они учатся очно), отдельно усилить надзор за исполнением законов о мерах социальной поддержки именно многодетных семей. сосредоточить усилия на судебной защите семей с детьми, включая семьи участников СВО, систематически изучать, насколько эффективны принимаемые регионами меры по улучшению жилищных условий многодетных семей.

Широкое обсуждение в обществе получил проект приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 169974 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов и осуществлении иных полномочий прокурора при реализации национальных проектов»

(опубликован 5 августа 2026 года на Официальном сайте для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения). Проект фактически формирует новую организационную модель контроля за реализацией национальных проектов.

Хоть указанный приказ сегодня находится на стадии проведения антикоррупционной экспертизы и не введен в действие, сущность постоянно изменяющихся общественных отношений такова, что необходимость в подобного рода нормативном акте, на наш взгляд, назрела давно.

Доктрина

Анализ современной юридической доктрины позволяет выявить ряд нерешенных проблем и дискуссионных вопросов, касающихся правовых основ деятельности прокуратуры в сфере реализации цели развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи».

Немало посвящено работ выдающихся деятелей юридической науки по изучению данной темы, а также выявлению существующей проблематики.

Национальные цели (например, снижение смертности, повышение рождаемости, обеспечение доступностью медпомощи) ориентированы на *результат* (эффективность). Однако классическая доктрина прокурорского надзора ограничена проверкой *законности* (соблюдения процедур и норм права). В науке идет острая дискуссия: имеет ли право прокурор требовать от органов власти не просто соблюдения закона, а достижения конкретных социально-демографических показателей, и не подменяет ли это функции исполнительной власти?

Как заметил Добрецов Д. Г. «определение предмета надзора требует разграничения законности и целесообразности. Предмет надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов целесообразно определять как исполнение федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации участниками соответствующих правоотношений, а также соответствие закону издаваемых ими правовых актов» [13].

С ним соглашается Горюшкин В. С.: «Такой подход позволяет отграничить надзор от оценки управленческой эффективности: прокурор проверяет исполнение закона, а не хозяйственную целесообразность принимаемых решений и не достижение целевых показателей. Такое разграничение принципиально — его несоблюдение ведёт к подмене ведомственного контроля и выходу прокурора за пределы предоставленных полномочий» [12].

Горюшкин В. С. также считает целесообразным «конкретизировать в приказе Генерального прокурора Российской Федерации № 192 полномочия прокуроров на подготовительном, основном и завершающем этапах реализации проектов, что обеспечит системность сопровождения» [12].

Борисенко Е. А. в своей работе выявила, что учеными предлагается трансформировать предмет надзора за исполнением законов путем законодательного выделения в его структуре такого элемента, как надзорное сопровождение исполнения законов по некоторым направлениям (реализация национальных проектов), либо признать сопровождение самостоятельным новым направлением деятельности прокуратуры наряду с прокурорским надзором [11].

Главная проблема доктрины на сегодняшний день заключается в методологическом разрыве: с одной стороны, государство ставит перед прокуратурой стратегические, результативные задачи, а с другой стороны, классическая теория прокурорского надзора по-прежнему базируется на формально-юридических процедурах, не всегда применимых к сложным, междисциплинарным сферам медицины и социальной защиты

Справедливо отмечает Рябова П. А. «в настоящее время специальная методика проведения прокурорских проверок исполнения законодательства при реализации национальных проектов, содержащая доктринально обоснованные рекомендации по организации, подготовке и производству проверочных мероприятий в целях выявления нарушений исполнения законов, их устранения и профилактики, отсутствует, что негативно отражается на эффективности прокурорского надзора рассматриваемого направления» [14].

Статистика прокурорского надзора измеряется количеством внесенных представлений и протестов. Однако эти цифры не отражают реального вклада в достижение национальной цели (например, снижение смертности или рост рождаемости). Доктрина пока не выработала критериев «социальной эффективности» прокурорского надзора.

Труды ученых-юристов и практические предложения могут и должны помочь в устранении препятствий в реализации деятельности прокуратуры в указанной сфере. Исследования в данной теме продолжаются.

Заключение

Роль прокуратуры в достижении национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» носит обеспечительный характер: орган не реализует цель напрямую что является функцией исполнительной власти, а обеспечивает законность в сферах, от которых зависит ее достижение.

Таким образом, правовые основы деятельности прокуратуры по реализации национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» строятся на сочетании конституционных норм, общего надзорного законодательства (ФЗ № 2202–1 «О прокуратуре РФ») и детализирующих ведомственных актов Генпрокуратуры (в первую очередь, Приказа № 192 от 14.03.2019 «Об организации

прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов»).

Перспективным направлением является законодательная привязка прокурорских полномочий к национальным проектам, внося соответствующие дополнения в перечень задач прокуратуры (ст. ФЗ «О прокуратуре»), разработка четких методик оценки социального эффекта

прокурорского вмешательства, разграничив полномочия прокуратуры и профильных ведомств (Минздрав, органы соцзащиты), закрепив их в организационно-распорядительных документах Генеральной Прокуратуры РФ путем издания соответствующих инструкций и указаний, разработки типовых форм для принятия решений и актов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 04 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 04 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 04 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 04 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 03.02.2025
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 25.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 22.11.2011; Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 25.04.2026.
4. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3802; Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 20.02.2026.
5. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 21. — Ст. 1929; Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 23.07.2025.
6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.
7. Приказ Генерального прокурора РФ от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» (ред. от 28.10.2025). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
9. Указание Генерального прокурора РФ от 19.12.2024 № 938/7 «Об активизации прокурорского надзора за исполнением законов о государственной поддержке семей, имеющих детей». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
10. Проект приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 169974 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов и осуществлении иных полномочий прокурора при реализации национальных проектов» // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения <http://regulation.gov.ru>. 05.08.2026.
11. Борисенко Е. А. Деятельность прокуратуры по надзору за исполнением законов при реализации проектов // Искусство правоведения. — 2024. — № 3. — С. 35–34.
12. Горюшкин, В. С. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов / В. С. Горюшкин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 29 (632). — С. 88–92. — URL: <https://moluch.ru/archive/632/139190>.
13. Добрецов Д. Г. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 5 (91). — С. 33–37.
14. Рябова П. А. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Демография» // Интерактивная наука. — 2023. — № 2 (78).

Предварительное следствие как основная форма досудебного производства по уголовным делам

Прохина Алёна Сергеевна, студент магистратуры

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена предварительному следствию как главной форме расследования в отечественном уголовном процессе. Рассматриваются понятие и границы этой стадии, круг её субъектов, правила определения подследственности, сроки и порядок их продления, итоговые решения следователя, а также отличия следствия от дознания. Отдельно анализируются проблемы продления сроков и процессуальной самостоятельности следователя.

Ключевые слова: предварительное следствие, предварительное расследование, дознание, УПК РФ, следователь, обвинительное заключение, подследственность, сроки следствия.

Досудебное производство в российском уголовном процессе складывается из двух идущих друг за другом стадий: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Основная работа по делу разворачивается именно на второй стадии: здесь исследуются обстоятельства содеянного, формируется доказательственная база и решается вопрос о судьбе дела — либо оно уходит в суд с обвинительным заключением, либо производство по нему прекращается [1].

УПК РФ закрепляет две формы расследования — предварительное следствие и дознание (ст. 150 УПК РФ), причём дознание может осуществляться как в обычном, так и в сокращённом порядке. Следствие представляет собой основную и наиболее полную из этих форм: оно обязательно по всем уголовным делам, за исключением тех, что отнесены к ведению органов дознания (ч. 2 ст. 150 УПК РФ) [2; 3].

Под предварительным следствием понимается самостоятельная досудебная стадия, в рамках которой следователь выясняет наличие либо отсутствие фактических и юридических оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого и последующего направления материалов в суд [4].

Начало следствия связывается с днём вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Следователь принимает дело к своему производству — отметка об этом вносится в то же постановление либо оформляется отдельным актом — и лишь после этого вправе проводить следственные и иные процессуальные действия (ст. 156 УПК РФ). Завершается стадия одним из решений, названных в ст. 158 УПК РФ: направлением прокурору дела с обвинительным заключением, прекращением производства либо передачей материалов в суд для применения принудительных мер медицинского характера [1].

Вне зависимости от избранной формы расследование подчиняется единым общим условиям, установленным законом:

1. дело закреплено за конкретным органом по правилам подследственности;
2. допускаются соединение и выделение уголовных дел;
3. определены сроки производства и порядок их продления;
4. ходатайства участников процесса подлежат обязательному рассмотрению;
5. предусмотрены меры попечения о детях и об имуществе задержанного лица, а также запрет разглашения данных следствия [1].

Предварительное следствие осуществляют следователи Следственного комитета Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел (ст. 151 УПК РФ). Если дело отличается большим объёмом или особой сложностью, расследование может быть поручено следственной группе (ст. 163 УПК РФ) [2; 3].

Разграничение подследственности между следствием и дознанием проводится по составам преступлений. Для тяжких и особо тяжких деяний, а также составов, перечисленных в ч. 2 ст. 151 УПК РФ, следствие обязательно; дознание же охватывает преступления небольшой и средней тяжести, поименованные в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Усложнение формы допустимо по письменному указанию прокурора: дело, подследственное органу дознания, может быть передано следователю (ч. 4 ст. 150 УПК РФ). Обратный переход к упрощённой процедуре там, где закон требует следствия, невозможен [2].

Если орган дознания обнаружит признаки преступления, по которому обязательно предварительное следствие, он вправе возбудить дело и выполнить неотложные следственные действия, после чего не позднее десяти суток передать материалы следователю по подследственности (ст. 157 УПК РФ). Такой механизм позволяет на раннем этапе оперативно закрепить следы преступления, когда промедление создаёт риск их утраты [1; 4].

Срок следствия определён ст. 162 УПК РФ: по общему правилу он не может превышать двух месяцев со дня возбуждения дела. Выстраивается следующая иерархия продления [5]:

6. до трёх месяцев — руководителем соответствующего следственного органа; по делам о лицах, заключённых под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), — руководителем следственного органа по субъекту РФ и его заместителями;

7. до двенадцати месяцев — руководителем следственного органа по субъекту РФ и его заместителями по делам, расследование которых представляет особую сложность;

8. свыше двенадцати месяцев — только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета РФ, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти и их заместителями.

В срок следствия не включаются время обжалования следователем решения прокурора и период приостановления производства по делу. При возвращении дела для дополнительного следствия руководитель следственного органа вправе определить срок в пределах одного месяца независимо от общей продолжительности расследования. Ходатайство о продлении срока следствия подаёт руководителю не позднее чем за пять суток до истечения срока [5].

На практике вопросы исчисления сроков нередко становятся предметом судебной оценки: если срок продлён до определённой даты, последним днём следствия признаётся предшествующий ей день, а составление обвинительного заключения по истечении срока, не продлённого надлежащим образом, препятствует рассмотрению дела судом.

В ходе следствия следователь собирает, проверяет и оценивает доказательства: допрашивает участников процесса, проводит очные ставки, осмотры, обыски и выемки, назначает экспертизы, привлекает специалистов, предъявляет объекты для опознания, проверяет показания на месте. Закон требует всесторонне установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания. По объёму решаемых задач следствие и дознание не расходятся; их различия носят организационный и процессуальный характер [1].

Центральным процессуальным актом следствия является постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявление обвинения (гл. 23 УПК РФ). С этого момента лицо наделяется полным набором прав обвиняемого, в том числе правом на защитника уже на данной стадии. При дознании статус обвиняемого возникает лишь на завершающем этапе — с составлением обвинительного акта, что сокращает объём процессуальных гарантий на предшествующих этапах [3].

Расследование завершается одним из итоговых решений следователя. При подтверждении обвинения составляется обвинительное заключение и дело направляется прокурору; убедившись в обоснованности выводов следствия, прокурор утверждает заключение и передаёт дело в суд. Прокурор также вправе возвратить дело следователю для дополнительного следствия и устранения выявленных недостатков. Если дело возвращено судом в порядке ст. 237 УПК РФ, на устранение препятствий отводится не более одного месяца [5; 6].

Наряду с направлением дела в суд закон допускает прекращение уголовного дела и уголовного преследования, в том числе с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести (ст. 25.1 УПК РФ) [1].

Основные различия двух форм расследования сведены в таблице 1.

Таблица 1

Критерий	Предварительное следствие	Дознание
Субъект	Следователи СК РФ, ФСБ, МВД	Дознаватели МВД, пограничных органов ФСБ, ФССП, ФПС, таможни и др.
Категория дел	Все дела, кроме подследственных дознанию (ч. 3 ст. 150 УПК РФ)	Преступления небольшой и средней тяжести по перечню ч. 3 ст. 150 УПК РФ
Срок	2 месяца с продлением до 3, 12 месяцев и более	30 суток с продлением прокурором до 30 суток, 6 и 12 месяцев
Порядок продления срока	Руководитель следственного органа	Прокурор
Статус преследуемого лица	Постановление о привлечении в качестве обвиняемого	Статус обвиняемого возникает по окончании дознания
Итоговый документ	Обвинительное заключение	Обвинительный акт (при сокращённой форме — обвинительное постановление)

Основной формой расследования выступает предварительное следствие, поскольку она полнее раскрывает процессуальные возможности досудебного производства и гарантии прав его участников; дознание при этом играет роль ускоренной формы. В исключительной ситуации — когда в течение десяти суток со дня заключения подозреваемого под стражу составить обвинительный акт невозможно — подозреваемому предъявляется обвинение, и дознание продолжается по правилам ч. 3 ст. 224 УПК РФ [2; 3].

Таким образом, предварительное следствие сохраняет статус ключевой формы досудебного производства: именно в нём сосредоточены наиболее полные процессуальные гарантии и основной объём доказательственной работы. Закон выстраивает формы расследования по восходящей — от дознания к следствию — и разрешает движение лишь в сторону усложнения процедуры.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кандакова Ю. А. Формы предварительного расследования: сходства и различия // Вестник науки. — 2024. — № 1.
3. Данилов, А. И. Отличительные черты предварительного следствия и дознания / А. И. Данилов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 84-86. — URL: <https://moluch.ru/archive/289/65531>.
4. Досудебное производство: учебное пособие / Пенз. гос. ун-т, кафедра правосудия. — Пенза, 2021.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, ст. 162 «Срок предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Продление срока следствия «до определённой даты»: входит ли последний день? // Zakon.ru. — 2025.
7. Об особенностях сроков предварительного расследования: разъяснения прокуратуры г. Краснокамска. — 2024.
8. Понятие и общие условия предварительного расследования // Проблемы современного российского права. — 2023.

Лишение родительских прав по основаниям, связанным с насильственными действиями: отечественный и зарубежный опыт

Рекунова Александра Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Милушева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассмотрены законодательные основания лишения родительских прав в связи с применением насилия по отношению к ребенку, выявлены проблемы действующего законодательства в данном направлении. Проанализирован зарубежный опыт, направленный как на предотвращение насилия, так и на борьбу с последствиями. Предложено некоторое расширение определений жестокого обращения как физического, так и психологического.

Ключевые слова: физическое насилие, психологическое насилие, жестокое обращение, лишение родительских прав.

Несовершеннолетние граждане любого государства, в том числе и Российской Федерации, являются наиболее уязвимой категорией. В соответствии с действующей Конституцией РФ материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Помимо защиты со стороны государства каждый ребенок должен воспитываться и оберегаться его родителями [1].

Однако на сегодняшний день существуют ситуации, когда родители не выполняют своих прямых обязанностей, более того — наносят непоправимый вред своим родным детям. В таком случае государство вынуждено прибегнуть к крайней мере для защиты несовершеннолетнего — лишить таких родителей родительских прав в соответствии со ст. 69 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ). Стоит понимать, что лишение родительских прав, согласно статистике, является крайней мерой в целях защиты семейных ценностей. Таким образом, в настоящей статье будет проведен разбор текущей ситуации в стране, анализ законодательства и правоприменительной практики, а также сравнение норм отечественного права и зарубежного законодательства с целью понимания того, насколько защищенной можно считать наиболее уязвимую категорию граждан.

Для изучения статистических данных стоит рассмотреть информацию, предоставленную на официальном

сайте Федеральной службы государственной статистики. Последнее обновление по данному запросу по неизвестным причинам датируется 2018 годом. Согласно сведениям сайта, в 2017 году количество детей, родители которых были лишены прав, приблизилось к 38 000 [8]. Если же мы обратимся к сайту Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, то в 2025 количество детей, оба родителя которых лишены родительских прав, составило 11 005 человек [9]. Безусловно, можно говорить о снижении объема лишения родительских прав. Однако вместе с этим в 2024 году было выявлено 65 000 детей, которые находятся в ситуациях, представляющих угрозу их жизни, здоровью или нормальному развитию [10]. К сожалению, не указаны самые проблемные регионы и конкретные факторы, угрожающие жизни и здоровью. Учитывая современную обстановку, причины могут быть крайне разные.

Отдельного внимания заслуживает ситуация лишения одного или обоих родителей родительских прав за жестокое обращение с детьми, которое может быть как физическим, так и психологическим, а также покушением на половую неприкосновенность, что зачастую сопровождается побоями.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации можно говорить о том, что

жестокое обращение по смыслу п. г, ст. 69 СК РФ может заключаться в физическом или психологическом насилии, покушении на половую неприкосновенность [4]. Однако формулировка является довольно расплывчатой.

Причиной тому является отсутствие в действующем законодательстве четкого определения или перечня действий, являющихся жестоким обращением. Впервые данный термин появился в Кодексе о браке и семье в 1968 году. Тогда жестокое обращение расценивалось как поведение родителя, заключающееся в грубом обращении к ребенку и тем самым приносящее последнему страдания.

Под физическим же насилием необходимо понимать как действие, так и бездействие родителей или иных лиц, последствиями которых выступают физические и умственные нарушения здоровья ребенка либо же угроза его жизни. Результатом такого воздействия могут являться задержки в развитии, агрессия либо же замкнутость, боязнь сближения с другими людьми.

Действующее российское законодательство обладает несколькими видами ответственности за жестокое обращение с детьми, к наиболее часто применяемым стоит отнести ст. 5.35 КоАП; ст. 111, 112, 113, 131, 132, 133 УК РФ.

Что же касается психического насилия, то здесь ситуация обладает более сложным характером, поскольку Пленум не содержит никаких разъяснений по этому поводу. Если говорить о судебной практике лишения родительских прав в связи с жестоким обращением с детьми, то это довольно редкое явление. Дело в том, что суду необходимо предоставить исчерпывающие доказательства такого отношения, что не всегда представляется возможным сделать, особенно в тех ситуациях, когда ребенок, на первый взгляд, проживает в благополучной семье. Еще сложнее дело обстоит с доказыванием психологического насилия

Практика показывает, что суды редко прибегают к крайней форме защиты ребенка — лишению родительских прав — и еще реже по причине насилия. Один из немногих примеров — лишение родительских прав судом в Волгограде за неоднократные нецензурные оскорбления в адрес ребенка. Однако основанием для лишения родительских прав, согласно мотивировочной части, послужило систематическое неисполнение родительских обязанностей, отсутствие заботы о нравственном и физическом воспитании ребенка, ни слова о жестком отношении к ребенку в мотивировочной части указано не было [5].

Для отслеживания жестокого обращения с детьми необходимы четкие действия органов опеки и попечительства, педагогов в детских садах и школах, правоохранительных органов с целью не столько защиты прав детей от уже случившегося насилия, сколько от его предотвращения со стороны родителей. Тем не менее, несмотря на то, что лишение родительских прав — наивысшая мера наказания в данном случае, порой это единственный выход защиты ребенка. В значительной степени ситуация ухудшается, когда насилию подвергается женщина и ребенок со стороны мужчины. По статистике за защитой

своих прав и прав ребенка в таком случае женщины обращаются значительно реже с целью сохранения семьи и надежды на лучшее будущее.

Если говорить о зарубежном опыте, очевидно, что в каждой стране свои особенности борьбы с насилием по отношению к детям. Начать хочется с примера Германии. Данное государство привлекает судебных психологов в процессе лишения родителей их прав по отношению к ребенку. По итогам такого сопровождения специалисты предоставляют итоговую оценку о степени травмированности ребенка, после чего суд принимает решение: можно ли ребенку вернуться в семью или лишение родительских прав — меньшее из зол. Согласно статистике, лишение происходит примерно в половине случаев, после чего ребенок помещается в приемную семью [7].

В Литве при возникновении ситуации жестокого обращения в дело вовлекаются четыре стороны: дети; родители; служба защиты детей (CPW); полиция. После поступления сообщения CPW совместно с полицией обязаны изъять ребенка до выяснения обстоятельств, что нередко приводит к недопониманию не только со стороны родителей, но и детей. Со стороны детей данный опыт нельзя назвать положительным, так как высокий стресс приводит к значительному ограничению доверия ко всем сторонам процесса. В данном случае компромисс найти крайне сложно, так как все 4 стороны имеют конкурирующие позиции, что ведет к тому, что чаще всего при инициировании процедуры проверки родители подлежат лишению прав.

В США пристальное внимание органов направлено на родителей, которые могут злоупотреблять алкогольными напитками или психотропными веществами. Указанная группа подлежит повышенному кумулятивному риску, который включает в себя такие факторы, как наличие психических проблем, которые могут повлечь за собой эмоциональные проблемы; наличие судимости; невыполнение родительских обязанностей, что увеличивает безнадзорность; воспитание в неполной семье.

Учитывая тот факт, что высокому риску лишения родительских прав подвержены родители с наркотической и алкогольной зависимостью, в систему правосудия были введены отдельные семейные суды. Отличие от обычных судов состоит в том, что семейные суды работают в весьма частных слушаниях и собеседованиях и направлены на полноценное разбирательство с целью лечения, реабилитации и исправления. Таким образом, лишение родительских прав в данном случае также является крайней мерой с соблюдением баланса между потребностями родителей и правами ребенка [6, с. 94–100].

В Японии внедрены специализированные группы защиты детей (СРТ), основной задачей которых является координация государственных органов по вопросам помощи детям, подвергшимся насилию со стороны родителей или сторонних лиц. Чаще всего группы основываются при медицинских учреждениях с целью быстрой фиксации насилия и оказания помощи. После фиксации

побоев ребенок изымается из семьи. Для Японии вопрос насилия над детьми стоит особенно остро в связи с культурными ценностями и методами становления личности. Дополнительно в Японии по американскому примеру действуют отдельные суды, в которых, прежде всего, рассматриваются вопросы возникновения насилия, рассмотрения путей его пресечения и лишь при невозможности исправления ситуации родителей лишают прав, а детей помещают в специализированные учреждения.

Таким образом, вопросы, связанные с жестоким обращением с детьми и лишением на этом основании родительских прав, представляют собой многоаспектную проблему. Большая часть исследователей связывает причины жестокого отношения с такими факторами, как бедность,

недостаточный уровень образованности, жестокое обращение в детстве, социальная изоляция.

На примере РФ и ряда зарубежных стран можем видеть, что чаще всего суды и государственные органы направлены на ликвидацию последствий жестокого обращения, работа же по предотвращению подобных ситуаций осуществляется недостаточно эффективно.

Можно с уверенностью сказать одно: чем больше элементов задействовано в системе защиты детей от физического и психологического насилия, тем с большей эффективностью она будет работать. Необходимо уделять особое внимание мерам противодействия возникновению самих предпосылок насилия, чем решать вопрос по факту случившегося.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
2. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Государственной думой 20.12.2001 года: одобрен Советом Федерации 26.12.2001 года // Российская газета. — 2001. — 31 декабря.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 24.05.1996: одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Российская газета. — 1996. — 13 июня.
4. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 // Российская газета. — 2017. — 14 ноября.
5. Решение № 2-1628/2016 2-1628/2016~М-1368/2016 М-1368/2016 от 12 мая 2016 г. по делу № 2-1628/2016 Кировский районный суд г. Волгограда (Волгоградская область) — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hEPYNo3X6xJP/> (дата обращения: 01.10.2026).
6. Ben-David V. Substance-abusing parents and their children in termination of parental rights cases in Israel / V. Ben-David. — URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v66y2016icp94-100.html>. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0145213418303223?via=ihub>. — Текст: электронный // Children and Youth Services Review. — 2016. — Vol. 66. — P. 94–100 (дата обращения: 01.10.2026).
7. Zumbach J., Wetzels P., Koglin U. Predictors of psychological recommendations in child protection evaluation / J. Zumbach, P. Wetzels, U. Koglin. — Текст: электронный // Child Abuse & Neglect. — 2018. — Vol. 84. — P. 196–204 (дата обращения: 01.10.2026).
8. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=лишение+родительских+прав> (дата обращения 26.03.2026). — Текст: электронный.
9. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: официальный сайт. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720> (дата обращения 26.03.2026). — Текст: электронный.
10. Правительство России: официальный сайт. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: <http://government.ru/docs/all/158995/?page=2> (дата обращения 26.03.2026). — Текст: электронный.

Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов

Рыжков Илья Андреевич, прокурор
Прокуратура Костромской области

В статье рассмотрены актуальные вопросы прокурорского надзора законодательства при реализации национальных проектов, предложены методические рекомендации для осуществления проверочных мероприятий по данному направлению деятельности прокуратуры.

Приводятся примеры практической деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: национальные проекты, прокурорский надзор, финансовый и бюджетный контроль, цели устойчивого развития, меры прокурорского реагирования.

Current issues regarding prosecutorial oversight of the implementation of laws during the execution of national projects

Keywords: national priority project, modernization of healthcare, measures of prosecutorial response.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно обращал внимание на такое свойство национального проекта как его направленность на уникальный качественный скачок развития, необходимый для усиления государства сферы правоотношений: «Самый главный, ключевой результат, которого нам предстоит добиться, — это реальные перемены к лучшему

в жизни людей, перемены, которые почувствуют наши граждане... Важнейшими, еще раз это повторю, безусловно, являются развитие экономики, инфраструктура, демография, здравоохранение, экология, культура. Национальные проекты — это уникальный инструмент... Ничего подобного раньше по масштабу, по охвату у нас никогда не было, ничего подобного не применялось для достижения целей в тех сферах, которые я уже назвал» [16].

С учетом значимости указанных вопросов Генеральным прокурором Российской Федерации (далее — Генеральный прокурор РФ) издан приказ от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов», которым предписано считать надзор за исполнением законодательства в данной сфере одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры.

Только в 2025 году в рамках реализации национальных проектов освоено более 5,5 трлн. рублей, не меньший объем финансирования предусмотрен и на 2026 год, к 01.09.2026 из 6,5 трлн рублей бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию национальных проектов и федеральных проектов исполнено 4,04 трлн рублей (62,1 %).

Впервые понятие «национальный проект» введено в федеральное законодательство Федеральным законом от 13.07.2024 № 177-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (далее — Закон № 177-ФЗ).

В настоящее время надзор за реализацией национальных проектов зачастую относят к отрасли надзора за испол-

нением законов, в связи с чем, определяя предмет прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов, необходимо руководствоваться положениями ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Реализация национальных проектов должна осуществляться в рамках федерального и регионального законодательства, таким образом мера дозволенного поведения субъектов деятельности по реализации мероприятий национальных проектов определяется не самими национальными проектами или входящими в них федеральными проектами, а правовыми нормами, закрепленными законами и подзаконными нормативными правовыми актами.

Одним из наиболее важных вопросов при реализации национальных проектов является исполнение законодательства о противодействии коррупции. Нарушения, выявляемые в данной сфере отражаются отдельной строкой по каждому национальному проекту в форме статистической отчетности НП «Надзор за исполнением законодательства при реализации национальных проектов».

При определении пределов прокурорского надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов, прежде всего, следует отметить подробную разработанность в теории прокурорской деятельности понятия и содержания пределов прокурорского надзора за исполнением законов.

Реализация надзорных полномочий органов прокуратуры на данном направлении ориентирована в первую очередь на пресечение возможных нарушений закона и только при недостижении данной задачи на применение мер по привлечению виновных лиц к ответственности.

Приоритетной задачей прокуроров на данном направлении является пресечение нарушений на ранней стадии, предупреждение случаев срыва бюджетных мероприятий, избыточного и незаконного расходования денежных средств.

Организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации предписывают органам прокуратур субъектового и районного звена выстроить такую систему надзора, когда заблаговременное вмешательство прокуроров будут способствовать своевременному и полному достижению целей и результатов национальных проектов.

Именно такой подход к осуществлению надзорной деятельности наиболее полно соотносится с целями и задачами, поставленными перед органами прокуратуры Российской Федерации Президентом Российской Федерации, а также с публичными интересами в достижении целей национального развития Российской Федерации.

Например, после объявления заместителем прокурора Республики Алтай предостережения руководителю регионального министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства до администрации г. Горно-Алтайска доведен межбюджетный трансферт на капитальный ремонт инженерных сетей, проведена соответствующая закупка (национальный проект «Инфраструктура для жизни»).

Аналогичное вмешательство прокуратуры Томской области способствовало заключению 28 контрактов на ремонт автомобильных дорог и 56 контрактов на приобретение медицинского оборудования (национальные проекты «Инфраструктура для жизни» и «Семья»).

Превентивными мерами прокуратуры Нижегородской области обеспечено получение разрешительной документации на строительство поликлиник (национальный проект «Продолжительная и активная жизнь»).

Таким образом, в настоящее время надзор за исполнением законодательством при реализации национальных проектов является наиболее приоритетным направлением работы органов прокуратуры. Качество его осуществления напрямую влияет на состояние законности в стране, поскольку им обеспечивается соответствие Конституции РФ, федеральному и региональному законодательству деятельности федеральных органов исполнительной власти, законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления.

Комплексный характер осуществления надзора на данном направлении, выражающийся в его осуществлении на стыке различных отраслей права и отраслей прокурорского надзора, обуславливает его самостоятельное значение.

В связи с чем усиление прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов возможно путем его выделения в отдельную отрасль прокурорского надзора.

Кроме того, эффективность осуществления надзорной деятельности на данном направлении может быть усилена путём устранения фактов принятия мер прокурорского реагирования не влияющих существенным образом на состояние законности, а направленных на искусственное увеличение показателей надзорной деятельности.

Полагаем, что при проведении надзорных проверок акцентировано внимание на выявлении и пресечении фактов откатов, хищений, нецелевого расходования бюджетных средств и иных уголовно-наказуемых деяний с использованием различных противоправных схем.

С учетом выявленных нарушений органами прокуратуры инициировано уголовное преследование в отношении недобросовестного подрядчика за мошенничество по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В целях совершенствования эффективности указанной деятельности предлагаем дополнить показатели статистического отчёта «Надзор за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» по форме НП сведениями о результатах производства по уголовным делам, возбужденным по материалам прокурорских проверок за исполнением законов при реализации национальных проектов, направленных в орган предварительного следствия в порядке, предусмотренном пунктом 2 части 2 статьи 37 Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации.

Кроме того, органами прокуратуры отмечается проблема неуккомплектованности кадрами объектов здравоохранения, дошкольного и школьного образования, что в некоторых случаях приводит к простоя закупленного в рамках национальных проектов оборудования.

Решение данного вопроса не простое, не имеет общего подхода и требует совместной повседневной работы как органов местного самоуправления, так и региональной власти в целях улучшения условий труда указанных категорий лиц и создания интереса работы в районах.

Подводя итоги, можно отметить, что сопровождение органами прокуратуры реализации национальных проектов создает новые подходы к надзорной деятельности, в том числе в рамках осуществления мониторинга, а также использования информационных систем, как, например, «СПАРК-Интерфакс». Вопросы надзора в указанной сфере не ограничиваются только соблюдением бюджетного законодательства и закупочных процедур, но затрагивают вопросы землепользования и градостроительства, а также иных отраслей права, что требует оперативного взаимодействия не только с органами финансового контроля и правоохранительными органами, но и другими органами контроля.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

3. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 146.
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной экономической политике» // Российская газета. 09.05.2012. № 102.
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 09.05.2018. № 97.
6. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021 № 46. Ст. 7676.
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» // Законность. — 2019. — № 5.
8. Кутузова, Н. С. Сущность и правовые аспекты национального проекта / Н. С. Кутузова // Вестник УрГЮУ. Серия «Право». — 2021. — Т. 21, № 1. с. 96–102. DOI: 10.14529/law210114.
9. Борисенко, Е. А. «Основания проведения проверок исполнения законов и соблюдения прав и свобод человека и гражданина: научный подход и предложения / Е. А. Борисенко // Вестник университета прокуратуры Рос. Федерации. — 2019. — № 6. — С. 45–50.
10. Батиевская В. Б. Институционализация управления приоритетными национальными проектами как механизм реализации государственных и региональных экономических интересов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2011. — № 3 (43). — С.232–236.
11. Амирбеков К. И. Невозможность подтверждения или опровержения информации о фактах нарушения законов как основание проведения прокурорской проверки исполнения законов // Вестн. Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. — 2018. — № 2 (64).
12. Винокуров А. Ю. Проведение прокурором проверки устранения нарушений закона (повторной проверки) // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2018. — № 2 (64).
13. Прокурорский надзор за исполнением законов об образовании при реализации национальных проектов: учеб. пособие / И. И. Головкин, О. Н. Коршунова, Ю. В. Морозова, [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. — Санкт-Петербург: СПбЮИ, 2023. — С.103.
14. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учебник / под ред. А. Ф. Смирнова. М., 2005. — С. 37.
15. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор / учебник для вузов / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров; под общей редакцией А. Ю. Винокурова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 352 с.
16. Итоги реализации нацпроектов: успехи и проблемы. URL: <https://www.vesti.ru/article/1279577> (дата обращения: 08.10.2026).

Права человека и правовое государство: наука и практика реализации в цифровую эпоху

Самарский Захар Сергеевич, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье разбирается, какие гарантии прав человека сохраняют силу, когда государство общается с гражданином через порталы, базы данных и автоматизированные сервисы. Сопоставляются формальное и содержательное понимание правового государства, доступ к информации рассматривается как условие других прав, обсуждается спор о природе цифровых прав. Отмечено, что цифровая среда не вводит новых ценностей, но создаёт новые способы нарушить старые права. Названы основные проблемы практики — непрозрачность алгоритмических решений, уязвимость персональных данных, неравный доступ к технологиям, отставание законов — и предложены меры, которые могли бы их смягчить.

Ключевые слова: права человека, правовое государство, цифровые права, цифровая трансформация, доступ к информации, персональные данные, информационная безопасность.

Вопрос о том, как права человека связаны с правовым государством, обсуждается давно, и цифровые технологии его не создали. Они сделали его неудобным. Раньше

спорное решение выносил конкретный чиновник, к которому можно было прийти на приём. Теперь заявление уходит через портал, ответ приходит уведомлением,

а часть решений формируется автоматически, без участия человека. В 2020 году к ведению Российской Федерации отнесли обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных (п. «м» ч. 1 ст. 71 Конституции), и это можно считать признанием: цифровая среда стала предметом конституционного регулирования. В статье предпринята попытка выяснить, чего правовое государство требует от власти, действующей в этой среде, что происходит с содержанием прав человека и где проходит граница между удобством и риском.

Правовым государством Россию называет первая статья Конституции, а вторая ставит в центр человека, его права и свободы. Статья 18 добавляет, что права действуют непосредственно и определяют смысл законов и работу всех органов власти. Отсюда видно, что правовое государство — не лозунг, а самоограничение власти. В теории принято различать два его понимания. Формальное сводится к верховенству закона и строгому соблюдению процедур. Содержательное требует большего: сам закон должен выдерживать проверку правами человека. В цифровой среде это различие перестаёт быть школьным. Алгоритм способен идеально выполнять процедуру и всё равно нарушать права, если, скажем, отсеивает заявителей по признаку, который закон не называет, но который заложен в данных. Формально претензий нет, по существу они есть. Поэтому главным становится вопрос прозрачности: можно ли понять и проверить, почему принято именно такое решение. Смена самой модели государственного управления, о которой пишут исследователи, делает этот вопрос неизбежным [3].

Почти любое право требует информации. Обжаловать решение нельзя, не зная, кто и на каком основании его принял; участвовать в управлении нельзя, не понимая, как оно устроено. Конституция гарантирует свободный поиск и получение информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29), а порядок доступа к сведениям о работе государственных органов расписан в Федеральном законе от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ. Но закреплённое право работает не всегда. В литературе отмечается разрыв между тем, что провозглашено, и тем, что человек реально может получить: нужны организационные условия, понятные процедуры и ответственность за их нарушение [1]. Отказ в информации можно обжаловать в вышестоящий орган или в суд (ст. 46 Конституции).

Цифровая среда вроде бы упрощает дело: сведения выложены на официальных сайтах, а не лежат в бумажных папках. Но вместе с этим появляется иллюзия открытости. Загрузить на сайт гору неструктурированных файлов — не значит обеспечить доступ. Важно не то, что информация опубликована, а то, что её можно найти, понять и использовать в споре. Хороший пример — электронное правосудие. Документы в суд можно подать онлайн, через сайт суда, но часть судебных актов появляется там с задержкой или не появляется совсем [7]. Возмож-

ность технически есть, а результат зависит от аккуратности конкретных органов.

Нет единого мнения и о том, составляют ли цифровые права отдельную группу. В. Д. Зорькин предложил относить к ним права на доступ к цифровым произведениям, устройствам и сетям, на свободное общение и выражение мнения в сети, а также на неприкосновенность частной информационной сферы, включая конфиденциальность и анонимность персональных данных в цифровой форме [4]. Другие авторы считают, что речь идёт о тех же классических правах, перенесённых в новую среду: свобода слова не зависит от того, где высказана мысль, а тайна переписки (ст. 23) защищает электронное письмо так же, как бумажное. Конституционно-правовой анализ цифровых прав как раз строится вокруг этого спора [2], а то, как интернет меняет систему прав человека, подробно разобрано в литературе [5]. Ближе вторая позиция: незачем множить категории там, где хватает добросовестного толкования. Но с оговоркой. Часть отношений действительно не помещается в старые рамки. Самый наглядный пример — персональные данные. Конституция запрещает собирать и использовать сведения о частной жизни без согласия человека (ч. 1 ст. 24); в европейской традиции защита персональных данных вообще выводится из права на частную жизнь [7]. На практике же человек зачастую не знает, кто и зачем обрабатывает данные о нём. Сюда относятся и право потребовать удаления ссылок из поисковой выдачи, так называемое право на забвение (ст. 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), и запрет принимать юридически значимые решения только на основании автоматизированной обработки персональных данных, за исключениями, которые прямо названы в законе (ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»). Нарушить такие права может не только государство, но и частные операторы, например, интернет-провайдеры. Вопрос о том, как право отвечает на вызовы цифровой реальности, давно обсуждается в отечественной науке [6].

Выгоды цифрового государства очевидны: меньше очередей и личных контактов с чиновником, а значит, меньше поводов для злоупотреблений. Научная литература описывает этот переход как смену самой модели управления, а не как новый инструмент [3]. Издержки видны хуже, но они реальны. Во-первых, непрозрачность: если решение подготовила система, гражданину сложно понять его логику, а чиновнику — возразить машине. Во-вторых, накопление данных: базы, созданные ради удобства, притягивают и злоумышленников, и искушение использовать сведения шире, чем было задумано. В-третьих, цифровое неравенство: без стабильного интернета и навыков человек получает на практике меньше прав, хотя юридически равен остальным. Это упирается в принцип равенства (ст. 19), и формальный подход тут ничего не даёт.

Отдельная тема — безопасность. Закон требует защищать информацию от неправомерного доступа, уничтожения и изменения (ст. 16 Федерального закона № 149-

ФЗ), а за нарушения предусматривает дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность (ст. 17 того же закона). Безопасность не противоречит правам человека, она — условие их реализации: если государственная система выходит из строя, люди не могут ни получить услугу, ни подать жалобу. Но верно и обратное: под лозунгом безопасности легко оправдать избыточный контроль.

Права не абсолютны, и Конституция допускает их ограничение федеральным законом, но лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Всё держится на словах «в той мере, в какой необходимо». В цифровой среде они означают соразмерность: если цель достижима менее жёсткой мерой, жёсткую выбирать нельзя. На практике это значит хранить данные не «на всякий случай», а столько, сколько нужно для услуги; собирать только необходимое; давать человеку возможность узнать, что о нём известно, и оспорить это. Острее всего вопрос стоит, когда правоохранительные органы получают доступ к компьютерной информации: нужен разумный компромисс между борьбой с киберпреступностью и правом граждан на конфиденциальность, а ориентиром должны оставаться конституционные принципы [7]. Гарантия — судебная защита (ст. 46), но она работает, только если человек знает о нарушении, а автоматизированная обработка часто скрывает сам факт вмешательства. Поэтому обязанность государства информировать гражданина — не любезность, а часть механизма защиты.

Проблем в практике немало. Право не поспевает за технологиями: законодательство о цифровых правах требует обновления и систематизации, а цельной концепции защиты от посягательств на права человека в этой сфере пока нет [7]. Регионы и социальные группы находятся в неравных условиях. Остаётся открытым вопрос, кто отвечает за ошибки автоматизированных систем. Не хватает и служащих, которые умеют работать с технологиями и помнят, что за записью в базе стоит человек. Какие меры выглядят разумными? Упорядочить информационное законодательство. Закрепить право потребовать, чтобы автоматизированное решение пересмотрел человек. Оценивать влияние крупных цифровых проектов на права граждан до их запуска. Сохранять офлайн-каналы, чтобы цифровой путь не оказался единственным. Развивать цифровую грамотность как граждан, так и государственного аппарата.

Правовое государство в цифровую эпоху измеряется не качеством портала, а тем, остаются ли решения власти понятными, проверяемыми и соразмерными, даже если их готовят технологии. Цифровые права не отменяют классический каталог, а продолжают его; как подчёркивает В. Д. Зорькин, задача государства — признавать и защищать эти права [4]. Важно не изобретать новые формулировки, а добиться, чтобы старые гарантии действовали в новой среде. Открытость информации, защита персональных данных и безопасность должны развиваться вместе, а не за счёт друг друга. Удастся ли сохранить такой баланс, зависит не только от законодателя, но и от повседневной практики каждого органа власти.

Литература:

1. Алексеева, М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях / М. В. Алексеева // Современное общество и право. — 2012. — № 3 (8). — С. 29–36. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17941484> (дата обращения: 19.10.2026).
2. Алексеева, М. В. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ / М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 27–30. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/9882/konstitucionnye-aspekty-cifrovyyh-prav-v-epokhu-cifrovizatsii-yuridiceskii-i-prakticheskii-analiz> (дата обращения: 19.10.2026).
3. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82500354> (дата обращения: 19.10.2026).
4. Зорькин, В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан: размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая. — URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 19.10.2026).
5. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14, № 3. — С. 122–146. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-tsifrovuyu-epokhu/viewer> (дата обращения: 19.10.2026).
6. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-pered-vyzovami-tsifrovoy-realnosti/viewer> (дата обращения: 19.10.2026).
7. Чернышева, Ю. А. Права человека в условиях цифровизации общества / Ю. А. Чернышева // Психология и право. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 90–102. — URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2019_n4/Chernysheva (дата обращения: 19.10.2026).

Производство по делам несовершеннолетних как отдельная категория уголовных дел

Селезнева Дарья Алексеевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются особенности выделения в уголовно-процессуальном законодательстве расследование уголовных дел по преступлениям, совершенных несовершеннолетними. Автор анализирует уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, биологический, социальный и возрастной критерии необходимости выделения рассматриваемой категории дел. Кроме того, автором детально анализируется возрастной критерий в совокупности с социальными предпосылками, делается вывод о несовершеннолетних младшей (14–15 лет) и старшей (16–17 лет) возрастных групп, чья социализация существенно отличается.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, несовершеннолетний, возраст уголовной ответственности, привлечение к уголовной ответственности.

Расследование уголовных дел занимает одно из важнейших мест в системе стадий уголовного судопроизводства. Именно правильно и юридически грамотный процесс расследования уголовного дела в дальнейшем позволяет суду принять решение о виновности лица в совершении им преступного деяния. В этой связи следователю или дознавателю, осуществляющему расследование по уголовному делу необходимо, в том числе, необходимо соблюдать как правила проведения следственных действий, так и права и обязанности участников уголовного судопроизводства. Законодатель, предусмотрев сложность расследования уголовных дел в отношении отдельных категорий субъектов, выделил в отдельные главы УПК РФ особенности расследования таких уголовных дел.

В их числе и глава 50, которая раскрывает особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Преступность несовершеннолетних является одной из наиболее проблемных сфер по различным причинам. В связи с этим в науке уголовного процесса справедливо конкретизируется, что в этом случае предполагается осуществление специальных действий, что требует «построение и реализацию собственного процесса по делам в отношении несовершеннолетних в рамках единого уголовного судопроизводства» [2].

Говоря о сущности рассматриваемой категории уголовных дел, необходимо отметить несколько моментов. Законодатель в процессе конструирования уголовно-правовых норм неоднократно обращается к фигуре несовершеннолетнего как объекту преступного посягательства (потерпевшему, чьи права и законные интересы нарушаются в результате совершения лицом противоправного деяния), либо субъекта (лицо, непосредственно совершающего преступление). Рассматривая несовершеннолетнего в качестве субъекта, необходимо отметить, что уголовным законом предусмотрен не подлежащий расширительному толкованию перечень составов преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста, кроме того, уголовным законом установлены и такие составы преступления. Анализ ч.2 ст.20 УК РФ показывает, что речь идет, в первую очередь, о наи-

более общественно опасных умышленных преступлениях против жизни и здоровья, собственности и группы преступлений террористической направленности.

Также следует отметить, что несовершеннолетие виновного признается смягчающим обстоятельством согласно положениям ст. 61 УК РФ. В науке уголовного права отмечается, что выделение данного смягчающего обстоятельства можно объяснить различными причинами, не обязательно обусловленные именно преступными мотивами, в том числе выделяются и желание выразить самостоятельность, самоутверждение, влияние сверстников, подначивание совершить противоправное деяние, неспособность в силу возраста полноценно осознать характер и степень общественной опасности совершаемого ими деяния, что, соответственно, используется иными криминальными личностями в своих преступных целях [3, с. 114–119]. При этом отдельного внимания заслуживает возможность прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в связи с примирением сторон (например, несовершеннолетним совершается кража с банковской карты, являющееся тяжким преступлением. В последующем суд вправе понизить категорию тяжести преступления по правилам ч. 6 ст. 15 УК РФ и прекратить уголовное дело за примирением сторон, при выполнении соответствующих условий).

Уголовно-процессуальный аспект заключается в том, что несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый (подсудимый) обладает несколько иным процессуальным статусом из-за чего отличается и проведение предварительного расследования и судебного разбирательства. Об этом прямо указывает законодатель в ч.2 ст.420 УПК РФ, что производство уголовных дел осуществляется по правилам частей 2 и 3 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ. Однако уголовно-процессуальный аспект включает и криминологические, социологические, биологические особенности личности несовершеннолетнего. Такой вывод мы можем сделать, проанализировав ст.421 УПК РФ, содержащую предмет доказывания по рассматриваемой категории уголовных дел. Например, возраст несовершеннолетнего можно

считать комплексной категорией, относящейся одновременно и к биологической категории (непосредственно биологический возраст), и к социологическо-психологическому, поскольку важно понимать уровень умственного, психологического уровня развития несовершеннолетнего для выстраивания соответствующих версий и проведения процессуальных действий. То есть уголовно-процессуальный процесс доказывания прямо связан с криминологией, ведь личность преступника совокупность его свойств, взаимоотношений, требующаяся при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию [6, с. 24–25], а установление особенностей личности несовершеннолетнего требует установление его личностных деформаций, установление первопричин совершения общественно опасного деяния [1, с. 163].

В науке можно встретить, достаточно единообразное мнение, что несовершеннолетний еще не обладает сформировавшейся психикой, не обладает достаточным правосознанием, в связи с чем имеют ограниченные оценочный и волевой элементы [5, с. 119]. В данном случае, как мы полагаем, авторы не учитывают, что термин «несовершеннолетний» охватывает лиц от 14 до 18 лет. Например, говоря о 14–15-летних такое суждение имеет место быть, говоря о так называемых старших несовершеннолетних (16–17 лет), вышеуказанная позиция авторов вряд ли применима к ним (в данном случае не идет речь об отдельных особенностях конкретной личности). Многие подростки «старшей» возрастной группы уже начинают работать или обучаться в образовательных учреждениях средне-про-

фессионального или высшего образования, некоторые уже сформировали семью и воспитывают детей, обладая при всем этом достаточной психологической устойчивостью, моральной зрелостью с высоким уровнем правового сознания. Несмотря на то, что законодателем не выделяется данный аспект при производстве уголовных дел (основываясь лишь на строгом возрастном критерии), тем не менее возможно предусмотреть ряд исключений с учетом положений гражданского законодательства, устанавливающего возможность получения несовершеннолетним дееспособности путем эмансипации либо при вступлении в брак. Похожий подход разделяет и Л. Г. Татьяна. В сформулированном ею определении что полная процессуальная дееспособность наступает при достижении 18 лет. Однако автор приводит определения и уголовно-процессуальной недееспособности и частичной процессуальной дееспособности [4, с. 126].

Таким образом, выделение производства по делам несовершеннолетних в отдельную главу УПК РФ обусловлено рядом критериев. Основными являются уголовный и уголовно-процессуальный аспекты, однако уголовно-процессуальный аспект включает и криминологические (здесь же следует выделять и статистические данные о состоянии рассматриваемого вида преступности), социологические, биологические особенности личности несовершеннолетнего. Уголовно-процессуальный аспект заключается в особенностях процессуального статуса несовершеннолетнего, осуществлении досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Литература:

1. Голубничая, Л. С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / Л. С. Голубничая // Амурский научный вестник. — 2015. — № 1. — С. 158–172.
2. Левченко, О. В. Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / О. В. Левченко, Е. В. Мищенко. — Текст: электронный // Znanium.com. — 2017. — № 1–12. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/358113> (дата обращения: 09.08.2026).
3. Селиверстов, А. Э. Несовершеннолетие виновного как обстоятельство, смягчающее наказание / А. Э. Селиверстов, Э. Л. Раднаева // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. — 2018. — № 3–4. — С. 114–119.
4. Татьяна, Л. Г. Уголовно-процессуальная дееспособность в структуре личности участника уголовного судопроизводства / Л. Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2005. — № 6–2. — С. 124–130.
5. Угольникова, Н. В. Цель дифференциации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Н. В. Угольникова // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 4. — С. 117–120.
6. Чуфаровский, Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие / Ю. В. Чуфаровский. — Москва: Проспект, 2020. — 210 с.

Антикоррупционная деятельность в системе государственного управления: современные научные и цифровые подходы

Сердюкова Валерия Станиславовна, студент
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается антикоррупционная деятельность как часть современного государственного управления. Раскрывается значение научного мониторинга, информационной открытости органов власти и цифровых инструментов для выявления коррупционных рисков. Отдельное внимание уделяется ограничениям цифровизации: качеству данных, защите информации, правам граждан и необходимости человеческого контроля при принятии управленческих решений. Обосновывается вывод о том, что технологии дают результат лишь тогда, когда встроены в понятные правовые процедуры и сопровождаются независимой оценкой.

Ключевые слова: противодействие коррупции, государственное управление, цифровое государство, мониторинг, доступ к информации, информационное право, цифровые технологии, национальная безопасность.

Anti-corruption activities in public administration: modern scientific and digital approaches

Serdyukova Valeria Stanislavovna, student
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines anti-corruption activities as a component of modern public administration. It considers the role of scientific monitoring, public access to information and digital tools in identifying corruption risks. Particular attention is paid to the limits of digitalization, including data quality, information security, citizens' rights and the need for human oversight of administrative decisions. The article argues that technology can produce meaningful results only when supported by clear legal procedures and independent evaluation.

Keywords: anti-corruption, public administration, digital state, monitoring, access to information, information law, digital technologies, national security.

Коррупция редко возникает внезапно. Чаще ей предшествуют небольшие сбои в управлении: решения принимаются без объяснений, сведения о расходах трудно найти, должностные лица обладают чрезмерной свободой действий, а проверки не приводят к изменениям. Поэтому противодействие коррупции должно включать не только выявление правонарушений, но и устранение условий, способствующих их совершению.

Антикоррупционная деятельность в государственном управлении включает предупреждение конфликта интересов, контроль публичных ресурсов, доступ к информации о работе органов власти, рассмотрение обращений, анализ процедур и привлечение виновных к ответственности. Общая задача этих мер — ограничить возможности для скрытого и произвольного принятия решений.

Исследование М. В. Алексеевой, посвящённое управлению в сфере охраны культурного наследия, показывает, что публичная деятельность объединяет полномочия органов власти, общественные интересы и правовое регулирование [1]. Для антикоррупционной политики это важно, поскольку риски зависят от отрасли, распределения полномочий и прозрачности принятия решений.

Универсального показателя коррупции нет. Число выявленных нарушений не всегда свидетельствует об ухудшении ситуации: оно может расти и вследствие усиления контроля. Поэтому необходимы сопоставимые данные, регулярные

наблюдения и анализ причин. Методология мониторинга, рассматриваемая М. В. Алексеевой как научная категория и правовой институт [7], помогает выявлять устойчивые тенденции — задержки услуг, концентрацию закупок у ограниченного круга поставщиков и повторяющиеся жалобы.

Мониторинг эффективен, если заранее определены критерии, источники данных, периодичность наблюдения и порядок реагирования. Если выявленные риски не сопровождаются проверкой и объяснением принятых мер, сбор показателей становится формальностью. Поэтому нужны проверяемые индикаторы, сравнение периодов и независимая оценка результатов.

М. В. Алексеева исследовала право на доступ к информации и обеспечение доступа к сведениям о деятельности государственных органов [8; 9]. Открытость помогает гражданам проверять полномочия ведомства, порядок оказания услуг, сроки и основания решений, снижая возможность скрывать произвольные требования за непрозрачными процедурами.

Открытость не сводится к публикации большого количества файлов. Сведения должны быть актуальными, понятными и удобными для поиска. Разрозненные данные, устаревшие страницы и сканы затрудняют общественный контроль. Поэтому следует оценивать, насколько быстро гражданин находит информацию, сопоставляет её и получает объяснение решения.

Цифровизация предоставляет дополнительные инструменты: электронные услуги, межведомственный обмен, цифровые реестры и автоматизированный анализ. Они помогают отслеживать обращения и платежи, обнаруживать отклонения и сокращать личные контакты заявителей с чиновниками. Исследования цифровой трансформации государства показывают, что меняются и организация публичного управления, и характер коррупционных рисков [10; 11].

Цифровые системы могут фиксировать сроки прохождения заявления, изменения данных, действия пользователей и причины возврата документов. Защищённые журналы событий позволяют восстановить последовательность операций. Аналитические инструменты выявляют повторные изменения решений, частое применение исключений, необычные сроки и устойчивые связи между участниками процесса.

Алгоритм, однако, не устанавливает коррупцию как юридический факт, а лишь сигнализирует о возможном риске. Отклонение может быть вызвано ошибкой или обстоятельствами конкретного дела. Поэтому автоматическое выявление риска должно отделяться от служебной проверки и юридической оценки; ограничивать права человека только на основании цифрового индикатора недопустимо.

Особого внимания требуют сведения о частной жизни, коммерческая тайна и иная охраняемая законом информация. Прозрачность власти не означает раскрытия любых данных: основания и результаты публичных решений должны быть доступны, а персональная и защищённая информация — обрабатываться законно. Исследования цифровых прав и безопасной информационной среды также подчёркивают значение гарантий прав человека [2; 14].

Внедрение программного обеспечения само по себе не меняет управленческую культуру. Если сотрудники не понимают целей контроля, руководители поощряют формальные показатели, а выявленные нарушения остаются без последствий, цифровизация лишь переносит прежние недостатки в электронную среду. Поэтому необходимы

обучение персонала, пересмотр процедур и ясное распределение ответственности.

Практически целесообразна модель из трёх уровней. Профилактика предполагает анализ полномочий, упрощение процедур и публикацию понятных правил. Мониторинг включает сопоставление данных, оценку обращений, контроль сроков и поиск повторяющихся отклонений. Реагирование состоит в проверке сигналов, мотивированном решении и применении законных мер ответственности. Результаты мониторинга должны использоваться для корректировки проблемных процедур.

Обратная связь граждан дополняет ведомственную отчётность: жалобы, сообщения о конфликте интересов и трудностях при получении услуг помогают обнаруживать скрытые проблемы. Для действенности таких каналов нужны защита заявителей, разумные сроки ответа и понятное объяснение принятого решения.

Антикоррупционная деятельность связана и с национальной безопасностью: использование публичных ресурсов в частных интересах подрывает доверие к государственным институтам. Исследования противодействия угрозам национальной безопасности позволяют рассматривать проблему в более широком контексте устойчивости государства [3]. В цифровой среде дополнительными рисками становятся утечки данных, вмешательство в информационные системы и искажение результатов обработки информации, поэтому важны защита инфраструктуры и контроль целостности данных.

Таким образом, научные и цифровые подходы позволяют перейти от реагирования на отдельные нарушения к выявлению причин коррупции. Мониторинг обнаруживает повторяющиеся проблемы, открытые данные поддерживают общественный контроль, а цифровые инструменты повышают прослеживаемость управленческих процессов. Их эффективность зависит от качества правовых процедур, достоверности информации, независимой проверки и готовности органов власти менять практику.

Литература:

1. Алексеева М. В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации, 2007.
2. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 27–30.
3. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 1. С. 47–53.
4. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 9–15.
5. Алексеева М. В. Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (12). С. 69–74.
6. Алексеева М. В. Информационное право: учебное пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, исследующих правовые отношения в информационной сфере. Ростов-на-Дону, 2022.
7. Алексеева М. В. Общее понятие о мониторинге как научной категории и правовом институте // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 1 (18). С. 9–14.

8. Алексеева М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях // Современное общество и право. 2012. № 3 (8). С. 29–36.
9. Алексеева М. В. Обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 9 (15). С. 58–64.
10. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14–21.
11. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 16–23.
12. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.

Процессуальные сроки разрешения индивидуальных трудовых споров как фактор эффективности судебной защиты трудовых прав

Сиднева Александра Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Рассмотрены сроки обращения в суд, сроки рассмотрения индивидуальных трудовых споров и сроки исполнения судебных актов. Показано, что разрыв между этими сроками снижает эффективность защиты трудовых прав. На основе законодательства и научных публикаций сформулированы предложения по уточнению правил восстановления срока, подготовки дела и электронной подачи иска.

Ключевые слова: индивидуальный трудовой спор, судебная защита, процессуальный срок, срок обращения в суд, восстановление срока, заработная плата, эффективность правосудия.

Procedural time limits for resolving individual labor disputes as a factor in the effectiveness of judicial protection of labor rights

The article examines time limits for filing claims with a court, time limits for considering individual labor disputes, and time limits for enforcing judicial acts. The analysis shows that the gap between these procedural periods reduces the effectiveness of labor rights protection. Based on legislation and academic publications, the article formulates proposals for clarifying the rules on reinstatement of missed time limits, case preparation, and electronic filing of claims.

Keywords: individual labor dispute, judicial protection, procedural time limit, time limit for filing a claim, reinstatement of a missed time limit, wages, efficiency of justice.

Введение

Актуальность исследования. О действенности рассмотрения трудовых споров в России судят не только по тексту судебного решения. Работнику важно, в какой момент у него появилась возможность подать иск, как долго суд разбирал дело и через какое время решение было реально исполнено. Спор с работодателем для него обычно затрагивает заработок, сохранение должности или саму возможность продолжать трудиться.

Роль процессуальных сроков в трудовых спорах особенно заметна, когда речь идет об увольнении или о невыплате заработной платы.

Уволенный с нарушением закона работник остается без заработка и вынужден искать новую работу, а долг по невыплаченной заработной плате накапливается месяц за месяцем, так что растянутое во времени разбирательство

меняет соотношение сил сторон и уменьшает практическую ценность судебной защиты.

Исследователи в своих работах затрагивают несколько вопросов:

- юридическую природу сроков для обращения в суд;
- основания, по которым пропущенный срок восстанавливается;
- разницей в оценке действий работника;
- зависимость работника от работодателя в части доказательств, требующую учета при разрешении спора.

Длительность рассмотрения дела и немедленное исполнение решения при анализе срока обращения нередко остаются в стороне, и продолжительность судебной защиты в итоге оценивается лишь частично.

Целью статьи является определение влияния процессуальных сроков разрешения индивидуальных трудовых споров на эффективность судебной защиты трудовых

прав. Для достижения цели рассмотрены сроки, установленные ст. 392 ТК РФ, порядок восстановления пропущенного срока, сроки рассмотрения гражданских дел по ст. 154 ГПК РФ и немедленное исполнение решений по ст. 211 ГПК РФ. В работе использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Статья 392 ТК РФ устанавливает специальные сроки обращения работника в суд. По общему правилу заявление подается в течение трех месяцев со дня, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права. По спору об увольнении предусмотрен один месяц. Для требований о невыплате или неполной выплате заработной платы и других причитающихся выплат установлен один год. Требование о компенсации морального вреда может быть заявлено одновременно с требованием о восстановлении нарушенных прав или в течение трех месяцев после вступления в законную силу решения суда, которым эти права восстановлены полностью или частично [1].

Установленные сроки различаются в зависимости от характера нарушения. При увольнении положение работника изменяется сразу, поэтому срок обращения является коротким. Денежные требования могут складываться постепенно, а размер задолженности не всегда можно определить без расчетных документов работодателя. В связи с этим годичный срок по требованиям о заработной плате занимает отдельное место среди сроков, предусмотренных трудовым законодательством.

Особое значение имеет момент, с которого начинается течение срока. В трудовых отношениях не всегда возможно сразу установить, какое право нарушено и когда это произошло. Такая ситуация возникает при выполнении работы по гражданско-правовому договору, при дистанционной работе, в платформенной занятости и при отсутствии письменного оформления. Работник может узнать о трудовом характере отношений уже после прекращения работы или после отказа работодателя оформить трудовой договор.

Н. С. Толкачев пишет: «Буквальное толкование технико-юридических конструкций, используемых в ст. 392 ТК РФ («сроки обращения в суд», «работник (работодатель) имеет право обратиться в суд в течение»), предполагает утрату заинтересованным лицом соответствующего права в связи с истечением срока, который установлен в законе. Ст. 392 ТК РФ не содержит нормы о том, что суд может отказать в иске только в случае заявления стороны в споре о пропуске срока обращения в суд другой стороной. Помимо прочего, рассматриваемые категории разграничиваются и процессуальным законодательством» [10, с. 138].

Вопрос о правовой природе этих сроков имеет значение для их применения. В литературе сроки обращения в суд сопоставляются со сроками исковой давности. От этого зависит объяснение последствий пропуска, роль заявления стороны и порядок восстановления срока. В трудовом праве при этом действует специальное правило:

суд может восстановить срок при наличии уважительных причин.

Часть 5 ст. 392 ТК РФ не содержит закрытого перечня уважительных причин пропуска срока. Поэтому суд устанавливает обстоятельства каждого дела отдельно. Проверяется не только наличие болезни, командировки или другой причины, но и то, действительно ли она мешала своевременно обратиться в суд. Имеет значение поведение работника после того, как препятствие прекратилось.

При оценке причин необходимо учитывать неравенство сторон трудового отношения. Работодатель располагает кадровыми документами, расчетами, локальными актами, перепиской и иными материалами. Работник не всегда получает эти документы и может не знать, какое юридическое значение имеет нарушение. Поэтому обращение в государственную инспекцию труда, прокуратуру, профсоюз или комиссию по трудовым спорам может показывать, что работник не бездействовал, а пытался восстановить право доступным ему способом.

Н. Н. Старцев указывает: «Значительное количество судебных процессов связаны с рассмотрением трудовых споров. Особенно остро проявление несправедливости замечается тогда, когда спорят работник и работодатель — и потому, что работник значительно уступает в правовой грамотности, подчинен работодателю, и потому, что у работника нет таких финансовых возможностей по привлечению ведущих специалистов в области трудового права, способствующих выработке выигрышной стратегии и тактики для защиты своих прав в суде, какими обладает и пользуется работодатель. Эти обстоятельства в значительной степени влияют на принимаемые судебные решения. Добавляют социальной остроты такие ситуации, когда работник обращается в суд, а его трудовой спор вообще не рассматривается по причинам пропуска срока исковой давности, особенно если оценка причин пропуска срока не имеет четких критериев и в ряде случаев одни и те же обстоятельства дают шанс и срок судом восстанавливается, а в других случаях они же являются недостаточными. Подобные ситуации не только подрывают веру в справедливость, но и вызывают недоверие ко всей судебной системе» [9, с. 195].

Н. Н. Старцев пишет: «Необходимо тщательно исследовать все обстоятельства, послужившие причиной пропуска работником установленного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора. Оценивая, является ли то или иное обстоятельство достаточным для принятия решения о восстановлении пропущенного срока, суд не должен действовать произвольно, а обязан проверять и учитывать всю совокупность обстоятельств конкретного дела, не позволивших работнику своевременно обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора» [9, с. 198].

Правоприменение нуждается в уточнении сформулированного подхода. Совпадающее по названию обстоятельство далеко не во всех случаях влечет равный правовой эффект: недомогание либо подкрепляется меди-

цинской справкой, либо заявляется голосовно, а жалоба, направленная в трудовую инспекцию, поступает адресату вовремя или уже за пределами отведенного периода. Отсюда вытекает затруднение для сотрудника — заблаговременно просчитать шансы на восстановление пропущенного времени и собрать нужный пакет бумаг.

Подача иска открывает разбирательство, а не завершает его. 154-я статья Гражданского процессуального кодекса отводит на разрешение дела в общем порядке двухмесячный период, отсчитываемый от регистрации заявления канцелярией. Иск о возврате уволенного на прежнее место укладывается в месяц. Прочие индивидуальные конфликты в сфере труда, включая требования об оплате труда либо оспаривание перевода как неправомерного, отдельным предельным периодом разбирательства законодатель не ограничил [2].

Фактическое время разрешения спора складывается из нескольких этапов. Суд принимает заявление, решает вопросы подготовки дела, истребует документы, рассматривает ходатайства, проводит заседания, выносит решение, а затем дело может перейти в апелляционную инстанцию. При доказательственной зависимости работника от работодателя особое значение приобретает своевременное истребование кадровых документов и сведений о выплатах.

Е. В. Михайлова видит противоречие между исковой формой процесса и реальным положением работодателя, в распоряжении которого находится значительная часть доказательств [7]. Сокращение сроков рассмотрения дел Р. Р. Долотина называет одним из направлений развития судебной защиты трудовых прав и связывает затянутость процессов с отсутствием в России специализированных трудовых судов [6]. Позиции обоих авторов, если рассматривать их вместе, выходят за рамки вопроса о длительности процесса. Календарный срок сам по себе, как следует из их рассуждений, не гарантирует равенства сторон, если доказательства собираются лишь после нескольких заседаний.

Значение времени не исчезает и после оглашения судебного акта.

Статья 211 ГПК РФ предусматривает немедленное исполнение решений двух видов: о восстановлении на работе и о выплате работнику заработной платы в течение трех месяцев. Незаконно уволенный работник благодаря немедленному исполнению может вернуться к работе еще до окончания обычного срока на апелляционное обжалование. По денежному требованию быстрота исполнения, однако, не освобождает суд от обязанности рассчитать точную сумму и определить пределы, в которых решение исполняется немедленно [2].

Оплату вынужденного прогула С. Ю. Головина и К. А. Белозерова рассматривают с двух сторон: как средство защиты работника и как форму материальной ответственности работодателя [5]. Затягивание спора способно увеличить сумму выплаты, но возвращения на работу в срок деньги не компенсируют. Работник, чей спор не разрешен, на практике может утратить место в коллек-

тиве и профессиональные связи, а в течение всего разбирательства остается без заработка.

На продолжительность защиты влияет и досудебная стадия. По наблюдениям У. И. Вишневой, комиссии по трудовым спорам работают с недостатками, работники плохо осведомлены о своих возможностях, а медиация применяется редко [1]. Обращение работника в досудебный орган суду необходимо учитывать при оценке его поведения и причин пропуска срока, но в обязательное условие доступа к правосудию досудебная процедура превращаться не должна.

Процессуальные сроки по индивидуальному трудовому спору образуют последовательность, в которую входят:

- обнаружение нарушения;
- обращение в суд с иском;
- подготовка дела и его рассмотрение;
- обжалование судебного акта;
- исполнение судебного решения.

Звенья последовательности закреплены в разных нормах, согласованность между которыми соблюдается не всегда, так что даже своевременное обращение в суд не гарантирует работнику быстрой защиты.

Помимо рассогласования сроков, длительность защиты зависит от следующих факторов:

- 1) неравного доступа сторон к доказательствам;
- 2) неясности момента нарушения в цифровой и платформенной занятости;
- 3) разноречивость в учете досудебных обращений.

Табели, приказы, графики занятости, расчетные листки и ведомости по оплате труда, основания перевода либо прекращения трудового договора, равно как и деловая переписка, адресованная сотруднику, хранятся у нанимателя. Отказ раскрыть перечисленное растягивает процесс: сторона, лишенная доступа к первичным носителям, обязана подтверждать обстоятельства, изначально известные одному лишь оппоненту. Запрос о выдаче материалов судья направляет еще при подготовке дела к слушанию, а нежелание организации исполнить требование подлежит самостоятельной оценке по правилам процессуального закона.

Труд исполнителя, а также сумма причитающегося ему вознаграждения доказываются обычно цифровой перепиской сторон, материалами платформы, содержимым учетной записи, документооборотом внутри системы электронного обмена. Момент, начиная с которого сотруднику стало известно об ущемлении собственных прав, применительно к цифровому взаимодействию законодатель не урегулировал. Разрешая спор о переквалификации сложившихся связей в трудовые, судья вынужден определять точку отсчета по реальному содержанию занятости, тогда как название подписанного соглашения решающей роли не играет.

К досудебным обращениям также нужен единообразный подход.

Работник может написать заявление работодателю либо обратиться в инспекцию труда, прокуратуру или комиссию по трудовым спорам. Приостановление срока об-

ращения в суд перечисленные шаги автоматически влечь не должны, иначе возникнет неопределенность. При решении вопроса о восстановлении пропущенного срока их, однако, нужно принимать во внимание, если они приняты до его истечения и касаются нарушения, оспариваемого в суде.

Конкретные предложения по совершенствованию законодательства

Для устранения указанных проблем предлагается закрепить следующие положения.

1. Дополнить ч. 5 ст. 392 ТК РФ положением о том, что при решении вопроса о восстановлении срока суд учитывает обращение работника в государственную инспекцию труда, прокуратуру, профсоюз или комиссию по трудовым спорам, если обращение связано с тем же нарушением и совершено до истечения срока обращения в суд.

2. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ отдельно разъяснить порядок установления момента, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении права по делам о признании отношений трудовыми. Для дистанционной и платформенной занятости таким моментом не должна считаться только дата заключения гражданско-правового договора.

3. Часть 1 ст. 154 ГПК РФ дополнить абзацем: «Гражданские дела по индивидуальным трудовым спорам рассматриваются и разрешаются судом до истечения одного месяца со дня принятия заявления к производству».

4. Предусмотреть в ч. 1 ст. 152 ГПК РФ особый срок подготовки дел по индивидуальным трудовым спорам: предварительное судебное заседание проводится не позднее четырнадцати дней после вынесения определения о подготовке дела к судебному разбирательству. К мо-

менту заседания суд истребует у работодателя кадровые документы, расчетные листки, сведения о начислениях и электронные материалы.

5. Включить в перечень дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства (ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ), требования работника о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы при условии, что ее размер подтверждается расчетными листками, бухгалтерскими справками или иными документами работодателя. Право сторон представить возражения и доказательства при упрощенном рассмотрении сохраняется.

6. Установить в ст. 392 ТК РФ, что при подаче иска в электронном виде датой обращения в суд считается дата отправки документа через информационную систему, предусмотренную законом, зафиксированная ее техническими средствами.

Заключение

Процессуальные сроки по индивидуальным трудовым спорам взаимосвязаны, поэтому оценивать их нужно в совокупности, как единый период судебной защиты. От срока обращения зависит доступ к правосудию, от срока рассмотрения — своевременность решения, а по исполнению видно, восстановлено ли право в действительности. Законодательство содержит отдельные гарантии, но между ними остается разрыв.

Сократить разрыв можно, если выработать единые критерии восстановления срока, истребовать доказательства на ранней стадии, ввести специальный срок рассмотрения трудовых дел и уточнить порядок электронной подачи иска.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/34715> (дата обращения: 23.09.2026).
4. Вишнева У. И. Основные проблемы досудебной защиты прав работника // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 79–83.
5. Головина С. Ю., Белозерова К. А. Оплата вынужденного прогула: способ защиты работника или мера наказания работодателя? // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 135–144.
6. Долотина Р. Р. Судебная защита трудовых прав работников в России и Южно-Африканской Республике // Трудовое право в России и за рубежом. 2026. № 2. С. 49–51.
7. Михайлова Е. В. Судебная и несудебная защита трудовых прав в России // Пролог: журнал о праве. 2025. № 1. С. 82–90.
8. Родионов А. О. Процессуальные гарантии работников по законодательству государств-членов ЕАЭС при рассмотрении индивидуальных трудовых споров // European and Asian Law Review. 2024. Т. 7, № 4. С. 74–83.
9. Старцев Н. Н. Основания восстановления пропущенного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора: некоторые правовые аспекты // Российский ежегодник трудового права. 2021. Вып. 11. С. 195–205.
10. Толкачев Н. С. Сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора: историко-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 137–149.
11. Ясинская-Казаченко А. В. Интерпретация юридических фактов в суде при движении трудового спора // Ежегодник трудового права. 2023. Вып. 13. С. 180–194.

Процессуальные особенности несостоятельности (банкротства) юридических лиц в Российской Федерации в современный период

Скочкова Светлана Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Введение

Несостоятельность (банкротство) юридических лиц представляет собой сложный правовой институт, в рамках которого арбитражный суд разрешает вопросы, связанные с неплатёжеспособностью должника, установлением требований кредиторов, формированием конкурсной массы и распределением имущества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения эффективной судебной защиты, предупреждения злоупотреблений со стороны участников и соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Специфика банкротства состоит в том, что судебное разбирательство не ограничивается разрешением отдельного имущественного спора. Оно предполагает координацию требований множества кредиторов, контроль за действиями арбитражного управляющего и применение специальных процессуальных механизмов, направленных на сохранение имущества должника и справедливое распределение конкурсной массы.

Цель настоящего исследования — выявить процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве юридических лиц в Российской Федерации и определить направления совершенствования судебной практики.

1. Правовая природа и нормативная основа производства по делам о банкротстве

Производство по делам о банкротстве представляет собой особую форму арбитражного судопроизводства, сочетающую разрешение имущественных споров с судебным контролем за коллективной процедурой удовлетворения требований кредиторов. Его особенности обусловлены необходимостью учитывать интересы не только непосредственных участников конкретного спора, но и всей совокупности кредиторов.

Нормативную основу составляют Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) и Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). В соответствии с частью 1 статьи 223 АПК РФ и пунктом 1 статьи 32 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дела рассматриваются арбитражным судом по правилам АПК РФ с особенностями, установленными специальным законодательством.

Соотношение общего и специального регулирования означает, что нормы АПК РФ определяют общие правила доказывания, извещения участников, исследования до-

казательств и обжалования судебных актов, тогда как ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает специальные условия предъявления требований, введения процедур и реализации полномочий управляющего.

Важное значение имеет постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Его положения применяются в части, сохраняющей актуальность и не противоречащей последующему законодательству и разъяснениям Верховного суда РФ.

Таким образом, правовая природа банкротства определяется сочетанием состязательности, процессуального равноправия и повышенной роли судебного контроля. Последний необходим для предупреждения фиктивного формирования задолженности, недобросовестного распоряжения активами и нарушения очередности удовлетворения требований.

2. Возбуждение дела и введение процедур банкротства

Возбуждение дела о банкротстве осуществляется арбитражным судом на основании заявления должника, конкурсного кредитора, уполномоченного органа либо иного лица, имеющего соответствующее право по закону. Условия обращения, право на подачу заявления и требования к его содержанию регулируются статьями 6–7, 33 и 37–41 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

На первоначальном этапе суд проверяет соблюдение требований к заявлению, наличие необходимых документов и подтверждение обстоятельств, позволяющих инициировать производство. В зависимости от выявленных недостатков заявление может быть принято, оставлено без движения или возвращено в предусмотренных законом случаях.

Принципиальное значение имеет разграничение принятия заявления и проверки его обоснованности. В соответствии со статьёй 48 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» суд исследует наличие предусмотренных законом оснований для дальнейшего движения дела и введения наблюдения либо принимает иное предусмотренное законом решение. Само принятие заявления не означает признания должника банкротом.

При рассмотрении заявления суд должен оценить обоснованность требований, размер задолженности и соблюдение установленных законом условий. При этом наличие судебного акта о взыскании долга не исключает проверки специальных предпосылок, необходимых для применения законодательства о банкротстве.

Закон предусматривает наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство и мировое соглашение. Каждая процедура имеет самостоятельное назначение и предполагает соответствующий объём судебного контроля.

Наблюдение направлено на сохранение имущества, анализ финансового состояния должника и формирование реестра требований кредиторов. Финансовое оздоровление и внешнее управление ориентированы на восстановление платёжеспособности при наличии необходимых условий. Конкурсное производство предполагает формирование конкурсной массы, реализацию имущества и расчёты с кредиторами в установленной законом очерёдности. Мировое соглашение позволяет урегулировать задолженность на согласованных условиях при соблюдении предусмотренного законом порядка и судебном утверждении.

Соблюдение процессуальных сроков на каждой стадии имеет существенное значение. Затягивание рассмотрения споров может привести к утрате активов и увеличению расходов, однако ускорение процедуры не должно достигаться за счёт ограничения права участников на извещение, представление доказательств и судебную защиту.

3. Участники дела и особенности судебного контроля

К основным участникам производства относятся должник, конкурсные кредиторы, уполномоченные органы, арбитражный управляющий и иные лица в случаях, предусмотренных законом. Их процессуальное положение зависит от характера рассматриваемого вопроса и стадии процедуры.

Кредиторы вправе предъявлять требования, заявлять возражения, участвовать в собраниях кредиторов, обжаловать предусмотренные законом судебные акты и действия управляющего. Должник вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства и оспаривать доводы других участников. Реализация указанных прав должна осуществляться добросовестно и не приводить к необоснованному затягиванию производства.

Арбитражный управляющий занимает особое положение. Он не является представителем исключительно должника или отдельного кредитора, поскольку должен действовать добросовестно и разумно в рамках предоставленных законом полномочий. К его обязанностям относятся анализ финансового состояния должника, выявление и сохранение активов, работа с дебиторской задолженностью, проведение предусмотренных законом мероприятий и предоставление необходимой информации суду.

Судебный контроль охватывает проверку обоснованности требований, разрешение разногласий, оценку действий управляющего, оспаривание сделок и рассмотрение вопросов о вознаграждении. При этом суд не подменяет участников в осуществлении их процессуальных прав, но обязан обеспечить законность процедуры и защиту интересов лиц, на которых распространяются её последствия.

Научное значение такого подхода подчёркивается А. А. Высочкиной, Д. С. Пикаловым и Р. В. Фомичёвой, исследующими конфликт частных и публичных интересов при банкротстве. Авторы обращают внимание на необходимость соразмерного ограничения процессуальных прав ради эффективности процедуры при сохранении принципа состязательности [1].

4. Установление требований кредиторов и доказывание

Установление требований кредиторов представляет собой один из наиболее значимых обособленных споров в деле о банкротстве. От его результата зависят состав реестра, объём процессуальных прав кредитора и возможность получения удовлетворения за счёт имущества должника.

Порядок установления требований регулируется, в частности, статьями 71 и 100 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Статья 71 применяется при предъявлении требований в ходе процедуры наблюдения, а статья 100 устанавливает порядок их предъявления в рамках процедур, для которых предусмотрено соответствующее регулирование, включая внешнее управление и конкурсное производство.

Согласно статьям 65 и 71 АПК РФ каждое участвующее в деле лицо доказывает обстоятельства, на которые ссылается, а суд оценивает доказательства в совокупности. Кредитор должен подтвердить основание обязательства, размер задолженности, факт предоставления встречного исполнения и наступление срока платежа.

В соответствии с пунктом 26 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 35 признание должником обстоятельств, на которых основано требование кредитора, само по себе не освобождает заявителя от обязанности представить достаточные доказательства. Это исключает формальное включение задолженности в реестр на основании согласованной позиции должника и кредитора.

В особом внимании нуждаются требования контролирующих должника и аффилированных лиц. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 41 посвящено установлению требований таких лиц в ходе процедур банкротства [2]. При наличии обстоятельств, вызывающих обоснованные сомнения в реальности обязательства, суду необходимо исследовать экономическое содержание операции, движение денежных средств и доступность доказательств для участников.

Вместе с тем наличие аффилированности само по себе не должно автоматически вести к отказу во включении требования в реестр. Суд обязан установить конкретные обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора, и мотивировать выводы о достоверности доказательств.

Таким образом, задача суда состоит в достижении баланса между предупреждением фиктивного формирования задолженности и защитой добросовестного кредитора. Для этого необходимы последовательное применение правил о бремени доказывания и подробная мотивировка судебных актов.

5. Судебная практика и проблемы правоприменения

Современные подходы к рассмотрению дел о банкротстве отражены в тематическом обзоре Верховного суда РФ «О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год», утвержденном постановлением Президиума Верховного суда РФ от 29 апреля 2026 г. № 7А/2026 [3].

В частности, в обзоре рассмотрен вопрос определения размера требования, выраженного в иностранной валюте. Верховный суд РФ разграничил валюту долга и валюту платежа, указав на необходимость учитывать согласованный сторонами порядок конвертации при отсутствии признаков недобросовестности. Судебный контроль в данном случае направлен на установление действительного содержания обязательства, а не на формальное применение курса валюты без исследования договорных условий.

Эта позиция показывает, что при установлении требований кредиторов суд должен исследовать договор и применимые положения статей 140 и 317 ГК РФ, определять валюту долга и валюту платежа и проверять законность согласованного механизма расчёта. Такой подход способствует правильному определению размера задолженности и предупреждает необоснованное уменьшение реестрового требования [3].

В том же обзоре рассматривается ответственность арбитражного управляющего за невзыскание дебиторской задолженности. Верховный суд РФ указал на необходимость установить причинно-следственную связь между бездействием управляющего и возникшими убытками. Сам факт неполучения денежных средств не означает, что управляющий обязан возместить их стоимость: необходимо оценить, существовала ли реальная вероятность взыскания задолженности при своевременном совершении необходимых действий.

Следовательно, при рассмотрении требований о возмещении убытков суд должен исследовать финансовое состояние дебитора, доступные способы взыскания, своевременность действий управляющего и вероятность поступления денежных средств в конкурсную массу. Такой стандарт позволяет разграничить ненадлежащее исполнение обязанностей и объективную невозможность получить удовлетворение.

Отдельный вопрос касается соразмерности вознаграждения управляющего. Законодательство предусматривает выплату вознаграждения за исполнение возложенных обязанностей, однако наличие формальных оснований для выплаты не исключает судебной оценки качества работы и соблюдения установленных требований. При разрешении соответствующего спора следует учитывать объём и сложность фактически выполненной работы, характер нарушений и их влияние на процедуру.

Из этих подходов вытекают три основные проблемы правоприменения.

Первая проблема — риск включения необоснованных требований в реестр. Её решение требует последовательной проверки первичных документов, реальности хозяйственных операций и экономического содержания отношений, особенно при наличии заинтересованности участников.

Вторая проблема — сложность доказывания убытков, причинённых управляющим. Необходимо установить конкретную нарушенную обязанность, реальную возможность её исполнения и причинно-следственную связь с имущественными потерями. Формальный подход к установлению нарушения и/или освобождению управляющего от ответственности не соответствует задачам банкротного производства.

Третья проблема — обеспечение соразмерности вознаграждения управляющего. Судебный контроль должен исключать необоснованные расходы конкурсной массы, но не создавать неопределённости относительно оплаты добросовестно выполненной работы.

В качестве направлений совершенствования практики целесообразно предложить повышение качества мотивировки судебных актов, более последовательное применение правил о распределении бремени доказывания и развитие организационных механизмов своевременного рассмотрения обособленных споров. Дополнительно необходимо обеспечивать прозрачность действий управляющего и оценивать его работу с учётом фактических результатов и обстоятельств конкретной процедуры.

Заключение

Производство по делам о банкротстве юридических лиц представляет собой особую форму арбитражного судопроизводства, в которой общие процессуальные правила сочетаются со специальными механизмами коллективной защиты имущественных интересов. Его эффективность зависит от правильного возбуждения дела, обоснованного введения процедур, достоверного установления требований кредиторов и надлежащего судебного контроля за действиями арбитражного управляющего.

Анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод, что ключевое значение имеют правильное определение предмета доказывания, соблюдение процессуальных сроков, мотивированное разрешение обособленных споров и соразмерность судебных мер. Суд должен предупреждать злоупотребления, не подменяя при этом участников в реализации их прав и не ограничивая необоснованно доступ к судебной защите.

Совершенствование института банкротства должно быть направлено на укрепление единообразия правоприменения, повышение прозрачности деятельности управляющих и развитие стандартов доказывания. Это позволит обеспечить баланс интересов должника и кредиторов, повысить эффективность процедуры и укрепить законность при рассмотрении дел о несостоятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учётом действующих поправок. — URL: <https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=mv14bceqy2977647821>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/b89690251be5277812a78962f6302560/>
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. — URL: <https://base.garant.ru/12127526/?ysclid=mv14clud8u55902750>
4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». — URL: <https://base.garant.ru/185181/?ysclid=mv14dxfw88704912497>
5. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». — URL: <https://base.garant.ru/70203722/?ysclid=mv14fb6zjv451094816>
6. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника». — URL: <https://base.garant.ru/413363228/?ysclid=mv14htfxi4517302762>
7. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год, утверждённый Президиумом Верховного суда Российской Федерации 25 апреля 2025 г. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411831290/>
8. Тематический обзор Верховного суда Российской Федерации № 5/2026 «О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год», утверждённый постановлением Президиума Верховного суда Российской Федерации от 29 апреля 2026 г. № 7А/2026. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414055409/>
9. Высочкина, А. А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве: конфликт частных и публичных интересов / А. А. Высочкина, Д. С. Пикалов, Р. В. Фомичёва // Вестник экономики, управления и права. — 2025. — Т. 18, № 4. — С. 33–39. — DOI: 10.47475/3034-4247-2025-18-4-33-39.
10. Козырский, Д. А. Особенности возбуждения и рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц в арбитражном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. — 2019. — Т. 15, № 3. — С. 254–257.
11. Верховный суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsr.ru/> (дата обращения: 13.10.2026).
12. Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.10.2026).

Применение расширенного SWOT-анализа для формирования стратегии развития инжиниринговой компании авиационной отрасли

Соловьева Дарья Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается применение расширенного SWOT-анализа для формирования стратегии развития инжиниринговой компании авиационной отрасли на примере российского инженерного центра [5]. Обоснована необходимость модификации классического SWOT-анализа путём интеграции метода анализа иерархий (МАИ). Предложена методика количественной оценки факторов SWOT на основе экспертных оценок. Проведена апробация предложенного подхода, результаты которой показали, что компания находится в зоне SO-стратегии. Сформулированы практические рекомендации по формированию стратегии развития, включающие расширение услуг по поддержанию лётной годности, участие в государственном оборонном заказе и диверсификацию деятельности.

Введение

Авиационная отрасль характеризуется высокой наукоёмкостью, капиталоемкостью и жёсткими требованиями к безопасности. В условиях трансформации внешней среды, связанной с санкционными ограничениями и уходом иностранных партнёров, перед российскими инжиниринговыми компаниями авиационного профиля остро встаёт вопрос о выборе обоснованной стратегии развития.

SWOT-анализ, разработанный в Гарвардской школе бизнеса в 1960-х годах, остаётся одним из наиболее распространённых инструментов стратегической диагностики. Однако, классический подход имеет ряд существенных ограничений: статичность (фиксация состояния на момент анализа), отсутствие количественных оценок и субъективность экспертных суждений. Исследователи отмечают, что традиционный SWOT-анализ не позволяет определить относительную важность факторов и их влияние на стратегические альтернативы, а результаты анализа зачастую сводятся к простому перечислению факторов без комплексной оценки [1].

Для преодоления указанных недостатков в научной литературе предложены гибридные методы, объединяющие SWOT с многокритериальными методами принятия решений. Наиболее известным является подход A'WOT (ANP-weighted SWOT), предложенный М. Kurttila и соавторами, который предполагает использование метода анализа иерархий (МАИ) для приоритизации факторов SWOT [2]. Дальнейшее развитие метод получил в работах I. Yüksel и M. Dagdeviren, применивших метод аналитических сетей (MAC) для учёта взаимозависимостей между факторами.

Вместе с тем, эмпирических исследований, посвящённых применению расширенного SWOT-анализа в деятельности российских инжиниринговых компаний авиационной отрасли, выполняющих государственный оборонный заказ, явно недостаточно. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел на примере российского инженерного центра.

Цель исследования — разработка и апробация методики расширенного SWOT-анализа для формирования стратегии развития инжиниринговой компании авиационной отрасли.

Результаты исследования

Результаты количественной оценки

Для проведения количественной оценки были привлечены пять экспертов: два представителя руководства компании, два отраслевых исследователя и один консультант по промышленной политике. Эксперты проводили парные сравнения факторов с использованием шкалы Саати. Согласованность суждений оценивалась с помощью коэффициента согласованности CR, значения которого для всех матриц оказались ниже 0,10.

Итоговые веса квадрантов:

- Сильные стороны (S): 0,42;
- Слабые стороны (W): 0,14;
- Возможности (O): 0,29;
- Угрозы (T): 0,14.

Комплексные веса факторов (первые пять позиций):

- S8 — Опыт продления ресурса: 0,132;
- S6 — Высококвалифицированный персонал: 0,086;
- O1 — Уход иностранных производителей: 0,080;
- O2 — Программы импортозамещения: 0,080;
- S4 — Сертификат разработчика авиационной техники: 0,053.

Определение стратегической позиции:

$$\Delta x = \Sigma w(S) - \Sigma w(W) = 0,42 - 0,14 = +0,28$$

$$\Delta y = \Sigma w(O) - \Sigma w(T) = 0,29 - 0,14 = +0,15$$

$$\theta = \arctan\left(\frac{0,15}{0,28}\right) \approx 28,2^\circ, \text{ что соответствует зоне SO — стратегии.}$$

Угол меньше 45° , значит, стратегия сильнее опирается на внутренние сильные стороны, чем на внешние возможности, но оба вектора положительны. Это зона SO-стратегии, которая гласит использовать сильные стороны для реализации возможностей. По сути, у компании есть экспертиза (S) и она использует её, чтобы занять освободившиеся ниши (O).

Интерпретация результатов

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Компания находится в стратегически выгодной позиции. Преобладание сильных сторон над слабыми (0,42 против 0,14) и возможностей над угрозами (0,29 против 0,14) указывает на благоприятное сочетание внутренних ресурсов и внешних условий.

Ключевым конкурентным преимуществом является уникальный опыт и статус. Наиболее весомые факторы — S8 (опыт продления ресурса) и S6 (высококвалифицированный персонал) — отражают накопленную за 20 лет экспертизу, которая не может быть быстро воспроизведена конкурентами.

Основные возможности связаны с трансформацией рынка. Высокие веса O1 и O2 отражают объективную ситуацию: уход иностранных контрагентов создаёт уникальное окно возможностей для российских инжиниринговых компаний.

Угрозы носят существенный, но не критический характер. Санкционное давление и ограничения доступа к технологиям (T1, T2) имеют значительный вес, однако внутренние сильные стороны позволяют компании адаптироваться к этим вызовам.

Заключение

В настоящей статье предложена и апробирована методика расширенного SWOT-анализа [4] для формирования стратегии развития инжиниринговой компании авиационной отрасли. На примере рассмотренной компании показано, что интеграция метода анализа иерархий в классическую SWOT-модель позволяет:

- количественно оценить значимость факторов путем введения весовых коэффициентов, что позволяет ранжировать факторы по степени влияния на стратегический выбор;
- определить стратегическую позицию компании;
- обосновать выбор стратегических альтернатив и на основе количественных оценок сформулировать конкретные рекомендации по четырём типам стратегий.

Основной вывод исследования: рассмотренная компания обладает уникальными конкурентными преимуществами, которые создают основу для реализации наступательной стратегии. Наиболее перспективной представляется комбинированная стратегия SO+ST, направленная на использование внутренних сильных сторон для максимизации возможностей рынка при одновременной защите от внешних угроз.

Практическая значимость предложенного подхода состоит в возможности его применения другими инжиниринговыми компаниями авиационной отрасли, а также предприятиями других высокотехнологичных отраслей, сталкивающимися с необходимостью стратегического выбора в условиях неопределённости.

Литература:

1. Utilizing the analytic hierarchy process (AHP) in SWOT analysis — a hybrid method and its application to a forestcertification case / M. Kurttila, M. Pesonen, J. Kangas, M. Kajanus. — Текст: непосредственный // Forest Policy and Economics. — 2000. — № Vol. 1. — С. 41–52.
2. Yüksel, I. Using the analytic network process (ANP) in a SWOT analysis — A case study for a textile firm / I. Yüksel, M. Dagdeviren. — Текст: непосредственный // Information Sciences. — 2007. — № Vol. 177. — С. 3364–3382.
3. Saaty, T. L. The Analytic Hierarchy Process / T. L. Saaty. — New York: McGrawHill, 1980. — Текст: непосредственный.
4. Yavuz, F. Application of combined Analytic Hierarchy Process (AHP) and SWOT for integrated watershed management / F. Yavuz, T. Baycan. — Текст: непосредственный // International Journal of the Analytic Hierarchy Process. — 2014. — № T. 6, № 1. — С. 3–34.
5. Сертификаты разработчика авиационной техники. — Текст: электронный // Росавиация: [сайт]. — URL: <https://old.favt.gov.ru/novosti-sertifikacii-avia-tehniky> (дата обращения: 24.10.2026).

Правовая природа унитарных некоммерческих организаций: развитие идей А. Бринца о целевом имуществе

Солтис Олег Сергеевич, независимый исследователь (г. Москва)

В статье исследуется доктринальный вопрос правовой природы фондов и автономных некоммерческих организаций (АНО). Автор критикует традиционный подход к признанию данных структур юридическими лицами ввиду отсутствия у них автономии воли. В качестве теоретического фундамента используется концепция целевого имущества (Zweckvermögen) А. Бринца, а также проводится сравнительно — правовой анализ с германским институтом Stiftung.

Ключевые слова: юридическое лицо, унитарные организации, автономия воли, целевое имущество, Алоиз фон Бринц, Stiftung, фонды, АНО.

В современной правовой науке существует вопрос о правовой природе юридического лица. Этот вопрос остается дискуссионным. Действующее законодательство

Российской Федерации разделяет систему юридических лиц на организации корпоративные и унитарные. К числу последних относятся фонды и автономные некоммер-

ческие организации (АНО). Традиционный подход, берущий начало в классической теории фикции Ф. К. фон Савиньи, наделяет любое юридическое лицо статусом самостоятельного субъекта права, обладающего собственной волей (автономией воли).

Однако детальный доктринальный анализ сущности унитарных НКО выявляет серьезное теоретическое противоречие: в отличие от корпораций, фонды и автономные некоммерческие организации де-факто лишены имманентного признака фиктивного субъекта — автономии воли. Воля данных организаций жестко привязана к воле лиц ее создавших.

Настоящая работа направлена на обоснование тезиса о том, что фонды и АНО по своей юридической природе являются не лицами, а обособленными имущественными комплексами. Теоретическим фундаментом данного исследования выступает концепция «целевого имущества» (*Zweckvermögen*) немецкого правоведа Алоиза фон Бринца, утверждавшая возможность существования прав и обязанностей, привязанных к определенной цели, а не к субъекту. В рамках статьи природа унитарных НКО рассматривается через призму зарубежного опыта — института *Stiftung* в германском праве. На конкретных примерах правоприменительной практики автором демонстрируется фатальная зависимость функционирования АНО и фондов от внешних механизмов волеобразования, что ставит под сомнение целесообразность их признания полноценными юридическими лицами и субъектами права.

Кризис волеобразования в автономной некоммерческой организации и фонде.

В правовой науке в особенности в гражданском праве существует множество концепций, интерпретирующих юридическое лицо. Первым юристом, выведшим данную категорию в качестве полноценного субъекта, является Ф. К. фон Савиньи, именно он предложил наделять субъектностью фикцию, которой не существует, присвоив ей свойство автономии воли. Основная идея этого свойства состоит в том, что у фиктивного лица существует дистанция между лицами, являющимися его учредителями и ним самим, и оно от своего имени самостоятельно через свои органы может приобретать гражданские права и обязанности, как реальная личность в обороте. Более того дополнительно данное свойство подтвердил русский цивилист и правовед Д. М. Генкин, предложивший считать одним из критериев юридического лица возможность его существования и функционирования при выбытии его учредителей [3, с. 5].

В автономной некоммерческой организации данное свойство юридического лица отсутствует полностью. Рассмотрим стандартную, но фатальную для автономной некоммерческой организации правовую ситуацию: у АНО имеется единственный учредитель, который скоропостижно умирает, или его ликвидируют. В силу специфики данной организационно-правовой формы, правопреемство здесь невозможно, ввиду того обстоятельства, что права учредителя не входят в состав наследственной

массы и не могут быть переданы по наследству. В случае, если в уставе не был детально прописан автономный механизм кооптации (самовосполнения) высшего органа управления, организация мгновенно попадает в полный правовой паралич.

Схожая ситуация наблюдается и в механизме функционирования фондов. Если попечительский совет фонда распускается или прекращает свою деятельность, а устав не предусматривает субсидиарных инструментов формирования нового состава, волеобразование внутри структуры прекращается.

В подобных ситуациях складывается уникальный правовой парадокс: организация имеет самостоятельный баланс, штат сотрудников, расчетные счета и полностью обособленное имущество, однако она полностью теряет свойства субъекта права, так как лишается способности изъявлять юридическую волю. В результате Главные управления Минюста России по субъектам РФ при обнаружении таких организаций вынуждены инициировать процедуру их принудительной ликвидации в судебном порядке, как об этом и указано в п. 2.2 ст. 18 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и судебной практике, касающееся принудительно ликвидации фондов.

Данный практический аспект наглядно подтверждает справедливость доктрины Алоиза фон Бринца о целевом имуществе (*Zweckvermögen*). Признание АНО и фондов юридическими лицами в российском праве является онтологической ошибкой и технико-законодательным инструментом, необходимым исключительно для обособления активов от имущества их создателей, и легитимации данных организаций в качестве лиц. Как только внешняя воля учредителя исчезает, субъектность аннулируется, доказывая, что перед нами не фиктивное лицо, обладающее автономией воли, а институционализированный имущественный комплекс.

В этом контексте фонды и АНО демонстрируют абсолютное концептуальное тождество с германским институтом *Stiftung* (фондом-учреждением), правовое регулирование которого подчинено нормам Германского гражданского уложения (BGB). В немецкой доктрине *Stiftung* традиционно рассматривается не как союз лиц (корпорация), а как обособленная масса имущества (*Vermögensmasse*), наделенная целевым назначением. Действия управляющих таким имуществом жестко ограничены «волей мертвой руки» первоначального учредителя. Российский законодатель, попытавшись облечь целевое имущество в жесткие рамки классического юридического лица, создал внутреннее противоречие, которое регулярно приводит к ликвидации юридически нежизнеспособных организаций из-за формального отсутствия волевого центра.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что конструкция фондов и автономных некоммерческих организаций в РФ не в полной мере отвечает классическим признакам юридического лица ввиду отсутствия

автономии воли. Практика вынужденной ликвидации таких организаций органами Минюста при выбытии учредителей наглядно доказывает их техническую, инструментальную природу. Представляется необходимым на доктринальном и законодательном уровнях признать

дуализм системы юридических лиц в России, разграничив динамические союзы лиц (корпорации) и статичные персонифицированные целевые имущества (унитарные организации), по аналогии с европейским опытом регулирования институтов *Stiftung*.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 145.
3. Генкин, Д. М. Значение юридического лица в советском гражданском обороте / Д. М. Генкин // Ученые записки ВИЮН. — 1941. — Вып. 3. — С. 3–21.
4. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право: учебное пособие / Е. А. Суханов. — Москва: Statut, 2014. — 456 с.
5. Brinz, A. Lehrbuch der Pandekten / A. Brinz. — Erlangen: Deichert, 1857. — 612 s.

Распределение бремени доказывания при оспаривании подозрительных сделок должника

Сорокина Ася Ивановна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуется распределение бремени доказывания при оспаривании подозрительных сделок по статье 61.2 Закона о банкротстве. Разграничиваются предмет доказывания, доказательственные обязанности и стандарт убедительности доказательств. На основе нормативного анализа и судебной практики предлагается последовательность установления исходных фактов, применения презумпций и оценки их опровержения. Обосновывается, что аффилированность сторон и отклонение договорной цены от рыночной требуют оценки в контексте конкретного состава недействительности. Предлагаются рекомендации по структурированию судебной мотивировки.

Ключевые слова: банкротство, подозрительная сделка, бремя доказывания, презумпция, аффилированность, неравноценное исполнение.

Постановка проблемы

Конкурсное оспаривание позволяет возвратить имущество, выбывшее из сферы удовлетворения требований кредиторов. Однако сам факт последующего банкротства не делает недействительной каждую ранее совершенную сделку. В обособленном споре требуется установить определенную законом совокупность обстоятельств. Затруднение возникает тогда, когда ссылки на аффилированность, низкую цену или необычность расчетов заменяют анализ состава недействительности.

Цель настоящей статьи — предложить последовательность распределения доказательственных обязанностей при применении статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1]. Используются формально-юридический метод и качественный анализ судебных позиций. Исследование не включает статистическую выборку и не оценивает частоту удовлетворения заявлений. Его результат — модель аргументации, позволяющая про-

верить связь между основанием оспаривания и каждым доказательственным выводом.

Предмет доказывания определяется правовым основанием

Пункт 1 статьи 61.2 предусматривает оспаривание сделки с неравноценным встречным исполнением, совершенной в течение одного года до принятия заявления о банкротстве либо после его принятия. Для данного состава требуется установить существенное ухудшение условий для должника по сравнению с условиями аналогичных сделок в сопоставимых обстоятельствах. Доказывание намерения причинить вред и осведомленности другой стороны не составляет самостоятельного условия этого основания [1; 3].

Пункт 2 той же статьи регулирует сделку, совершенную в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, в пределах трехлетнего периода до принятия за-

явления либо после его принятия. Здесь юридическое значение имеют цель, причиненный вред и знание контрагентом указанной цели. Закон предусматривает презумпции, облегчающие установление отдельных элементов при наличии определенных исходных обстоятельств [1].

Из этого разграничения следует, что одинаковый факт может иметь разное значение. Цена, существенно отличающаяся от сопоставимой рыночной цены, непосредственно относится к анализу неравноценности; при применении пункта 2 она может выступать частью более сложной доказательственной картины. Нельзя без объяснения считать низкую цену достаточным подтверждением одновременно цели, вреда и осведомленности.

Отдельный вопрос составляет предпочтительное удовлетворение по статье 61.3 Закона о банкротстве. Здесь оценивается изменение положения кредитора относительно других кредиторов. Сроки и условия этого состава отличаются от статьи 61.2. Поэтому переход от одного основания к другому требует самостоятельного правового обоснования, а не только замены номера статьи. В настоящей работе предпочтение рассматривается как граница исследуемого института.

Бремя доказывания и стандарт убедительности

По общему правилу статьи 65 АПК РФ участник дела доказывает обстоятельства, на которые ссылается. Статья 71 АПК РФ требует оценивать доказательства в совокупности и исключает заранее установленную силу отдельного доказательства [2]. Бремя доказывания отвечает на вопрос о том, кто несет риск неустановления факта. Стандарт доказывания характеризует достаточность и убедительность представленного материала. Смещение этих вопросов создает впечатление, что наличие банкротства автоматически освобождает заявителя от первоначального обоснования требований.

В литературе рассматриваются различные стандарты доказывания в банкротных спорах и соотношение самостоятельности с активной ролью суда [4]. Из этого не следует существование единого правила об обязанности любого ответчика опровергать все предположения управляющего. Прежде необходимо определить спорный факт и установить, какое основание позволяет потребовать от другой стороны дополнительного раскрытия информации.

Информационная асимметрия действительно может затруднять защиту конкурсной массы. Управляющий или кредитор не всегда располагает документами о внутренней хозяйственной логике операции. Тем не менее предположение должно опираться на конкретные обстоятельства: последовательность переходов имущества, особенности расчетов, отсутствие обычных следов исполнения, связь участников. В ответ на содержательно обоснованные доводы контрагент представляет доступное ему объяснение и подтверждающие материалы. Суд оценивает, насколько это объяснение устраняет выявленные противоречия.

Презумпция требует установления исходных фактов

Презумпция не тождественна признанию иска. Ее применение предполагает, что доказаны факты, при которых закон допускает соответствующее предположение. При этом объем презумпции ограничивается конкретным элементом состава. Установление заинтересованности лица не должно автоматически подменять проверку всех остальных условий оспаривания. Опровержимый характер презумпций является существенной гарантией защиты ответчика [5].

Предлагается выделять в судебной аргументации четыре последовательных действия. Сначала суд называет подлежащий установлению юридический факт. Затем указывает доказанные обстоятельства, запускающие презумпцию, и ее нормативное основание. После этого рассматривает объяснения и доказательства другой стороны. Наконец, формулирует вывод о сохранении либо опровержении предположения. Пропуск одного из этих действий затрудняет проверку мотивировки при обжаловании.

Особого внимания требует аффилированность. Она может облегчать обмен информацией между сторонами и объяснять необычные условия взаимодействия, но сама по себе не описывает экономический результат операции. Исследования внутригрупповых сделок показывают необходимость учитывать содержание общего интереса и его соотношение с интересами конкретного должника [6]. Поэтому довод о связанности лиц должен сопровождаться объяснением того, какое значение этот факт имеет для избранного основания оспаривания.

Контекст встречного исполнения в судебной практике

В определении от 08.05.2024 № 305-ЭС17–21643(3) Верховный Суд РФ рассмотрел спор о предоставлении жилья работнику должника. Для оценки встречного исполнения значение имели не только денежные условия договора, но и документально подтверждаемые обстоятельства трудовых отношений. Суд указал на необходимость оценки контекста операции [7].

Для распределения доказательственных обязанностей эта позиция означает следующее. Заявитель обосновывает неравноценность с учетом сопоставимых условий. Ответчик, ссылающийся на трудовой вклад как встречное предоставление, раскрывает основания такого объяснения. Суд проверяет связь между работой, системой поощрения и спорным отчуждением, не принимая утверждение о пользе работника как самостоятельное доказательство.

Такой подход закреплен в пункте 7 Обзора судебной практики по банкротству за 2024 год, утвержденного 25.04.2025 [8]. Это обобщение одной правовой линии, а не самостоятельное подтверждение на иной выборке дел. Для правоприменения существенен отказ от механического процентного критерия: отклонение цены требует объяснения в конкретных обстоятельствах.

В научном анализе неравноценного исполнения отдельно обсуждаются притворность условий о цене и возможность устранения неравноценности [9]. Эти вопросы показывают, почему доказательство рыночной стоимости

не заменяет проверку факта оплаты. Если цена указана в договоре, но исполнение отсутствует, предмет исследования меняется: необходимо установить действительное содержание отношений, а не ограничиваться сравнением двух чисел.

Предлагаемая последовательность анализа

На первом этапе определяется требование и точное основание недействительности. Формулировка должна позволять отличить неравноценность, причинение вреда и предпочтение. Затем проверяются дата принятия заявления о банкротстве, момент совершения или исполнения оспариваемого действия и соответствующий период подозрительности. Исковая давность анализируется отдельно.

На втором этапе составляется перечень юридически значимых фактов. Напротив каждого факта фиксируются представившая доказательство сторона, содержание документа или объяснения и имеющиеся противоречия. Например, отчет об оценке подтверждает определенные параметры стоимости, но не саму оплату; выписка по счету отражает движение средств, но нуждается в сопоставлении с основанием платежа.

На третьем этапе отдельно проверяются условия каждой презумпции. В мотивировке следует указать, какой элемент состава считается установленным предположительно и почему. Если ответчик представил альтернативное объяснение, оцениваются его проверяемость, согласованность с другими доказательствами и способность объяснить выявленные аномалии.

На четвертом этапе формулируется итоговый вывод по составу в целом. Недоказанность одного обязательного

элемента нельзя компенсировать общей отрицательной оценкой поведения должника. При удовлетворении заявления необходимо также определить надлежащие последствия, не смешивая признание недействительности с вопросом о фактической исполнимости возврата имущества.

Предлагаемая последовательность не вводит новые презумпции и не меняет закрепленные законом обязанности. Ее практическое назначение состоит в упорядочении аргументации сторон и суда. Она позволяет обнаружить, когда спор действительно касается недостатка доказательств, а когда — неправильной квалификации или нерассмотренного возражения.

Заключение

Распределение бремени доказывания при оспаривании подозрительных сделок должно следовать структуре применяемого состава. Для неравноценного исполнения и сделки, направленной на причинение вреда, различаются юридически значимые обстоятельства; это различие сохраняется и при участии аффилированных лиц. Презумпции облегчают установление конкретных элементов, но требуют подтверждения исходных фактов и рассмотрения опровержения.

Предложена последовательность анализа, объединяющая квалификацию, временные границы, карту фактов, проверку презумпций и итоговую мотивировку. Ее применение может повысить прозрачность рассмотрения обособленного спора. Эффективность модели требует дальнейшей проверки на расширенной выборке судебных актов; настоящая работа обосновывает ее нормативную и логическую согласованность.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Глава III.1, статьи 61.2, 61.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Статьи 65, 71. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/18342/>.
4. Сергеева С. Л. Стандарты доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 26–30. URL: <https://lawinfo.ru/en/articles/1977/standarty-dokazyvaniya-v-delax-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve>.
5. Антонов М. А. Презумпция недобросовестности как инструмент защиты прав кредиторов в банкротстве // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 129–133.
6. Кондратьев В. А. Оспаривание внутригрупповых сделок по правилам Закона о банкротстве // Право и бизнес. 2024. № 4. С. 29–35. DOI: 10.18572/2712–8865–2024–4–29–35.
7. Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 08.05.2024 № 305-ЭС17–21643(3) по делу № А40–120633/2014. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2363038.
8. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025. Пункт 7. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34365/>.
9. Федотов Д. В. Некоторые проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 11. С. 36–40. DOI: 10.18572/1812–383X–2024–11–36–40.

Особенности расследования разбойных нападений

Титоренко Полина Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются основные особенности расследования разбойных нападений. Анализируются значение первоначальных следственных действий, специфика допроса несовершеннолетних, влияние способа совершения преступления на выбор направлений расследования и особенности установления признаков организованной группы. Рассматриваемые положения соотносятся с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: разбойное нападение, расследование преступлений, следственные действия, допрос, осмотр места происшествия, несовершеннолетний, организованная группа.

Расследование разбойных нападений направлено на установление обстоятельств преступления, выявление причастных лиц и собирание доказательств, необходимых для правильной уголовно-правовой квалификации. Специфика таких преступлений обусловлена применением насилия или угрозой его применения, особенностями механизма нападения, возможностью предварительной подготовки и участием нескольких лиц.

Согласно части 1 ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), разбой представляет собой нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [1]. Эффективность расследования зависит от своевременности следственных действий, полноты фиксации следов, обоснованности следственных версий и учета обстоятельств конкретного преступления.

Цель статьи — определить основные особенности расследования разбойных нападений и показать значение отдельных следственных действий для установления обстоятельств преступления.

Одним из важнейших направлений расследования является установление обстоятельств, имеющих значение для квалификации содеянного. Необходимо выяснить характер примененного насилия, направленность умысла виновного, способ совершения нападения, обстоятельства завладения имуществом и возможную связь преступления с другими противоправными действиями.

В. В. Зозуля отмечает: «Таким образом, как сопряженное с разбоем или вымогательством следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений» [2, с. 46]. Это положение подчеркивает необходимость комплексного исследования преступного события, если в действиях виновного усматриваются признаки нескольких преступлений. При наличии соответствующих оснований учитывается пункт «з» части 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающий ответственность за убийство, сопряженное, в частности, с разбоем [1].

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, определены ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). К ним

относятся событие преступления, время, место и способ его совершения, виновность лица, форма вины и мотивы, а также характер и размер причиненного вреда [3].

Важнейшим первоначальным следственным действием выступает осмотр места происшествия. Он позволяет обнаружить и зафиксировать следы обуви, биологические следы, повреждения предметов обстановки, предполагаемые орудия преступления и другие объекты, имеющие доказательственное значение. Своевременное проведение осмотра и обеспечение сохранности обстановки способствуют восстановлению механизма нападения и определению направлений дальнейшего расследования.

Порядок производства осмотра регулируется ст. 176 и 177 УПК РФ, а требования к фиксации его результатов — ст. 180 УПК РФ [3]. При осмотре важно последовательно исследовать место происшествия, надлежащим образом фиксировать обнаруженные следы и обеспечивать сохранность изымаемых объектов.

На первоначальном этапе также необходимо выдвигать и проверять следственные версии: устанавливать количество участников нападения, последовательность их действий, возможное распределение ролей и направление отхода с места происшествия. Для этого исследуются показания потерпевших и свидетелей, материальные следы и записи камер видеонаблюдения, если они имеются.

Особое значение имеет допрос потерпевших и свидетелей. В ходе него выясняются обстоятельства нападения, характер угроз и насилия, внешние признаки преступника, особенности его речи и одежды. При оценке показаний следует учитывать условия восприятия события, продолжительность контакта с нападавшим и время, прошедшее до допроса. При наличии оснований проводится предъявление для опознания в порядке ст. 193 УПК РФ; его результаты оцениваются в совокупности с другими доказательствами [3].

Отдельного внимания требуют разбойные нападения, совершенные несовершеннолетними. При расследовании таких дел необходимо учитывать возраст подозреваемого, условия его жизни и воспитания, особенности психического развития и возможное влияние взрослых лиц.

А. И. Усик подчеркивает: «Как наиболее значимым следственным действием при расследовании преступ-

лений данной категории дел, допрос содержит в себе большое количество особенностей, непосредственно связанных с несовершеннолетием лица» [4, с. 726]. Данное наблюдение указывает на необходимость учитывать возрастные особенности допрашиваемого при выборе тактических приемов и организации следственного действия.

Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних закреплены в главе 50 УПК РФ. Ст. 421 УПК РФ предусматривает установление дополнительных обстоятельств, включая возраст несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и влияние на него старших по возрасту лиц [3]. Выяснение этих обстоятельств позволяет определить возможную роль взрослых в подготовке преступления и характер взаимодействия между участниками.

На организацию расследования влияет и способ совершения разбойного нападения. Преступления на открытой местности могут отличаться степенью предварительной подготовки, выбором потерпевшего и использованием особенностей окружающей обстановки. М. Г. Ахмедов отмечает: «наибольшее количество грабежей и разбоев на открытом пространстве совершается, как уже было отмечено, ситуативно, а причиной тому служат отсутствие необходимости длительной подготовки и возможность совершения большего количества нападений» [5, с. 110].

Это наблюдение позволяет рассматривать ситуативность как один из факторов, влияющих на способ совершения преступления. Вместе с тем применительно к конкретному делу предположение об отсутствии подготовки требует проверки. Для этого анализируются показания участников, особенности места происшествия, записи видеонаблюдения и сведения о других нападениях, совершенных сходным способом.

Особую сложность представляет расследование разбойных нападений, совершенных организованной группой. В таких случаях необходимо установить состав группы, распределение функций, характер взаимодействия участников, способы подготовки преступления и сокрытия его следов. Совершение разбоя организованной группой относится к квалифицирующим обстоятельствам, предусмотренным пунктом «а» части 4 ст. 162 УК РФ [1].

Г. Г. Амирбекова и А. Р. Назаралиев указывают: «характерной особенностью преступлений, совершенных организованной преступной группой, является длительный

этап их подготовки, который включает подбор участников преступления, выбор объекта преступления, планирование, подготовку оружия, орудий и оборудования для совершения задуманных действий, разработку и подготовку способов сокрытия преступления» [6, с. 85].

Поэтому при расследовании следует проверять сведения о предварительном наблюдении за потерпевшим, согласовании времени и места нападения, распределении ролей, подготовке транспортных средств и разработке способов отхода. При этом участие нескольких лиц или наличие предварительной договоренности сами по себе не свидетельствуют об организованной группе: соответствующая форма соучастия устанавливается на основании совокупности обстоятельств дела и положений уголовного закона.

На последующем этапе расследования систематизируются и проверяются собранные доказательства, уточняются обстоятельства преступления и устанавливаются возможные дополнительные эпизоды. При необходимости назначаются судебно-медицинские, молекулярно-генетические, дактилоскопические, трасологические и другие экспертизы. Их назначение регулируется ст. 195 УПК РФ, а права участников процесса при назначении и производстве экспертизы — в частности, ст. 198 УПК РФ [3]. Заключение экспертов оцениваются в совокупности с другими доказательствами.

Таким образом, расследование разбойных нападений предполагает комплексное применение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических средств. Существенное значение имеют своевременный осмотр места происшествия, получение и проверка показаний, выдвижение следственных версий и использование специальных знаний.

При расследовании нападений, совершенных несовершеннолетними, необходимо соблюдать специальные процессуальные гарантии и устанавливать дополнительные обстоятельства, предусмотренные законом. В делах об организованных группах особое внимание уделяется подготовке преступления, распределению ролей и способам сокрытия следов. Последовательное исследование обстоятельств происшествия и оценка доказательств в их совокупности создают условия для установления фактической картины преступления и принятия законного и обоснованного процессуального решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Зозуля В. В. Квалификация преступлений против собственности // Научный портал МВД России. — 2009. — № 3. — С. 45–48.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52, ч. I. — Ст. 4921.
4. Усик А. И. Особенности расследования разбойного нападения, совершенного несовершеннолетним // Теория и практика современной науки. — 2017. — № 12 (30). — С. 725–727. — URL: <https://sciup.org/140270582> (дата обращения: 16.10.2026).

5. Ахмедов М. Г. Способы совершения грабежей и разбойных нападений на открытой местности // Вестник экономики и права. — 2020. — № 49. — С. 107–111.
6. Амирбекова Г. Г., Назаралиев А. Р. Некоторые особенности расследования уголовных дел о разбое, совершенном организованной группой // Право и практика. — 2019. — № 2. — С. 84–88.

Участие специалиста с медицинскими знаниями в предварительном расследовании: теоретические и правовые основы

Тхагапсо Мурат Аскерович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья ориентирована на исследование теоретических и правовых оснований участия специалиста, обладающего медицинскими знаниями, на стадии предварительного расследования. Научная востребованность выбранной проблематики определяется увеличением числа уголовных дел, при расследовании которых возникает потребность в применении медицинских познаний, а также сохраняющейся неопределенностью процессуального положения данного участника. Элемент научной новизны выражается в комплексном анализе медицинского специалиста как носителя специальных знаний, процессуальная роль которого подлежит разграничению с положением судебно-медицинского эксперта. В работе раскрываются содержание и признаки специальных медицинских знаний, рассматриваются процессуальные и внепроцессуальные формы их применения в досудебном производстве. Отдельное внимание уделяется соотношению функций специалиста и эксперта, а также нормативным противоречиям, содержащимся в статье 178 УПК РФ. Цель исследования заключается в формировании теоретической и правовой модели участия медицинского специалиста в предварительном расследовании. Для достижения данной цели применяются формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, структурный и иные методы научного познания. Эмпирическую и теоретическую базу составляют научные публикации за период с 2021 по 2025 год, нормативные правовые акты и методические рекомендации. В заключение формулируются выводы и предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: специалист, специальные медицинские знания, предварительное расследование, судебно-медицинский эксперт, осмотр трупа, следственные действия, уголовное судопроизводство, сведущее лицо, процессуальный статус, врач-специалист.

Participation of a specialist with medical knowledge in a preliminary investigation: theoretical and legal foundations

This article examines the theoretical and legal foundations for the participation of a medical specialist during the preliminary investigation. The scientific relevance of this topic is driven by the increasing number of criminal cases requiring the application of medical expertise, as well as the continuing uncertainty regarding the procedural status of this participant. The novelty of this research lies in the comprehensive analysis of the medical specialist as a holder of specialized knowledge, whose procedural role is differentiated from that of a forensic medical expert. The article explores the content and characteristics of specialized medical knowledge and examines the procedural and non-procedural forms of its application in pre-trial proceedings. Particular attention is paid to the relationship between the functions of the specialist and the expert, as well as the regulatory contradictions contained in Article 178 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The purpose of this study is to develop a theoretical and legal model for the participation of a medical specialist in preliminary investigations. To achieve this goal, formal legal, comparative legal, systemic, structural, and other methods of scientific inquiry are used. The empirical and theoretical basis is comprised of scientific publications from 2021 to 2025, regulatory legal acts, and methodological recommendations. The final section formulates conclusions and proposals aimed at improving criminal procedural legislation.

Keywords: specialist, specialized medical knowledge, preliminary investigation, forensic expert, corpse examination, investigative actions, criminal proceedings, knowledgeable person, procedural status, medical specialist.

Введение

Следственная практика в современных условиях все чаще обращается к участию лиц, располагающих медицинскими познаниями. Расследование преступлений против

жизни и здоровья, дорожно-транспортных происшествий с потерпевшими, дел о ненадлежащем оказании медицинской помощи, а также случаев обнаружения трупов при неустановленной причине смерти образует широкий круг уголовных производств, результативность которых об-

условлена своевременным и корректным применением медицинских знаний. При этом единый понятийный аппарат в рассматриваемой сфере пока не сформирован. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации использует категорию специальных знаний при определении процессуального положения эксперта и специалиста в статьях 57 и 58, однако статья 5 данного кодекса не раскрывает содержание указанного понятия. В результате его наполнение остается оценочным и во многом зависит от усмотрения правоприменителя. Дополнительные сложности вызывает регламентация осмотра трупа, поскольку статья 178 УПК РФ указывает на обязательное участие судебно-медицинского эксперта, тогда как характер выполняемых при этом действий соответствует функциям специалиста в области судебной медицины [1]. Подобное расхождение терминологии и содержания нормы создает основания для дискуссий о допустимости получаемой информации и пределах компетенции привлекаемого врача.

Цель исследования состоит в формировании теоретико-правовой модели участия специалиста, обладающего медицинскими знаниями, в предварительном расследовании. Такая модель должна отражать самостоятельное процессуальное значение данной фигуры и обеспечивать согласованное применение норм уголовно процессуального закона.

Достижение указанной цели предполагает раскрытие понятия и признаков специальных медицинских знаний, а также определение места медицинского специалиста среди иных носителей специальных знаний в досудебном производстве. Наряду с этим требуется систематизация процессуальных и внепроцессуальных форм участия такого специалиста в предварительном расследовании с выявлением пробелов их правовой регламентации. Отдельное значение имеет разграничение функций специалиста и судебно-медицинского эксперта, поскольку именно через это разграничение становится возможной выработка предложений по уточнению уголовно процессуального законодательства.

Материалы и методы

Методологический контур исследования сформирован диалектическим методом познания правовой действительности, позволившим рассмотреть участие специалиста, обладающего медицинскими знаниями, в стадии предварительного расследования в состоянии развития, во взаимной обусловленности доктринальных подходов и практики применения закона, а также в связи материальных и процессуальных аспектов использования специальных знаний. На данной методологической базе применялись общенаучные приемы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования и обобщения, благодаря которым описание отдельных проявлений исследуемого института было соотнесено с выводами обобщающего характера.

Формально юридический метод использовался при толковании норм уголовного процесса, законодательства

о государственной судебной экспертизе и подзаконного регулирования в сфере здравоохранения. Его применение позволило установить внутреннюю несогласованность отдельных нормативных конструкций, включая расхождение между обозначением участника осмотра трупа в статье 178 УПК РФ и фактически выполняемой им процессуальной функцией.

В исследовании также применялись сравнительно правовой и системно структурный методы. Сравнительно правовой подход обеспечил сопоставление процессуального положения эксперта и специалиста, заключения эксперта и заключения специалиста, а также различных способов обращения к медицинским знаниям в досудебном производстве. Системно структурный метод позволил рассмотреть специалиста как элемент системы средств доказывания и определить функциональное место медицинского специалиста в конструкции предварительного расследования.

Эмпирическую и нормативную базу исследования составили Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в действующей редакции [1], Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2], порядок проведения судебно-медицинской экспертизы, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [3], а также методические рекомендации по работе врача специалиста в области судебной медицины. Сопоставление доктринальных позиций с положениями указанных актов обеспечило проверку выдвинутой гипотезы и обоснование выводов исследования.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование позволило сформулировать взаимосвязанные результаты, раскрывающие теоретико-правовые основания участия специалиста, обладающего медицинскими знаниями, в предварительном расследовании.

Понятие специальных медицинских знаний требует отдельного уточнения. В научной доктрине специальные знания обычно раскрываются как знания, выходящие за пределы общеизвестных и общедоступных сведений, формируемые посредством специального образования либо профессионального опыта и применяемые при разрешении вопросов, возникающих в ходе расследования. В медицинской сфере к ним относятся сведения из анатомии, физиологии, патологии, танатологии, токсикологии, травматологии и смежных областей [4, 5]. Уголовно-процессуальный закон использует категорию специальных знаний в статьях 57 и 58 УПК РФ, однако статья 5 УПК РФ не содержит ее легального определения. По этой причине данная категория сохраняет оценочный характер, а признание конкретных знаний специальными во многом зависит от усмотрения лица, осуществляющего производство по делу [6, 15]. Такая ситуация создает условия для различного толкования и осложняет едино-

образное определение круга вопросов, при разрешении которых требуется участие врача [1].

В уголовном процессе носителями специальных медицинских знаний выступают судебно-медицинский эксперт и специалист. Их разграничение определяется функциональными и процессуальными критериями при возможной близости профессиональной подготовки. Эксперт осуществляет исследование представленных объектов и материалов, после чего формирует доказательство в виде заключения эксперта. Специалист использует имеющиеся знания для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, помогает формулировать вопросы эксперту, разъясняет сторонам и суду вопросы, относящиеся к его компетенции, при этом полноценное экспертное исследование им не проводится [4]. Наделение специалиста исследовательскими полномочиями, как отмечается в литературе, нарушает логику процессуального регулирования и размывает границу между двумя правовыми институтами [5].

Систематизация форм использования специальных медицинских знаний показывает их деление на процессуальные и внепроцессуальные. К процессуальным формам относятся назначение и производство судебно-медицинской экспертизы, участие специалиста в следственных действиях, а также дача заключения и показаний специалистом. К внепроцессуальным формам относятся справочные консультации, предварительное консультирование следователя до возбуждения уголовного дела и ведомственные проверки [4]. Такое разграничение имеет прикладное значение, поскольку доказательственный статус способны получить сведения, закрепленные в установленной процессуальной форме, тогда как внепроцессуальные формы выполняют информационную и организационную функцию в расследовании.

Одной из процессуальных форм участия медицинского специалиста является его привлечение к осмотру трупа и места происшествия. Закон предусматривает производство осмотра трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности такого участия с участием врача, что закреплено в статье 178 УПК РФ. На месте обнаружения трупа медик выявляет признаки, позволяющие оценить время наступления смерти, характер и механизм образования повреждений, констатирует смерть, консультирует следователя по вопросам последующей экспертизы, содействует обнаружению и изъятию следов биологического происхождения [7]. Высказывания врача на месте происшествия имеют предварительный характер и не подменяют экспертное заключение, которое формируется по результатам полного исследования трупа [8].

В ходе исследования установлено противоречие действующей регламентации. Статья 178 УПК РФ обозначает обязательного участника осмотра трупа как судебно-медицинского эксперта, однако по содержанию выполняемых действий, связанных с содействием следователю в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств, такое лицо действует как специалист в области судебной медицины,

а не как эксперт в процессуальном смысле [9]. Системное толкование статей 57, 58, 80, 164, 168 и 195 УПК РФ подтверждает, что на стадии осмотра привлекается специалист, тогда как экспертная деятельность начинается после назначения экспертизы. Сохранившееся словоупотребление связано с прежними подходами к регулированию и не отражает фактического процессуального положения врача, что отмечается в научных работах применительно к осмотру и эксгумации [9].

Эксгумация также демонстрирует недостаточную согласованность регулирования. При ее производстве участие специалиста в области судебной медицины признается обязательным. Исследователи указывают на пробелы и неточности соответствующих норм, на коллизию УПК РФ с законодательством о погребении и похоронном деле, а также предлагают закрепить эксгумацию как отдельное следственное действие в самостоятельной статье и заменить указание на судебно-медицинского эксперта формулировкой специалист в области судебной медицины [9]. Данные предложения соотносятся с выявленным противоречием и подтверждают устойчивый характер проблемы.

Анализ также показывает повышение роли медицинского специалиста в нестандартных следственных ситуациях. При осмотре трупа, обнаруженного на месте взрыва, согласованные действия следователя и специалиста в области судебной медицины позволяют уже в ходе осмотра получить необходимую информацию, сформировать вопросы для последующей экспертизы и обеспечить корректную фиксацию фрагментированных останков [10]. При установлении личности неопознанного трупа предварительные суждения судебного медика, сделанные на месте обнаружения, имеют ориентирующее значение для выбора направления расследования. Включение специалиста в состав следственно-оперативной группы выступает организационной формой использования медицинских знаний [11].

Исследование подтвердило, что процессуальная форма является условием допустимости получаемых сведений. Соблюдение требований закона при привлечении специалиста, отражение его участия в протоколе следственного действия, правильное изъятие и приобщение объектов биологического происхождения обеспечивают допустимость и достоверность формируемых доказательств [11]. Нарушение указанных требований либо смешение функций специалиста и эксперта может повлечь утрату доказательственного значения полученных сведений. Методические рекомендации профильных экспертных учреждений, подготовленные с учетом действующего порядка проведения судебно-медицинской экспертизы, конкретизируют алгоритм работы врача-специалиста на месте обнаружения трупа и частично восполняют недостатки процессуального регулирования [12].

Полученные результаты позволяют перейти от описания выявленных проблем к их теоретическому объяснению и формированию авторской позиции. Отсутствие

легальной дефиниции специальных знаний, терминологическая неточность статьи 178 УПК РФ, неполнота регламентации эксгумации, а также смешение функций специалиста и эксперта указывают на общую причину, связанную с неопределенностью места специалиста, обладающего медицинскими знаниями, в системе средств доказывания. Вследствие этого его процессуальное положение регулируется фрагментарно, с сохранением формулировок, относящихся к различным этапам развития уголовно-процессуального права.

Специалиста с медицинскими знаниями целесообразно рассматривать как самостоятельную процессуальную фигуру, имеющую собственное функциональное назначение, которое может быть обозначено как обеспечительно-познавательное. В отличие от эксперта, формирующего новое доказательство посредством исследования, медицинский специалист привлекается на более ранних этапах расследования и выполняет несколько взаимосвязанных задач. Познавательная задача выражается в выявлении и предварительной оценке медицински релевантной информации на месте происшествия. Обеспечительная задача состоит в содействии надлежащему обнаружению, фиксации и изъятию объектов, которые впоследствии могут стать предметом экспертного исследования. Консультативная задача проявляется в помощи следователю при постановке вопросов и уяснении специальной медицинской материи. Соединение этих задач показывает, что участие медицинского специалиста не сводится к техническому сопровождению следственного действия.

Из указанного подхода следует предложение о терминологическом согласовании закона. Поскольку на стадии осмотра врач выполняет функции специалиста, в части первой статьи 178 УПК РФ формулировку судебно-медицинский эксперт целесообразно заменить формулировкой специалист в области судебной медицины. Такая корректировка устраним расхождение между названием участника и содержанием его деятельности, снизит вероятность споров о допустимости полученных сведений и приведет норму в соответствие со статьями 57 и 58 УПК РФ. Одновременно допустимо прямо закрепить возможность последующего участия врача, привлеченного к осмотру как специалиста, в качестве судебно-медицинского эксперта по тому же делу, если отсутствуют обстоятельства, препятствующие его беспристрастности.

Следующее предложение связано с восполнением понятийного пробела. Статью 5 УПК РФ целесообразно дополнить дефиницией специальных знаний, указав на их целевую направленность, связанную с установлением обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Нормативное закрепление общего определения позволит уменьшить оценочность данной категории и ограничить зависимость квалификации знаний как специальных от субъективного усмотрения правоприменителя. Медицинские знания в таком случае будут рассматриваться как

частный вид специальных знаний, что обеспечит терминологическое единство.

Структурная корректировка законодательства может быть связана с выделением эксгумации в самостоятельное следственное действие и ее регулированием в отдельной норме. При этом требуется согласование положений УПК РФ с законодательством о погребении и похоронном деле. В нормах, регулирующих участие врача в осмотровых действиях до назначения экспертизы, следует последовательно использовать термин специалист в области судебной медицины, что позволит устранить внутреннюю рассогласованность кодекса.

На доктринальном уровне требуется отказ от двух пространственных трактовок, не отражающих процессуальную роль медицинского специалиста. Первая сводит его участие к технической помощи следователю и тем самым ограничивает познавательное значение предварительных медицинских суждений для построения следственных версий. Вторая, напротив, фактически наделяет специалиста квазиэкспертными полномочиями и размывает границу между заключением специалиста и заключением эксперта. Такая позиция не согласуется с логикой закона, поскольку специалист не проводит экспертного исследования и не заменяет экспертизу. Обеспечительно-познавательная модель позволяет избежать этих крайних подходов и объясняет процессуальную роль специалиста как фигуры, выходящей за пределы технического содействия, но не совпадающей с экспертом [13, 14].

Таким образом, проблема процессуального статуса специалиста, обладающего медицинскими знаниями, имеет системный характер и требует согласованных изменений. К числу таких изменений относятся терминологическое уточнение статьи 178 УПК РФ, закрепление дефиниции специальных знаний в статье 5 УПК РФ, отдельное регулирование эксгумации и доктринальное обоснование обеспечительно-познавательной функции медицинского специалиста. Реализация указанных мер способна повысить результативность досудебного производства и снизить риски признания доказательств недопустимыми.

Заключение

При рассмотрении специальных медицинских знаний установлено, что они представляют собой профессиональные знания в области медицины, выходящие за пределы общеизвестных сведений и применяемые для разрешения вопросов, возникающих в ходе расследования. Их носителями в уголовном процессе выступают судебно-медицинский эксперт и специалист. Различие между указанными участниками определяется не объемом профессиональных познаний, а выполняемой процессуальной функцией. Отсутствие легального определения специальных знаний в статье 5 УПК РФ сохраняет оценочный характер данной категории и создает условия для неоднозначного толкования, что подтверждает необходимость ее нормативного закрепления.

В ходе исследования систематизированы формы участия медицинского специалиста в предварительном расследовании. Они включают процессуальные формы, к которым относятся производство экспертизы, участие в следственных действиях, заключение и показания специалиста, а также внепроцессуальные формы, выраженные в консультативной и справочной деятельности. Выявлены пробелы их правового регулирования, прежде всего неопределенность статуса врача при осмотре трупа и неполнота правил производства эксгумации. Одновременно установлено, что доказательственное значение могут приобретать сведения, полученные в процессуальной форме при соблюдении требований уголовно процессуального закона.

Разграничение функций специалиста и эксперта позволило сформулировать предложения по совершенствованию законодательства. К их числу относится замена в статье 178 УПК РФ термина «судебно медицинский эксперт» на формулировку «специалист в области судебной

медицины», закрепление в статье 5 УПК РФ дефиниции специальных знаний, выделение эксгумации в самостоятельное следственное действие, а также доктринальное признание обеспечительно познавательной функции медицинского специалиста.

Совокупность полученных выводов подтверждает, что специалист, обладающий медицинскими знаниями, имеет самостоятельное процессуальное значение, которое не совпадает с функциями эксперта. Действующее законодательство не отражает данную самостоятельность в необходимой мере, вследствие чего сохраняются терминологические и содержательные противоречия. Их устранение на основе предложенной модели может способствовать повышению качества предварительного расследования и обеспечению гарантий допустимости доказательств. Дальнейшее развитие данной проблематики связано с эмпирическим изучением следственной практики и сравнительно правовым анализом зарубежных подходов к определению статуса медицинского специалиста.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.06.2026).
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 18.06.2026).
3. Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2023 № 491н [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310250009> (дата обращения: 17.06.2026).
4. Епифанов А. Е. Участие специалиста в следственных и процессуальных действиях: аспекты уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — Т. 21. — № 2 (80). — С. 68–74. — DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.2.8>.
5. Жижина М. В., Омельянюк Г. Г., Лапина И. А. Правовой статус и оценка компетентности судебного эксперта и специалиста: концептуальные основы и практическая реализация // Теория и практика судебной экспертизы. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 25–38. — DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-25-38>.
6. Попова И. П., Иванова А. Л. Специальные знания как оценочная категория в уголовном процессе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 2 (26). — С. 132–140. — DOI: <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2023.90.53.013>.
7. Мединцов А. А., Ручкин В. А., Захарья И. Т. Организационные и тактические аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2021. — Т. 20. — № 2. — С. 82–89. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.11>.
8. Кушхов Р. Х., Бозиев М. В. Методика исследования трупа на месте его обнаружения // Право и управление. — 2023. — № 7. — С. 154–160. — DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-7-154-160>.
9. Ивенский А. И. О проблемах регламентации эксгумации // Вестник Самарского юридического института. — 2022. — № 5 (51). — С. 24–32. — DOI: <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.51.5.004>.
10. Мединцов А. А., Азарова Е. С., Ручкин В. А. Осмотр трупа, обнаруженного на месте взрыва // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 77–83. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.11>.
11. Буромский И. В., Ермакова Ю. В., Сидоренко Е. С. Участие врача в качестве специалиста в осмотре трупа на месте его обнаружения (месте происшествия) // Лечебное дело. — 2020. — № 3. — С. 91–94. — DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5315-2020-12262>.
12. Методика участия судебно-медицинского эксперта в осмотре трупа на месте происшествия: методические рекомендации / И. Ю. Макаров, А. Л. Кочоян, М. Л. Баранов [и др.]. — М.: ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, 2024. — 45 с.

13. Практика применения уголовно-процессуального закона в досудебном производстве: сборник материалов II Ежегодного Всероссийского межвузовского студенческого круглого стола, Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 г. / сост. О. В. Петрова. — СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. — 184 с.
14. Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2024 г. — М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, 2024. — 179 с.
15. Эртель Л. А., Стрижев В. А., Решетняк О. А. Институт специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2023. — Т. 15. — № 1. — С. 127–135. — DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-127-135>.

Тактические особенности участия специалиста, обладающего медицинскими знаниями, в производстве отдельных следственных действий на стадии предварительного расследования

Тхагапсо Мурат Аскерович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Работа посвящена тактике привлечения специалиста с медицинской подготовкой к проведению отдельных следственных действий в ходе предварительного расследования. Выбор темы обусловлен увеличением количества уголовных дел, по которым установление обстоятельств произошедшего требует обращения к знаниям судебной медицины и смежных областей, а также сохраняющейся неполнотой процессуального закрепления положения такого участника. Научная новизна выражается в целостном рассмотрении тактических приемов применительно к подготовительному, рабочему и завершающему этапам следственного действия. В исследовании раскрыты формы участия медицинского специалиста, охарактеризованы типовые следственные ситуации, рассмотрены осмотр места происшествия, осмотр трупа, освидетельствование и получение образцов для сравнительного исследования. Отдельное внимание направлено на разграничение процессуальных функций специалиста и эксперта, а также на причины возникновения тактических ошибок. Цель исследования заключается в формулировании рекомендаций, ориентированных на повышение результативности участия лица, обладающего медицинскими знаниями. Для достижения указанной цели использованы формально юридический, сравнительно правовой и системно структурный методы, а также обобщение следственной практики. Материалом исследования выступили нормативные акты, методические рекомендации и научные публикации. В заключительной части представлены выводы и авторские предложения, адресованные потребностям следственной, экспертной и образовательной деятельности в юридической и медицинской сферах.

Ключевые слова: специалист, медицинские знания, специальные знания, следственные действия, предварительное расследование, осмотр места происшествия, осмотр трупа, освидетельствование, судебно-медицинский эксперт, тактика.

Tactical features of the participation of a medical specialist in specific investigative actions during the preliminary investigation

This paper examines the tactics of engaging a medically trained specialist in specific investigative actions during the preliminary investigation. This topic was chosen due to the increasing number of criminal cases in which establishing the circumstances of the incident requires the use of forensic medicine and related fields, as well as the persistent incompleteness of the procedural definition of such a participant. Scientific novelty lies in the comprehensive examination of tactical approaches applicable to the preparatory, operational, and final stages of investigative actions. The study describes the forms of medical specialist participation, characterizes typical investigative situations, and examines crime scene inspection, body examination, examination, and the collection of samples for comparative analysis. Particular attention is paid to distinguishing the procedural functions of the specialist and expert, as well as the causes of tactical errors. The purpose of the study is to formulate recommendations aimed at increasing the effectiveness of the participation of a medically trained specialist. To achieve this goal, formal legal, comparative legal, and systemic structural methods were used, along with a summary of investigative practice. The research material included regulatory acts, methodological recommendations, and scientific publications. The final section presents conclusions and the author's proposals, addressing the needs of investigative, expert, and educational activities in the legal and medical fields.

Keywords: *specialist, medical knowledge, specialized knowledge, investigative actions, preliminary investigation, crime scene inspection, corpse examination, examination, forensic expert, tactics.*

Введение

Результативность досудебного производства во многих случаях определяется качеством обращения следователя к специальным знаниям. В структуре таких знаний медицинская подготовка имеет самостоятельное криминалистическое значение, поскольку требуется при расследовании убийств, причинения вреда здоровью, преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, происшествий на транспорте, ятрогенных деяний, а также при установлении причины смерти и времени ее наступления. При этом процессуальное положение лица, обладающего медицинскими знаниями, закреплено непоследовательно. В уголовно процессуальном законе и связанных с ним практических конструкциях используются различные обозначения такого участника, включая эксперта в области судебной медицины, врача и специалиста, однако единые тактические ориентиры его привлечения не сформированы. Подобная неоднородность приводит к различиям в правоприменительной практике и отрицательно отражается на доказательственном потенциале получаемых сведений [1, 2]. Актуальность исследования связана с потребностями расследования и недостаточной разработанностью тактического аспекта участия медицинского специалиста, который нередко рассматривается преимущественно через призму процессуальной формы.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации тактических особенностей участия специалиста, обладающего медицинскими знаниями, при производстве отдельных следственных действий на основе анализа нормативной базы, методических материалов и научных публикаций, а также в подготовке рекомендаций, направленных на повышение результативности такого участия.

Для достижения указанной цели предполагается определить формы и процессуальные основания привлечения медицинского специалиста к следственным действиям, а также разграничить его функции с функциями эксперта. Далее требуется раскрыть тактические приемы его участия применительно к осмотру места происшествия, осмотру трупа, освидетельствованию и получению образцов для сравнительного исследования с учетом подготовки, непосредственного проведения и фиксации результатов. Кроме того, подлежит выявлению круг типичных тактических ошибок, возникающих при привлечении медицинского специалиста, с последующим обоснованием мер, позволяющих предупреждать их возникновение.

Материалы и методы

Методологическая база исследования сформирована совокупностью общих и специальных методов научного познания, примененных во взаимной связи. Значение для

анализа имел формальный юридический метод, посредством которого рассматривались положения УПК Российской Федерации, определяющие участие специалиста и врача в следственных действиях, включая статьи 58, 168, 178, 179 и 202, а также нормы Федерального закона о государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации. Применение данного метода позволило установить смысловые расхождения и терминологическую неоднородность в правовом регулировании указанной сферы.

Метод системного структурирования использовался для раскрытия участия медицинского работника как единого процесса, последовательно развивающегося в пределах подготовки следственного действия, его непосредственного проведения и последующей фиксации результатов. Такой исследовательский подход позволил соотнести тактические приемы с отдельными стадиями следственного действия и показать их внутреннюю взаимосвязь без разрозненного описания.

Метод правового сравнения и сопоставление доктринальных позиций применялись при анализе научных подходов к разграничению процессуального положения специалиста и эксперта, определению пределов компетенции врача при освидетельствовании и осмотре, а также при изучении нормативных и методических требований к деятельности судебного медика на месте происшествия. Обобщение и толкование материалов правоприменительной и экспертной практики позволили выделить повторяющиеся следственные ситуации и характерные ошибки, возникающие при привлечении лица, обладающего медицинскими знаниями.

Источники отбирались с учетом соответствия теме исследования, научного статуса издания и времени публикации. Предпочтение отдавалось научным работам, методическим рекомендациям и руководствам, опубликованным начиная с 2021 года, что позволило учитывать действующие редакции нормативных актов и современные методические подходы. Нормативные материалы использовались в актуальных редакциях, размещенных в справочных правовых базах.

На завершающей стадии применялись анализ, синтез и логическое обобщение. Сведения о тактических приемах, ошибках и формах взаимодействия были объединены в целостную тактическую модель, послужившую основой для формулирования выводов и авторских предложений.

Результаты и обсуждение

Привлечение лица, обладающего медицинскими знаниями, в досудебном производстве выражается в разных процессуальных формах. Уголовно процессуальный

закон прямо закрепляет участие эксперта в области судебной медицины, а при отсутствии такой возможности врача иной специальности, при осмотре трупа. Кроме того, предусматривается участие врача при освидетельствовании, связанном с обнажением лица другого пола, а также допускается привлечение специалиста к осмотру места происшествия, получению образцов, проверке показаний и иным следственным действиям. Для криминалистической тактики значение имеет разграничение процессуальных фигур специалиста и эксперта. Специалист оказывает содействие в обнаружении, закреплении и изъятии следов, использует технические средства, дает пояснения по вопросам, входящим в сферу его знаний, однако не проводит самостоятельного экспертного исследования и не формулирует заключение по правилам судебной экспертизы. Эксперт, напротив, реализует специальные знания посредством исследования и последующего заключения [1, 2, 13]. Поэтому следователю необходимо до начала действия определить процессуальное качество привлекаемого медицинского работника, поскольку от этого зависят пределы его полномочий и доказательственная природа получаемого результата [4].

Подготовка участия медицинского специалиста во многих ситуациях определяет дальнейший ход следственного действия. На данной стадии следователь оценивает потребность в медицинских знаниях с учетом конкретной следственной ситуации, подбирает специалиста соответствующего профиля, проверяет его компетентность, отсутствие оснований для отвода, разъясняет права и обязанности [10]. Тактическое значение имеет сообщение медицинскому специалисту фабулы события, проверяемых версий и задач предстоящего действия, а также предварительное согласование порядка взаимодействия и распределения ролей в составе группы следователя и оперативных сотрудников. В научных источниках справедливо отмечается, что даже при неотложном характере осмотра места происшествия, осмотра трупа либо освидетельствования краткий инструктаж до начала работы повышает полноту выявления криминалистически значимых сведений [6]. Недостаточная проработка этой стадии нередко становится уязвимым элементом практической деятельности.

Осмотр места происшествия относится к числу следственных действий, в которых медицинские знания используются в развернутом виде. Медицинский специалист помогает следователю ориентироваться в характере повреждений, предполагаемом механизме их образования, способствует выявлению, описанию и изъятию следов биологического происхождения, включая кровь, иные выделения и волосы, а также обращает внимание на признаки, имеющие значение для построения и проверки версий [3, 9]. С тактической точки зрения оправдано сочетание концентрического либо эксцентрического способа осмотра с узловым подходом к зоне обнаружения трупа или следов насильственного воздействия. При этом процессуальное руководство сохраняется за следователем,

который принимает решения и определяет ход осмотра, тогда как медицинский специалист действует в пределах своей компетенции и не замещает эксперта [7]. Методические подходы последних лет учитывают применение цифровой фиксации обстановки, что расширяет возможности последующей проверки результатов осмотра [8].

Осмотр трупа на месте обнаружения требует последовательного соблюдения медицинской и криминалистической методики. Методические рекомендации предусматривают участие врача в установлении и описании трупных явлений, включая охлаждение, окоченение, трупные пятна, гнилостные изменения и суправитальные реакции, что позволяет ориентировочно оценить время наступления смерти. Кроме того, фиксируются поза, состояние одежды, локализация и морфологические признаки повреждений, оказывается помощь в обнаружении и изъятии следов [3, 5]. Тактически оправдан такой порядок работы, при котором вначале фиксируются общая обстановка и положение тела, затем описываются частные признаки, после чего допускаются действия, способные изменить первоначальное состояние объекта. Медицинский специалист на месте обнаружения трупа не должен давать категорическое суждение о причине смерти, поскольку данный вопрос относится к предмету последующей судебной медицинской экспертизы [1, 2]. Нарушение этой границы создает риск преждевременных диагностических оценок, что подтверждается практическими ситуациями, когда первоначальное определение характера раны расходилось с выводами экспертизы [6].

Освидетельствование, понимаемое как осмотр тела живого лица, направлено на обнаружение особых примет, следов преступления, телесных повреждений, признаков опьянения и иных свойств, имеющих значение для расследования. Закон предусматривает участие врача, а при необходимости обнажения лица другого пола действие проводится врачом без присутствия следователя. В доктрине обоснованно выделяется различие между следственным освидетельствованием и освидетельствованием в сфере судебной медицины, поскольку они отличаются содержанием, субъектом и характером решаемых задач [7]. Тактическая специфика данного действия связана с соблюдением чести и достоинства освидетельствуемого, точным и нейтральным описанием повреждений, а также с фиксацией признаков, которые могут измениться или исчезнуть в течение времени, включая кровоподтеки и ссадины. Своевременное проведение освидетельствования, особенно по делам о насильственных преступлениях, влияет на сохранность доказательственной информации [6].

Получение образцов для сравнительного исследования в порядке статьи 202 УПК Российской Федерации при участии медицинского специалиста имеет выраженную тактическую направленность. Изъятие крови, слюны и иных биологических объектов требует соблюдения правил медицинской безопасности, исключения вреда здоровью, правильной упаковки и оформления сопроводительных документов для последующего исследования [11, 12]. Так-

тически необходимо обеспечить непрерывность процедуры и контроль происхождения каждого объекта, поскольку сомнения в источнике образца могут отразиться на оценке допустимости доказательства.

Самостоятельную группу образуют следственные действия, при которых медицинский специалист содействует получению, проверке и оценке вербальной информации либо моделированию обстоятельств события. К ним относятся допрос, проверка показаний на месте и следственный эксперимент. В таких случаях медицинский специалист помогает следователю оценить сведения о механизме травмы, возможности совершения определенных действий потерпевшим или подозреваемым, а также соответствие показаний объективной медицинской картине [11]. Тактический прием заключается в постановке через следователя уточняющих вопросов, содержание которых может быть проверено медицинскими данными, что позволяет выявлять противоречия между сообщаемой информацией и характером повреждений.

Фиксационная стадия имеет значение для каждого из указанных следственных действий. Участие медицинского специалиста должно находить отражение в протоколе, при этом медицинская часть описания нуждается в точности, терминологической корректности и ясности. Целесообразно, чтобы специалист проверял полноту внесения выявленных им признаков в протокол и давал пояснения относительно выполненных манипуляций [3, 4]. Средства фотографирования и видеозаписи повышают объективируемость фиксации и создают условия для последующей проверки полученных данных [8].

Анализ практики позволяет выделить повторяющиеся тактические ошибки. К ним относятся привлечение медицинского специалиста без сформулированной задачи либо отказ от его участия в ситуации, требующей специальных знаний [9], смешение функций специалиста и эксперта, преждевременные категорические выводы на месте, неполная или неточная фиксация медицинских сведений в протоколе, несвоевременный вызов специалиста и отсутствие согласованности между участниками следственного действия [6, 10]. Причины таких ошибок чаще связаны с недостатками подготовки и взаимодействия, чем с отсутствием специальных медицинских знаний как таковых.

Полученные результаты позволяют рассматривать участие медицинского специалиста в досудебном производстве шире, чем простое техническое содействие следователю в ходе рабочего этапа следственного действия [11]. Проведенный анализ подтверждает авторскую гипотезу о том, что результативность участия определяется не самим фактом присутствия медицинского работника и не только объемом его профессиональных знаний, а согласованностью действий, сформированной еще до начала следственного действия. Поэтому участие такого специалиста следует понимать как последовательную тактическую деятельность, охватывающую подготовку, прове-

дение и фиксацию результатов, а также включенную во взаимодействие следователя, оперативных сотрудников и иных участников.

На данном основании обосновывается необходимость предварительного инструктажа медицинского специалиста с определением задач действия, проверяемых версий и распределения ролей. Даже при неотложности такой инструктаж требует ограниченного времени, однако позволяет снизить риск утраты сведений, имеющих доказательственное значение [6]. Кроме того, представляется целесообразной разработка унифицированных тактических алгоритмов для типовых ситуаций, включая осмотр трупа, освидетельствование по делам о насильственных преступлениях и получение биологических образцов. В таких алгоритмах должны согласовываться требования УПК Российской Федерации и методические положения судебной медицины [3, 5]. Их применение способно уменьшить зависимость качества следственного действия от индивидуального опыта конкретного следователя или медицинского специалиста.

Терминологическая составляющая статуса медицинского работника требует отдельного учета в тактических рекомендациях. В каждом случае необходимо прямо фиксировать, в каком процессуальном качестве привлекается лицо, как специалист либо как эксперт, с обозначением пределов его компетенции в протоколе. Такое решение позволяет предупреждать распространенную ошибку, связанную с формулированием диагностических выводов на месте, которые впоследствии могут быть опровергнуты результатами экспертизы [1, 2, 6]. Поддержки заслуживает и разграничение следственного освидетельствования и освидетельствования, проводимого в сфере судебной медицины. На тактическом уровне это означает предварительное определение задач, которые могут быть решены врачом специалистом, и вопросов, требующих экспертного исследования [7].

Цифровизация следственной деятельности также влияет на участие медицинского специалиста. Применение фотографирования, видеозаписи и цифрового воспроизведения обстановки увеличивает проверяемость действий с его участием и одновременно предъявляет повышенные требования к точности пояснений, поскольку зафиксированная картина может анализироваться при дальнейшей оценке доказательств [8]. Цифровые средства не заменяют медицинскую оценку, а служат инструментом ее объективизации, сопоставления и контроля.

Дискуссионным остается вопрос о пределах инициативы медицинского специалиста. Процессуальное руководство принадлежит следователю, однако пассивное поведение специалиста, ограниченное ответами на поставленные вопросы, сужает познавательные возможности следственного действия. Оптимальной представляется модель активного содействия в пределах компетенции, при которой медицинский специалист по собственной инициативе обращает внимание следователя на признаки, имеющие значение для расследования, но

воздерживается от процессуальных решений и категорических экспертных выводов. Такой подход согласует руководящую роль следователя с необходимостью полного использования специальных знаний.

Участие медицинского специалиста в досудебном производстве следует рассматривать как управляемую и планируемую тактическую деятельность. Ее результативность обеспечивается прежде всего подготовкой, согласованием действий, ясным определением процессуального статуса, разумной активностью специалиста в пределах компетенции и применением средств объективной фиксации. Совокупность указанных мер позволяет сократить количество типичных ошибок и повысить доказательственную ценность результатов следственных действий.

Заключение

В ходе исследования установлено, что участие лица, обладающего медицинскими знаниями, в досудебном производстве выражается в нескольких процессуальных формах. В одних случаях такое участие предписано законом, в том числе при осмотре трупа и при отдельных вариантах освидетельствования, в других случаях привлечение медицинского специалиста зависит от характера следственной ситуации и усмотрения следователя. Одновременно выявлено, что функции специалиста и эксперта имеют различную процессуальную природу. Специалист оказывает содействие в обнаружении, закреплении и изъятии следов, применяет специальные знания при пояснении выявленных признаков, однако не осуществляет экспертное исследование и не формулирует заключение в порядке судебной экспертизы. Эксперт, напротив, действует в исследовательской форме и представляет выводы, обладающие самостоятельным доказательственным значением. Разграничение данных статусов выступает

условием корректного построения тактики следственного действия.

Были раскрыты тактические приемы участия медицинского специалиста применительно к осмотру места происшествия, осмотру трупа, освидетельствованию и получению образцов для сравнительного исследования. Установлено, что подготовка, непосредственное проведение и фиксация результатов образуют взаимосвязанную тактическую конструкцию. На стадии подготовки значение имеют выбор специалиста соответствующего профиля, проверка его компетентности, инструктаж, согласование задач и распределение ролей. В ходе проведения следственного действия медицинский специалист содействует последовательному выявлению, описанию и изъятию следов, а также обращает внимание следователя на признаки, имеющие значение для проверки версий. На стадии фиксации требуется полное и терминологически точное отражение полученных сведений в протоколе. Недостатки любой из указанных стадий способны снижать познавательную и доказательственную ценность результата.

Выявлены типичные тактические ошибки, возникающие при привлечении медицинского специалиста. К ним относятся формальное участие без заранее определенной задачи, отказ от привлечения специалиста при наличии потребности в медицинских знаниях, смешение функций специалиста и эксперта, преждевременное формулирование диагностических выводов, неполная фиксация медицинских признаков в протоколе, несвоевременный вызов специалиста и несогласованность действий участников следственно оперативной группы. Предупреждение указанных ошибок возможно при условии предварительного планирования, ясного определения процессуального статуса медицинского специалиста и согласования порядка его взаимодействия со следователем.

Литература:

1. Судебно-медицинская экспертиза: национальное руководство / под ред. Ю. И. Пиголкина. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2024. — 784 с.: ил. — ISBN 978-5-9704-8267-4. — DOI: <https://doi.org/10.33029/9704-8267-4-FME-2024-1-784>.
2. Судебная медицина: учебник / под ред. И. В. Буромского, Е. М. Кильдюшова. — 2-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 632 с. — ISBN 978-5-00156-375-4. — DOI: <https://doi.org/10.12737/2152079>.
3. Макаров И. Ю., Кочоян А. Л., Баранов М. Л. [и др.]. Методика участия судебно-медицинского эксперта в осмотре трупа на месте происшествия: методические рекомендации. — М., 2024. — 45 с.
4. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации: монография / под ред. Е. Р. Россинской. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2025. — 415 с. — ISBN 978-5-392-44640-7.
5. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» (зарегистрирован в Минюсте России 24.10.2023 № 75708) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460465/ (дата обращения: 11.02.2026).
6. Буромский И. В., Сидоренко Е. С., Ермакова Ю. В. Участие врача в качестве специалиста в осмотре трупа на месте его обнаружения (месте происшествия) // Лечебное дело. — 2020. — № 3. — С. 91–94. — DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-5315-2020-12262>.
7. Черепанова Л. В. Освидетельствование в уголовном процессе // Алтайский юридический вестник. — 2022. — № 1 (37). — С. 114–119.

8. Орешко В. Е. Возможности использования цифровых технологий при производстве следственных действий // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 4 (182). — С. 160–164. — DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.4.23>.
9. Меденцов А. А., Ручкин В. А., Захарья И. Т. Организационные и тактические аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2021. — Т. 20. — № 2. — С. 82–89. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.11>.
10. Каландаришвили Х. А. Теоретические и правовые аспекты использования показаний и заключения специалиста в уголовно-процессуальном доказывании // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 2. — С. 114–121. — DOI: <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.2.12>.
11. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 22.07.2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 14.04.2026).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ст. 58, 168, 178, 179, 202: в ред. от 10.06.2026 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.06.2026).
13. Эртель Л. А., Стрижев В. А., Решетняк О. А. Институт специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2023. — Т. 15. — № 1. — С. 127–135. — DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-127-135>.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 04.11.2026. Дата выхода в свет: 11.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.